

112 181

ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ

ПОЛІТИКО-ЕКОНОМІЧН.
ЖУРНАЛ

№

10

ЖОВТЕНЬ

РІК ВИДАВАННЯ
ШОСТИЙ

1929

ВИД-ТВО ГОСПОДАРСТВО
УКРАЇНИ — ХАРКІВ

81

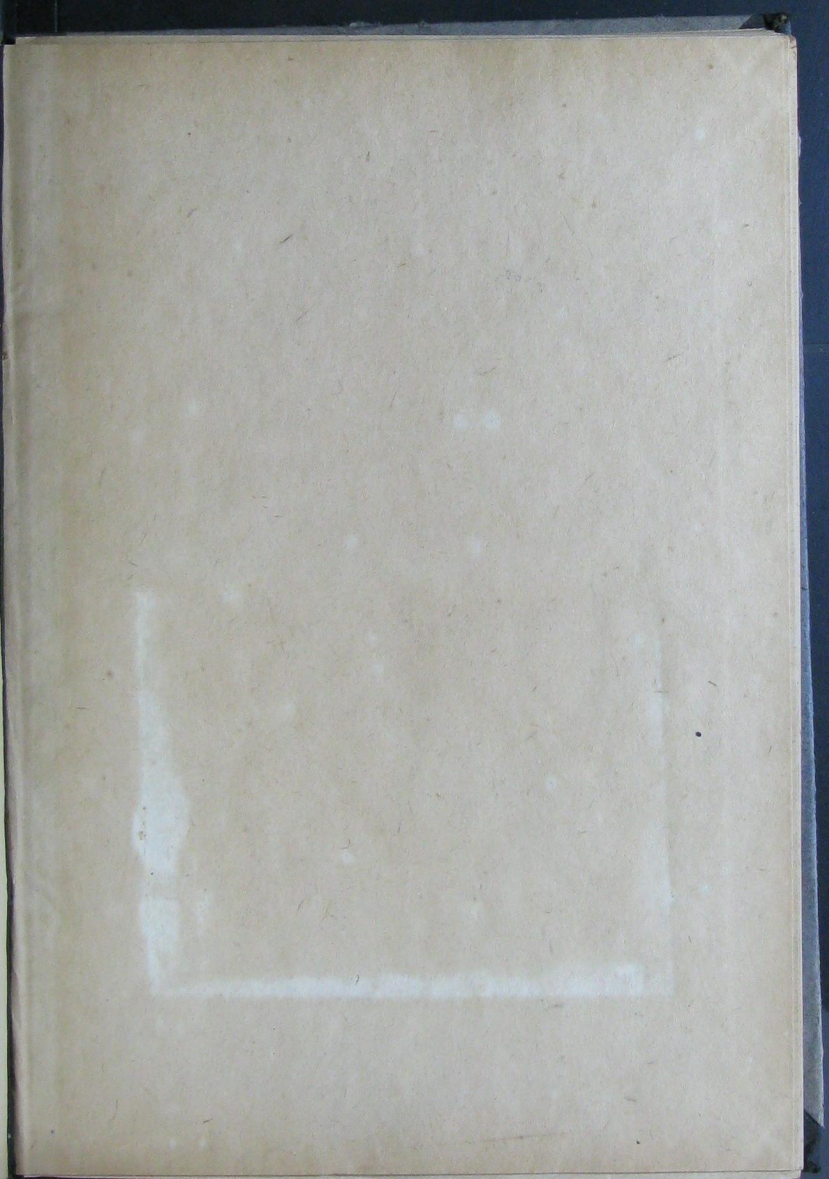
N. N. Kuznetsov, National University

00390319

9

34 35

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

338 (08)

Г. 3. 1929

ПР. 1927

ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ

ЩОМІСЯЧНИЙ
ПОЛІТИКО-ЕКОНОМІЧНИЙ ЖУРНАЛ

№ 10 (60)
ЖОВТЕНЬ

РІК ВИДАННЯ 6-й

Харків. Кат. Кар. 0 п.

Кабинет політекономії

Р. 3. 1929

ВИДАВНИЦТВО „ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ“
ХАРКІВ — 1929

Бібліографічний опис цього
видання вміщено в „Літописі
Укр. Друку“, „Картковому ре-
пертуарі“ та інших покажчиках
Української Книжкової Палати

Державний Трест
„Харполіграф“
Третя Друк. ім. Фрунзе
Донець - Захаржевська, 6.
Укргодовліт 63/ж6
Зам. 271. Прим. 1.650

З М І С Т

I. Статті

	Стор.
От редакції (к 5-й годовщине журнала)	5—12
Н. Ефимов-Маатапар — Передвісники загальної капіталістичної кризи та наш підйом	13—20
Проф. А. Яснопольский — Значение Бугской Электр. Станции для Украины	21—32
Я. Куперман — К характеристике советского банка	33—49
А. Шульгин — Проблема с.-х. районирования в современных условиях	50—55

II. Економіка і техніка

Л. Свержин — Сущность капиталистической рационализации	56—67
Н. Зелигман — Техническая и экономич. связь металлург. и химич. комбинатов Днепроострой	77—75

III. Нариси і замітки

Б. Сігал — До питання торг. обслуговування села	76—83
А. Футор'ян — Про деякі дефекти робітничого постачання	83—92
І. Федоренко — Колгоспне будівництво в СРСР на 1929-30 р.	92—102
В. Шпарлинський — Рибне господарство України	102—106

IV. Економ. життя закордонних країн

С. Каплан — Актуальні проблеми організації промисловості в Німеччині	107—122
--	---------

V. По округах

І. Лерман — Про насадження гальтеррейної промисловості на Київщині	123—129
Г. Агуф — Зменшення собівартості у металопромисловості Артемівщини	129—132

VI. Критика і бібліографія

Б. Сігал — До питання про приватний капітал — Я. Тун	133
Проблеми енергетики — Мат. к 5-річ. плану пр-ти — Н. Наумов	
Löhne und Arbeitszeit in den Steinkohlenbergwerken — А. Цукерник	
Weltwirtschaftliches Archiv — Band 30, Heft 2 — Д. К.-н	

VII. Бібліографічний покажчик до журналу „Господарство України“ за 5 років	1—48
--	------

Отд. приложение к № 16. „Господарство України“

А. С. ЗВЕНИЦКИЙ

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВ НА УКРАИНЕ

ХАРЬКОВ—1929

Бібліографічний опис цього видання
зміщено в „Літопису Українського
Друку“, „Картковому репертуарі“ та
інших покажчиках Української Книж-
кової Палати

Державний Трест
„Харполіграф“
Третя Друк. ім. Фрунзе
Донець-Захаржевська, 6
Укрголовліт 4693
Зам. 350. Прим. 800

А. С. ЗВОНЦКИЙ

К вопросу об организации торгов на Украине

Постановление СТО от 29 августа 1929 г. „О деятельности торгов“ поставило перед торгами новые задачи — точнее, новые формы и новые пропорции тех задач, которые они выполняют на сегодняшний день.

Изменения, вызываемые этими формами в структуре торгов, особенно значительны и сложны на Украине. Это учтено и самым постановлением, которое в п. 10 специально поручает УЭС'у проработать вопрос о структуре системы украинских торгов применительно к новым установкам,

Данные, изложенные в настоящей работе, были собраны и разработаны в связи с этим поручением. Они опираются главным образом на харьковские материалы, поскольку собирались в аппарате Харьковского Окргплана. Но необходимо признать, что харьковские данные обладают огромной показательностью для разрешения вопроса в общеукраинском масштабе; с одной стороны, г. Харьков, как огромный производственный и потребительский центр, представляет один из важнейших и наиболее показательных объектов торгового обслуживания; с другой стороны, из всех местных торгов Украины хаторг является наиболее развитым (как по объему своей работы, так и по ее разносторонности), и потому на его примере можно наиболее полно проследить плюсы и минусы местных торгов, зависящие от их структуры, а не от случайного недоразвития на сегодняшний день.

Основными задачами торгов, согласно постановления СТО, являются задачи по производственно-техническому снабжению промышленности с одной стороны (включая также снабжение коммунальных-предприятий и строительных организаций, транспорта, совхозов, госучреждений и неорганизованных кустарей) и реализация на широкий рынок продукции несиндигированной промышленности — с другой стороны. К этим задачам только в качестве вторичных присоединяется восполнение кооперативной розницы в случае ее недостаточности, осуществляемое, во первых, путем мелкооптового снабжения специальных вспомогательных рыночных организаций (инвалидов, деткомиссий, комбоборьбозов и т. д.) и частной розничной торговли, а во вторых — путем самостоятельной розницы торгов.

Необходимо отметить, что в обстановке Украины вообще и в обстановке больших городов в особенности все эти задачи обладают значительной сложностью.

Начнем с производственного снабжения промышленности. В больших городах и их округах, с одной стороны, сосредоточены крупные предприятия республиканского и союзного значения, которые не только основным сырьем и топливом, но и значительной частью вспомогательных материалов снабжаются в плановом порядке от производящих

организаций, и в отношении которых задача торгов ограничивается, таким образом, складской подассортировкой того технического инвентаря и тех вспомогательных материалов, которые потребляются в незначительном количестве. С другой стороны, местная промышленность больших городов в значительной части состоит из крупных трестированных предприятий, безусловно способных принимать транзитом и фактически так принимающих значительную часть сырья и материалов, но, в силу несиндицированности, не имеющих регулярного органа снабжения. С третьей стороны, как в городах, так и в районах имеется значительная масса мелких предприятий местной промышленности, еще восполняемая кустарной массой — для всей этой группы складское снабжение является нормальным путем даже в области основного производственного сырья и материалов, и здесь отсутствие регулярного снабжающего источника или параллелизм таких источников влечет за собой, кроме хранения лишних запасов на предприятии, еще и случайность и партизанский характер закупок с вытекающим их удорожанием, а в отдельных случаях даже с перебоями в обслуживании производства. Если же учесть не только территорию Харьковского, Киевского или др. подобного округа, но и территорию соседних округов, экономически тяготеющих к Харькову или Киеву, то размер и значение этой третьей группы станут чрезвычайно большими.

Между тем, именно эта третья группа наименее охвачена в настоящее время работой торгов. Если в отношении первых двух групп торгов имеют возможность выполнять свою задачу при помощи определенных договорных отношений с вполне оформленными крупными промышленными организациями, то в отношении третьей группы, мелкого и разпыленного промышленного потребления, необходима глубокая и тесная увязка торгов с данной категорией клиентов, сопровождаемая глубоким внедрением торговой сети в узловые пункты периферии. Само собой понятно, что подобная периферийная сеть может работать только в малом масштабе и узком ассортименте, служа одновременно связующим звеном между потребителем и центральной складской организацией для случаев требования на другие производственно-технические товары. Но даже при этих условиях легко понять, что периферийная сеть окажется недостаточно нагруженной, а тем самым и нерентабельной, если она не будет совмещать с работой по производственно-техническому снабжению еще и другую работу, уплотняющую ее нагрузку. Другими словами, для удовлетворительного разрешения данной задачи первым условием является универсализм периферийной торговой сети в пределах всего объема задач, возложенных на торгов постановлением СТО.

Вторым условием, без которого немислимы охват торгов местными производственных потребителей, особенно на периферии, является теснейшая увязка работы торгова с административными и экономическими центрами тяготения этого потребителя — учреждениями, которые его планируют и регулируют, организациями, которые вырабатывают его сырье или потребляют его продукцию. Первый момент ведет к необходимости тесной связи торгова с окружным Исполкомом и его отделами; второй момент — к необходимости тесной увязки работы торгова с производственными и торговыми организациями экономического центра. В работах торговой секции Укргосплана выявлено, что снабженческо-сбытовое тяготение местной промышленности имеет радиус шире окружного, но не достигший республиканского масштаба и примерно совпадающий с масштабом экономического района. Это положение каждому практическому работнику легко проверить непосредственно суммой своих оперативных впечатлений: кому-бы ни сказать, что местная промышлен-

ность Левобережья имеет снабженческо-сбытовое тяготение к Харькову, Правобережье к Киеву и т. д. — правильность этого положения будет очевидна для всякого оперативного работника.

Отсюда вытекает, что для наиболее полного охвата глубинных потребителей производственно-технического снабжения, соответственный торг должен центрироваться в центре экономического района и иметь теснейшую, организующую связь в работе с местными Исполкомами и их органами. Едва ли нужно оговорить, что задача в этом направлении не разрешается одним только помещением в центре экономического района складской базы торгова: увязка с организациями, направляющими и регулирующими экономическую жизнь района и его центра должна осуществляться и лице того органа, от которого зависит все направление работы торгова в целом и все содержание его маневрирования в отдельных случаях, т. е. в лице Правления. — Филиал, подчиняющийся управлению извне района и даже в материальном объеме и содержании своей торговой работы лимитируемый товарной массой, направляемой ему извне, задачи этой разрешить не может.

То, что мы сейчас говорили о производственно-техническом снабжении промышленности, в равной мере относится и к производственно-техническому снабжению Коммунального Хозяйства (начиная гигантом Харьковом и кончая районными центрами) и к снабжению строительства, транспорта (начиная железными дорогами и кончая местным транспортом малоразвитых районов), и всех прочих потребителей производственного снабжения. Мы можем, таким образом, в отношении этой первой задачи торгов сделать следующий вывод: задача производственно-технического снабжения удовлетворительно разрешается только при двух условиях:

а) радиус работы торгова не должен быть шире экономического района; б) торг должен обладать глубокой периферийной сетью, для которой неизбежен универсализм в смысле выполнения всех задач, возложенных на торгов.

II.

Не трудно видеть, что изложенные замечания еще с большей несомненностью предопределяют условия успешного разрешения второй задачи — охвата сбыта несиндицированной местной и неорганизованной кустарной промышленности.

Для Украины эта задача имеет исключительную важность. Работы Торговой Секции Укргосплана по контрольным цифрам на 1929-30 год выяснили, что из всей обращающейся на украинском рынке промтоварной массы широкого потребления еще в 1928-29 году, несмотря на ежегодный рост ее планового охвата, только 48,8% составляла масса, планируемая Наркомторгом, а 51,2% обращалась вне всякого плана, тем самым снижая эффективность всего регулирования рынка, как в календарном так и в территориальном разрезе. При этом, из всей продукции широкого потребления Украинской промышленности по ориентировочному расчету охватывалось планированием Наркомторга 26,0%, во внеплановом порядке поступало на украинский рынок 40,3%, а 33,7% выходило за пределы Украины. Если даже учесть, что в этой последней массе больше половины падало на сахар, то все же получается вывод, по которому, при остром напряжении украинского рынка, промтоварная масса порядка 200 — 300 миллионов рублей, произведенная украинской промышленностью, уходила на другие рынки, при чем органы регулирования не имели возможности даже судить о составе этой массы

и путях ее движения; что же касается продукции той-же промышленности, внепланово обрабатывавшейся на украинском рынке, то размер ее по тому же ориентировочному исчислению превышал 900 милл. руб.

Поскольку союзная и республиканская промышленность в основном синдицирована и полностью охвачена планированием, не подлежит никакому сомнению, что указанная сейчас промтоварная масса есть в подавляющей части продукция местной и кустарной промышленности. Столь же несомненно, что если бы республиканские планирующие и регулирующие организации могли располагать этим добавочным миллиардом продукции широкого потребления, проблема товарного дефицита на Украине была бы гораздо менее острой, чем она есть в действительности.

Попробуем отдать себе отчет в причинах, по которым эта продукция не охвачена плановым сбытом. Причина ясна, она заключается в чрезвычайной распыленности производителя, не позволяющей уловить его экстенсивными методами торговой работы. Не имея ни аппарата, ни средств, нужных для реализации своей продукции на сколько нибудь значительном удалении от места производства, производитель реализует ближайшему покупателю, хотя бы и на менее выгодных для себя условиях. Достаточно общеизвестно, что частная торговля, получающая снабжение от планируемых организаций лишь на десятки миллионов рублей, ежегодно на многие сотни миллионов мобилизует промтоварную массу из этого источника. Для того, чтобы торги могли сыграть здесь намеченную им роль, с одной стороны вовлекая в плановый товарооборот новую промтоварную массу на сотни миллионов рублей, с другой стороны сберегая многие миллионы производителю на улучшении условий его сбыта, а с третьей стороны вырывая у частника ту единственную базу, которая позволяет ему оставаться до сих пор внушительной величиной на рынке — для этого необходимо тоже самое условие теснейшей увязки торга с распыленным глубинным производством, которое мы отмечали выше и которое, как было доказано, требует двух предпосылок: радиуса не шире экономического района и периферийной сети с универсальными функциями. Следует заметить, что в одной части эта задача теснейшим образом сливается с первой задачей торгов по производственному снабжению: поскольку многие из производственно-технических товаров дефицитны и поскольку некоторые из них производятся местной промышленностью, торги, достигая концентрации у себя этой продукции, тем самым одновременно облегчили бы и задачу производственно-технического снабжения в отношении основных его потребителей.

III.

Задача восполнения кооперативной розницы по товарам широкого потребления распадается, как уже было упомянуто, на две частные задачи: собственную розницу торгов и снабжение розницы вспомогательных рыночных организаций.

В лит „г“ п. 3 постановления СТО проблема собственной розницы торгов выдвинута в отношении „тех республик, автономных областей и отдельных районов, где потребительская кооперация развита слабо“. Украина, располагающая весьма мощной сетью потребительской кооперации, не принадлежит к числу этих республик и районов. Однако, проблема дополнительной розницы для Украины весьма актуальна, и особенно эта актуальность сказывается — в больших городах. г. Харьков со своим исключительно мощным экономическим ростом, сказывающимся в огромных коэффициентах роста самодеятельного населения

и особенно его доходов и покупательских фондов, представляет в этом отношении весьма трудное поле деятельности для кооперации: нужны огромные возможности и огромные организационные усилия, чтобы торговое обслуживание поспевало за ростом потребности, и даже при этих условиях в каждый отдельный момент возможны значительные разрывы в случае недоучета индивидуальных особенностей в направлениях роста спроса данного потребительского центра. Между тем, характер и ассортимент кооперативной торговли более или менее предопределяются в общем для всей страны масштабе содержанием генеральных договоров и последующим почти автоматическим распределением товарных контингентов по цифровым коэффициентам. Отсюда задача восполнения кооперативной торговли становится актуальной и весьма острой для больших украинских городов, в частности для Харькова, не только в конъюнктурном аспекте настоящего года, но и аспекте всего ближайшего периода нашего хозяйственного развития.

Легко заметить, что самые условия возникновения этой задачи предопределяют, так сказать, ее материальное содержание: организация, на которую данная задача возлагается, должна с максимальной точностью оперативного чутья улавливать и отражать не столько основной общеукраинский скелет спроса данного дохода или района, сколько именно его местные отличия и особенности. Этим отличиям и особенностям она должна давать соответственное выражение в своей торговой деятельности, и в первую очередь в своей товарной заготовке, в составе направляемого ею на розничный рынок товарного ассортимента. Само собой очевидно, что условие это совершенно невыполнимо для организации, охватывающей целую страну и притом имеющей свой центр вне снабжающего пункта. Для такой организации неизбежны, с одной стороны, приспособление не к местному, а именно к общему для всей страны спросу в товарной заготовке, а с другой стороны, более или менее механическое (т. е. по квотным коэффициентам) распределение товарной массы между отдельными пунктами работы. Таким образом, данная задача была бы решительно сорвана, если бы ее поручить торгу со слишком широким радиусом работы. Опыт „Ларька“, который прекрасно работал, пока он замещал отсутствовавшую кооперативную розницу, и сразу перестал оправдываться, когда на него пала задача восполнения развившейся розницы кооперативной системы — этот опыт служит лучшей иллюстрацией нецелесообразности общереспубликанских организаций для данной цели.

Едва ли, однако, возможно принципиально приурочить выполнение этой задачи и к окружному масштабу. Если отвлечься от тех округов, в которых находятся наиболее крупные города, то во всех остальных округах общая концентрация спроса весьма незначительна. Не трудно проиллюстрировать это положение цифрами ближайших к Харькову Левобережных округов: по данным сплошного учета 1928-29 года Купянский округ имел розничный оборот окружного города 4.453 тыс. руб. и всего округа 21.125 т. р., Лубенский соответственно 8.311 и 34 030, Изюмский 4.882 и 22.210, Прилудкий 12.154 и 34.197, и т. д. Легко понять, что поскольку основная масса этого спроса охватывается кооперацией, остальная часть представляет такую ничтожную концентрацию, которая может обеспечить рентабельную работу разве только мельчайшим торговым единицам частника или вспомогательных организаций. Отсюда и для данной задачи неизбежно обрисовывается необходимость такого радиуса работы торгового, который был бы шире окружного и меньше республиканского. Радиус экономического района является наиболее удачным решением вопроса не только потому, что дает прин-

цип построения торгова, общий для всех выполняемых им задач, но и потому, что экономический район—это та именно зона, в пределах которой особенности спроса являются более или менее однотипными, резко изменяясь при переходе от района к району. Поэтому торгов, построенный в масштабе экономического района, будет правильно учитывать и ощущать материальное содержание местного неудовлетворенного коопераций спроса, и вместе с тем будет иметь достаточную базу для рентабельной розничной работы.

IV.

Если радиус экономического района является оптимальным для разрешения задачи собственной розницы торгова, то таким же оптимальным он является и в отношении задачи организации вспомогательной розницы т.е. задачи, которая в торговом обороте торгова выражается в форме мелко-оптового оборота потребительскими товарами.

Мы, отчасти, уже видели выше моменты, не допускающие слишком широкого радиуса работы для этой сферы деятельности торгова: вспомогательные организации периферийного рынка, будучи такими-же мелкими покупателями потребительских товаров, как периферийная местная промышленность в отношении производственных товаров, так же само и, пожалуй, в еще большей степени не способны снабжаться издалека. Между тем, неорганизованность их снабжения за отсутствием близкой и тесно с ними увязанной снабжающей организации представляет главную причину, по которой им не всегда удается полностью выбить с рынка частного конкурента. С другой стороны, здесь, как и в отношении собственной розницы торгова, нельзя останавливаться на окружном масштабе из за той-же причины, малой концентрации спроса: мелко-оптовый торгов, ограниченный пределами округа, мог-бы оправдать только торговлю наиболее простым и ходким ассортиментом, отказываясь от снабжения своей клиентуры по всем остальным статьям потребительского спроса—следовательно, задача качественного восполнения кооперативной розницы, торгующей именно этим простым и ходким ассортиментом, осталась-бы нерешенной и попрежнему попала-бы в руки частного. Масштаб экономического района наиболее удачно примиряет эти два противоположных момента. Ассортимент при этом масштабе строится на действительном ощущении и действительном учете местного спроса; периферийная сеть торгова, как уже было упомянуто выше, выполняет универсальные функции, в том числе и функцию снабжения вспомогательной розницы, в пределах простого ассортимента; вместе с тем, эта сеть опирается на центральную базу с развитым ассортиментом, служит связующим звеном между клиентом и центральной базой, выполняя в короткий срок клиентские заказы на товар с этой базы, и, таким образом, реально обеспечивает снабжение вспомогательной розницы.

К этим соображениям, исходящим, так сказать, из условий изолированного выполнения данной задачи, необходимо прибавить соображения, вытекающие из связи ее с другими задачами торгова. С точки зрения общей плановости розничного оборота, и, в частности, планового восполнения кооперативной розницы, едва-ли допустимо такое положение, когда на одной и той-же территории восполнение это организовывалось-бы двумя торговыми—одним непосредственно, а другим через вспомогательную розницу. При этом условии были-бы неизбежны в отдельных случаях разрывы между торговой политикой обоих торговых, последствия которых, с одной стороны, ощутил-бы потребитель, а с другой стороны, использовал-бы частный торговец. Между тем, если-бы

собственная розница и мелко-оптовая работа районировались по различному принципу, то при всех вариантах такого районирования неизбежно должны были бы существовать округа, где эти связанные задачи выполнялись бы двумя различными торговыми.

С точки зрения производственного снабжения, как мы видели выше, необходимо допустить универсальный принцип работы периферийных единиц торгова. Легко видеть, что для этого необходимо полное совпадение принципа районирования в отношении остальных торговых функций с районированием по основной работе, т. е. по производственно-техническому снабжению.

С точки зрения охвата продукции местной и кустарной промышленности необходимо помнить, что многие предметы этой продукции, особенно в районах малого экономического развития, обладают весьма узкой территориальной конкурентоспособностью. Если торгов откажется от реализации на месте этой продукции, она не попадет в его руки вообще и останется на будущее время, как и до сих пор, товарной базой частной торговли. Между тем, реализация ее на месте требует очевидно, чтобы мелко-оптовая работа по потребительским товарам была районирована по тому же принципу, что и собирательная работа в отношении местной и кустарной продукции.

Мы видим, таким образом, что выполнение всех основных задач, возложенных на торгов, неразрывно связаны между собой и что ни одна из них не может быть удовлетворительно разрешена торгов слишком широкого (республиканского) радиуса работы. Допущение такого принципа построения торгова в отношении какой либо одной из задач не только оставит невыполненной эту задачу, но и вредно отразится на выполнении всех остальных. Также само для большинства округов (кроме округов, включающих наиболее крупные города или промышленные центры) ни одна из задач не может быть выполнена торгов окружного масштаба, не говоря уже о том, что карликовый размер подобных округов в мало развитых округах вызывал бы затруднения в их собственном товароснабжении, бесполезную загрузку основных и оборотных средств, и т. д. Наоборот, торгов, имеющий радиус работы в масштабе экономического района, представляет оптимальное решение для каждой из четырех задач, взятых порознь, а тем самым, ввиду их тесной взаимной связи, единственное целесообразное решение для всего их комплекса в целом.

V.

Нецелесообразности организации единого республиканского торгова можно блестяще иллюстрировать тем проектом этого торгова, который был разработан и представлен Вакомом. Нам не представляется необходимости останавливаться подробно на разборе той аргументации, которую приводит Ваком в пользу своего проекта. Довод о неизбежной, якобы, конкуренции между отдельными торговыми за преимущественное выделение контингентов производственно-технических товаров для предприятий, расположенных на их территории (стр. 8), явно неубедителен в наших условиях: он забывает о существовании регулирующих органов в лице ВСНХ и Наркомторга. С таким же успехом Ваком мог бы аргументировать в пользу единого Всесоюзного торгова опасением конкуренции между собой, и Севкавторгом или Севзапторгом. Довод о том, что при слиянии округов „первым шагом республиканского торгова явится усиление обслуживания пунктов напластования промышленных предприятий“ (стр. 10), явно противоречит указанию на стр. 7 о том, что „Ваком порознь взятый не может стать фактором большого промышленного

снабжения": если Вакот „порознь взятый“ сделал в 1928-29 году оборот в 121 м. р. и проектирует около 150 м. р. для 1929-30 года, а совокупный оборот единого торгового проектируется им в размере 228 м. р., из которых 36 м. р. должна составить разница (ныне у Вакота отсутствующая), то совершенно непонятно, откуда образуется такое колоссальное различие между возможностями нового торгового и возможностями существующего Вакота, и почему новый торговый „буквально на следующий, после своего оформления, день станет крупным фактором упорядочения промышленного снабжения“ (стр. 9). Скорее можно думать обратное: что Вакоту данная задача не удавалась не за отсутствием достаточного торгового размаха, а по причине его организационной неспособности, как республиканского торгового (по причинам, изложенным выше), и следовательно новый торговый в данном вопросе будет не в лучшем положении. Во всяком случае, такое объяснение имело бы за себя цифры, говорящие, что во всех без исключения местных торгах предметы производственно-технического снабжения занимают в обороте больший удельный вес, нежели в Вакоте (в Хаторге, если не считать розницы, по потребительским товарам, которой Вакот не производит, 31,4% в 1928-29 году и 59,6% по контрольным цифрам на 1929-30 год, в Днепропайторге в 1928-29 году 47% и к. ц. 65%, в Одесторге 75% и 85% — между тем в Вакоте 21,7% в 1928-29 году и 45% по контрольной директиве Наркомторга на 1929-30 год).

Не более убедительна ссылка Вакота на слияние мелких торгов в единый Севкавторг на Северном Кавказе (стр. 9) и на успешное слияние Вакота и Содействия (стр. 17).

Параллельное существование последних двух организаций представляло собой явно ничем не оправдываемый параллелизм двух органов с совершенно одинаковым территориальным и функциональным объемом работы (оба были республиканскими торговыми). Слияние их напрашивалось само собой и не дает абсолютно ничего для суждения о принципе районирования торгов при условии единства торгового в каждом районе. Что же касается Северного Кавказа, то не следует упускать из виду, что Северный Кавказ, хотя и превышает по территории любой из наших экономических районов, но по своему характеру представляет именно экономический район. Если можно так выразиться, густота экономической жизни на Украине вообще значительно больше, чем в большинстве областей РСФСР. Отсюда и территориальный размер экономического района пропорционально меньше. Ссылка на блестящий успех перерайонирования торгов на Северном Кавказе может явиться веским доводом для нас при защите районного принципа строительства торгов, но никак не для Вакота при защите принципа республиканского. Если бы существовал единый торговый РСФСР, и этот единый торговый оправдал бы себя на практике — только тогда его опытом мог бы аргументировать Вакот.

Явно нереально утверждение Вакота о том, что места (в лице, очевидно, Исполкомов и Омпов) сохраняют такую же возможность влияния на деятельность филиалов единого торгового, какую они имеют сейчас в отношении собственных торгов (стр. 10-11); уже самый факт, что это будут филиалы, администрируемые своим центральным Правлением, исключает возможность такого же полного влияния на них со стороны местных организаций и такой же глубокой увязки как с местными организациями, так и с местной экономикой. Выше уже было доказано, что наибольшая глубина этой увязки является основным условием для наиболее успешной деятельности торгового по производственно-техническому снабжению и по собиранию местной кустарной продукции.

Совершенно не убедительна ссылка на то, что при едином республиканском торге последний как монопольный проводник продукции для всех видов розницы, кроме кооперативной, сможет интенсивнее проводить те виды продукции, в продвижении которых наиболее заинтересована промышленность (стр. 17); монопольное положение торга в отношении всех видов розницы достигается точно в такой-же мере и при построении его в радиусе экономического района, ибо оно зависит не от радиуса, а только от устранения параллелизма двух торгов на одной и той-же территории.

Столь-же не убедительна ссылка на разгрузку оборотных средств, которая должна получиться в результате привлечения единым торгом кредитов промышленности (стр. 9). Логически эту ссылку невозможно обосновать: если речь идет о средствах крупной трестирующей промышленности, то их привлечение может быть одинаково обеспечено всякому снабжающему промышленность торгу, независимо от его организации; если-же речь идет о привлечении средств из мелкой распыленной промышленности (за счет, очевидно, средств, высвобождаемых в ее балансе из лишних складских запасов), то не нужно доказывать, что эффект является функциональным от степени охвата мелкой промышленности по снабжению — т.-е., другими словами, что он, в силу сказанного выше, будет наименьше достигнут при республиканском торге. Ориентировочный финансовый план единого торга, представленный Вакотом в конце его проекта, блестяще подтверждает нереальность этого утверждения, повышая загрузку банковых средств до 6 м. р., против 4,4% м. р. ныне по сводному балансу всех Украинских торгов — несмотря на то, что как объем оборотов, так и объем торгового строительства, как увидим ниже, в проекте Вакота снижаются против запроектированных по контрольным цифрам самостоятельных торгов.

Не останавливаясь дальше на анализе доводов, приводимых Вакотом в пользу единого республиканского торга, нам остается теперь рассмотреть те реальные результаты, которые по наметке самого Вакота этот торг даст в первый год существования — учитывая, конечно, что действительность может оказаться еще хуже проекта.

VI.

Расчет оборотов единого торга, запроектированный Вакотом (стр. 24), предусматривает 88 м. р. по производственному снабжению, 104 м. р. по рознице. Таким образом, производственное снабжение должно составить 38,6% ко всему обороту — если же исключить розницу, то в остальном обороте оно составляет 45,7%. Наоборот, мелкий опт проектируется в размере 45,7% ко всему обороту и 54,3% к обороту без розницы. Легко уже из этого сопоставления видеть, что характер торговли намечаемого единого торга по своему существу воспроизводит существующий и предполагаемый по контрольным цифрам характер самостоятельного оборота Вакота, построенного не на основной задаче производственного снабжения, а главным образом, на мелко-оптовой работе с частником и вспомогательными организациями. Обещания об усилении производственного снабжения при помощи единого торга не только не находят цифрового выражения в проекте, но, наоборот, единый торг оказывается не в состоянии воспринять даже объем самостоятельной работы по производственному снабжению в существующих торгах: абсолютные цифры намеченных оборотов по производственно-технической группе в контрольных цифрах отдельных торгов составляют: Вакот — 54 м. р., Хаторг — 23, 4 м. р., Одесторг — 13,7 м. р. и Днепропайторг 10 м. р. —

итого 101 м. р. Если сопоставить эту цифру с намеченным по контрольным цифрам раздельным торгов общим размером их оборота, то она составит 40,3% ко всему обороту или 48,2% к обороту без розницы. Таким образом, как в абсолютных, так и в относительных цифрах единый торг не повышает, а снижает выполнение основной задачи торговой системы. Не лучше обстоит дело и с розничным оборотом. По контрольным цифрам раздельных торгов розница должна составить: 29,9 м. р. по Хаторгу, ок. 9 м. р. по Днепропайторгу и ок. 2 м. р. по Одесторгу — итого 41 м. р.

Между тем, в плане Вакота предусмотрено только 36 м. р., из которых, при том, 9 м. р. за счет новых районов (Киев и Донбасс), и только 27 м. р. в районах существующей ныне розницы торгов. Таким образом план розничного обслуживания потребителя оказывается на 34% ниже запроектированного самостоятельными торгами. При этом, необходимо обратить внимание, что и ассортиментный состав розницы является более узким, нежели фактически имеется сейчас у местных торгов. Вакот предусматривает в едином торге только промтоварную розницу, выключая, таким образом, всю группу пищевых сельхозтоваров — именно ту группу, на которую в конъюнктурных условиях данного момента торгам (и особенно Хаторгу) приходится обращать особенно напряженное внимание, и на которую их внимание усиленно направляют местные партийные и советские организации.

Единственная область, в которой проект единого торгового близкого воспроизводит контрольные цифры, намеченные раздельными торгами — это область мелко-оптового снабжения частника и вспомогательных организаций: раздельные торги намечает 104 м. р. и единый торг 104 м. р. Эта сфера, являющаяся, согласно постановления СТО, наиболее второстепенной в работе торгов, оказывается, таким образом, единственной сферой, в которой проект Вакота не вносит существенного ухудшения против современной ситуации.

Необходимо отметить, что специально для Харькова и Харьковского округа ухудшение оказывается еще более значительным, нежели для Украины в целом. Вакот намечает в Харькове вместе с Артемовском (т.-е. с одним из сильнейших промышленных округов) оборот в 14,5 м. р. по производственному снабжению, 20,0 м. р. по мелкому опту широкого потребления и 22,0 м. р. по рознице, а всего 56,5 м. р. Между тем, по раздельным контрольным цифрам Вакота и Хаторга один Харьков без Артемовска получает производственного снабжения 23,4 м. р. по Хаторгу + 5,5 м. р. по Вакоту, а всего 29 м. р.; мелкого опта 16 м. р. по Хаторгу + 18 м. р. по Вакоту, а всего 34 м. р.; непроектированной розницы 27 м. р. по Хаторгу; итого по трем группам 90 м. р. Таким образом, если в проектировке Вакота учесть включение Артемовска, то окажется, что снабжение Харькова снижается ровно вдвое, а по производственной группе даже втрое. Окрисполком считает необходимым самым категорическим образом возражать против осуществления подобного проекта.

То что мы сейчас установили в отношении оборота, можно с таким же успехом проследить и в отношении намечаемой Вакотом сети единого торгового. Необходимо, прежде всего, оговорить, что наметка в этой области крайне невыдержана: на стр. 20 намечено 7 отделений, ведущих производственное снабжение, но на стр. 21 их уже оказывается 9 (с прибавлением Винницы и Кременчуга), а на стр. 23 при проектировке мелкого опта неожиданно выплывает еще и Полтава — причем на стр. 24 оказывается, что Полтава почему-то совершенно не ведет производственного снабжения, т.-е. для выполнения основной

задачи торгов не существует вообще. К сожалению, при проектировке расходов единого торгога, на основе сети и штата опять воскресает вариант 7 отделений (стр. 27), а между тем, выведенный расход проецируется к совокупному обороту по 10 отделениям (стр. 29). Заметим мимоходом, что эта невывержанность, конечно, лишает даже ориентировочного значения то исчисление торговых расходов, которое сделано Вакотом: если при всех допущенных неточностях расход единого торгога снизился только до 2,59% против 2,90% в 1928-29 году по раздельным торгогам, а в абсолютных цифрах выравнялся с контрольной цифрой Наркомторга по всем торгогам, несмотря на уменьшение их оборота против их контрольных цифр, то приходится, повидимому, думать, что при учете всех отделений в плане расходов последние не только превысили бы контрольную цифру Наркомторга, а даже повысились бы против расходов раздельных торгов в 1928-29 году.

Однако, вернемся к сети. В настоящее время сеть раздельных торгов расположена в 23 округах Украины, оставляя необслуженными 18 округов, которые принуждены черпать снабжение из соседнего округа. В проекте Вакота мы имеем охват 11 округов в минимальном варианте (стр. 20) и 16 округов в максимальном варианте (стр. 23). Таким образом, обслуживание в обоих случаях не только не повышается, а значительно снижается (на $\frac{1}{3} - \frac{1}{2}$) против существующего ныне и признанного неудовлетворительным. Этот момент приобретает особое значение в свете приведенных выше соображений о необходимости максимального углубления торговой сети для охвата разпыленных производственных потребителей: ясно без дальнейшего, что организация единого республиканского торгога, как мы это и доказали, не только не улучшит, но значительно ухудшит выполнение этой задачи против существующего положения вещей. В частности, возвращаясь к Харькову, необходимо отметить, что Вакот проектирует, вместо развертывания углубленной сети в районах и в округах, зависящих от Харькова по своему снабжению, закрытие нынешней сети Хаторга — в то время, как основная задача торгов требует, наоборот, углубления охвата районной промышленности и районных Комхозов (см. выше). То же самое относится и к розничной сети: Вакот проектирует расширение ее в Харькове вместе с Артемовском (где ныне она не существует вовсе) на 21 единицу — таким образом, Харькову не достается почти ничего; между тем, по контрольным цифрам торгового строительства, принятым Харьковским Окрпланом, Хаторгу предстоит одно только строительство 14 новых единиц, не считая значительно большего их количества, вновь открываемого в существующих помещениях. Упомянем тут же, что на все новое розничное строительство по всей Украине проект Вакота ассигнует 1 миллион рублей (стр. 16), а по тем же контрольным цифрам строительство Хаторга в одном Харькове запроектировано в сумме 870 тысяч рублей. Положения эти в проекте Вакота являются для округа столь же неприемлемыми, как и указанные выше.

Наконец, необходимо остановиться в немногих словах на финансовом плане единого торгога (стр. 26). В основе этого плана лежит расчет, по которому товары производственного назначения дадут торгу платежный разрыв в среднем в 39 дней, мелкий опт в 10 дней, а розница чистый запас кредита от поставщиков в 2 дня. Не будем говорить о том, что здесь имеется некоторое противоречие со стр. 16, где для ведения розничной операции в 36 м. р. при обороте в 32 дня (т.е. 11,4 раза в год) оказывается необходимым собственный капитал в 500 тыс. рублей, из чего следовало бы заключить о платежном разрыве в 5,1 дня. Также не будем говорить о том, что исчисление средств до некоторой степени

наводит на мысль о цели всего проекта в овладении существующей розницей местных торгов (особенно Хаторга), в силу ее выгоды для общего построения баланса оборотных средств. Нас интересует в этом исчислении другое противоречие: утверждая, что единый торг, становясь „мощным фактором снабжения промышленности“, тем самым сможет широко привлечь ее собственные средства к финансированию этого снабжения, Вакоут вместе с тем проектирует необходимость финансировать за собственный счет 40% всего оборотного срока промышленного снабжения по обороту средств и 55% по обороту товаров. Очевидно, реальность и здесь расходится с обещаниями: если на стр. 7 Вакоут расписывается в том, что „порознь взятый“ он „не сумеет аккумулировать вокруг себя встречные средства промышленности“, то цифры его плана вскрывают, что он не сумеет этого сделать и при обращении в единый торг. А если так, то весь проект оказывается в прямом противоречии с п. п. 7 и 10 постановления СТО, направляющими специальное внимание на рационализацию финансового хозяйства торговой системы путем привлечения встречных средств промышленности.

Мы полагаем, что изложенных соображений достаточно для безворотного отклонения проекта Вакота без дальнейшего анализа его отдельных положений. Считаю только необходимым упомянуть еще раз, что все приведенные исчисления нами делаются на основе цифр, которые представляют по своей природе максимальное устремление самой организации и, следовательно, легко могут оказаться все еще лучше той действительности, какую готовит проект.

VII.

Соображения, изложенные выше по вопросу о взаимной связи между отдельными функциями торгов, конечно, исключают целесообразность какого бы то ни было размежевания между ними по функциональному признаку в пределах одной и той же территории. Если неприемлем единый республиканский торг, то единственное остающееся решение — это территориальное размежевание между торговыми с безусловным единством торгового на каждой отдельной территории.

Мы не считали бы нужным останавливаться дольше на доказательстве этого положения, если бы противная точка зрения не нашла в свое время отражения в проекте постановления Коллегии Наркомторга. Правда, проект этот не получил санкции, и потому мы не можем рассматривать его, как реальный документ в данном вопросе: однако, самый факт его возникновения обязывает нас вкратце остановиться на содержании предлагавшегося компромисса, по которому на одной и той же территории производственное снабжение и розница отводились местным торговым, а мелкий оптовый торговый — Вакоуту.

Не трудно доказать, что позиция эта не может быть достаточно выдержана ни в смысле разграничения мелко-оптовых функций по производственным и по потребительским товарам, ни в смысле разграничения мелкого опта и розницы. В отношении ряда товаров (бумага, краски, гвозди и т. д.) производственное или потребительское назначение определяется не в момент их продажи, а в момент их реального использования потребителем. Легко представить себе, сколько недоразумений, параллелизма и нездоровой конкуренции, в корне разрушающих основную цель размежевания, может возникнуть при одновременной реализации этих товаров на одной и той же территории одним торговым в порядке производственного опта, а другим — в порядке потребитель-

ского: история многолетних трений между потребительской и сельскохозяйственной кооперацией по металлу и лесоматериалам, где их размежевание было построено на том же принципе, служит к тому наглядной иллюстрацией. Что же касается размежевания с розницей то даже в большом городе, как Харьков, его было бы трудно осуществить ибо достаточно известно, что по многим товарам, а особенно по дефицитным, и частники, и мелкие вспомогательные организации постоянно прибегают к мелко-оптовой покупке из розничных магазинов в объеме допущенного розничного отпуска. Но еще хуже обстояло бы дело на периферии, особенно в глубинных пунктах, где местная розничная сеть, кроме кооперативной, вообще настолько мелака, что размер покупки розничника не отличается от размера покупки крупного единоличного потребителя: очевидно, в этих пунктах невозможно вообще никакое разграничение по данному принципу.

Но, независимо от изложенного, если бы даже такой метод разграничения был практически осуществим, последствия его заставили бы от него отказаться.

Прежде всего, по линии разграничения функций с розницей, мы получили бы тот неизбежный параллелизм в разрешении одной и той же задачи восполнения кооперативной розницы, о котором говорилось выше и который должен был бы на практике привести к полному разрушению плановости в этом деле в силу одновременного ведения его двумя организациями с различной коммерческой политикой. Но кроме того, мы бы этим поставили в исключительно неблагоприятное положение розничный торг. Не имея для уплотнения своего оборота по отдельным товарным группам добавочного ресурса в виде мелкого опта, он в отношении весьма многочисленных групп оказался бы перед фактом настолько большого сужения своей закупки, что уже не мог бы ни проводить ее непосредственно от производителя, ни обслужить ее самостоятельным складским хозяйством. В результате розничному торгу пришлось бы по многим товарным группам снабжаться из мелко-оптового, платя ему высокие промежуточные наценки. Этим не только удорожался бы товар для потребителя, но розничный торг был бы поставлен в невыносимо тяжелые условия конкуренции по отношению к инвалидам, комбоборьбезу и даже частнику, которые, покупая товар из того же источника по той же цене, имели бы существенное преимущество в виде дешевого (у первых двух) или дарового (у третьего) труда. Другими словами, розничному торгу пришлось бы свернуть свою торговлю по всем группам, имеющим более или менее разряженный потребительский спрос, т.е. именно по тем группам, по которым кооперация не работает или работает недостаточно и по которым, следовательно, наиболее необходимо ее восполнение.

Такие же тяжелые последствия наступили бы и в области производственного снабжения. Выше уже было сказано, что глубинный охват распыленного производственного потребителя возможен только при условии разветвленной местной сети, а последняя может быть рентабельна только при универсализме функций. Если вырвать у этой глубинной сети мелкий опт, то ее неизбежно будет закрыть, а тогда охват данной группы производственных потребителей не улучшится, а ухудшится против существующего положения. Тем самым, в частности, осложнится и вопрос о привлечении в торг добавочных средств от промышленности (п. 7 постановления СТО), так как трестированная местная промышленность крупных центров уже в настоящее время является пайщиком своих торгов, и расширение финансовой базы должно строиться, главным образом, на углублении клиентуры.

Наконец, дело собирания распыленной местной и кустарной продукции должно будет погибнуть вовсе: мы уже видели, что задача эта требует для своего разрешения местного торгового, глубоко охватывающего данную группу предприятий по производственному снабжению — а между тем, проект предусматривает передачу этой функции в составе мелко-оптовой работы республиканскому торгу, при том совершенно оторванную от всякого производственного снабжения производителей.

Таким образом, необходимо прийти к выводу, что при таком размежевании ни тот, ни другой торг не смогут удовлетворительно выполнить ни одной из своих задач. Но кроме того, размежевание это оставляет необходимость де жать на каждой территории две параллельные складские системы, два параллельных коммерческих аппарата, и даже две параллельных сети торговых единиц. Совершенно очевидно, что смысл п. 10 постановления СТО подобным размежеванием совершенно извращается.

VIII.

Мы пришли, таким образом, к выводу, что торги, построенные в масштабе экономического района и монопольные в пределах своего района, представляют единственную форму, способную к успешному разрешению тех задач, которые возлагаются на них постановлением СТО. Нам остается рассмотреть на опыте Хаторга, в какой мере местные торги способны к выполнению этой роли.

Возникший первоначально в форме Харьковского Губакторга в 1922 году, Хаторг имел перед собой задачу торгового обслуживания Харьковской губернии. Последующая административная реформа, разделившая бывшую губернию на округа, поставила его в положение междуокружного торгового центра в Харькове, имеющего отделение в Сумском, Купянском и Старобельском округах. Узкий территориальный объем работы содействовал осуществлению тенденции к интенсивному охвату обслуживаемой территории путем организации периферийной сети в районных пунктах. На сегодняшний день из 23 районных центров Харьковского округа конторы и склады Хаторга имеются в 11, т. е. половине. Кроме того, районные базы есть также в Сумском округе (Лебедин) и в Купянском (Сватово-Лучка). По контрольным цифрам на 1929-30 г. намечено восполнить сеть еще 2 периферийными отделениями. Общий оборот периферии в 1928-29 году составил 7,7 м. р. считая только отделения в районах — если же прибавить города Купянск, Сумы и Старобельск, то 11,5 м. р. или 28% всего оборота Хаторга. Из них на товары производственного снабжения падало около 1 м. р. или 9%. По контрольным цифрам на 1929-30 год оборот периферии возрастает до 14 м. р., из коих 10 м. р. в районных пунктах; объем производственного снабжения периферии повышается до 2,3 м. р., занимая 16,5% в ее обороте. Если мы разделим оборот районных пунктов на их число, то средний оборот каждого из них окажется 590 т. р. в 1928-29 году и 670 т. р. в 1929-30 году. Отсюда совершенно очевидно, что существование этой периферийной сети, а в частности и выполнение ею задач по производственно-техническому снабжению мелкого потребителя, стало бы совершенно невозможным, если бы из объема ее функций пришлось изъять какую либо их сторону — мелкий опт или розницу: только комбинированное выполнение всех торговых функций обеспечивает содержание и расширение районной сети.

В г. Харькове оборот Хаторга составил 29,7 м. р. в 1928-29 г. (вместе с периферией 41,2 м. р.), а по контрольным цифрам на 1929-30 г. должен составить 52 м. р. (с периферией 66 м. р.). При этом, произ-

водственное снабжение по г. Харьков у составляло 8,5 м. р. или 29% ассортимента, и составит по контрольным цифрам 21 м. р. или 40,4%. Мы уже видели выше (стр. 10 настоящей записки), что удельный вес производственного снабжения значительно повышается, если исключить из рассмотрения розницу, в которой Хаторг принужден форсировать работу потребительскими товарами по конъюнктурным условиям снабжения Харьковского пролетариата, нашедшим свое отражение в соответственных директивах Окружного Исполкома и партийных органов: если говорить об удельном весе производственно-технической группы по одному только оптовому ассортименту, то он составляет для всего Хаторга в целом 31,4% в 1928-29 году и 59,6% по контрольным цифрам на 1929-30 год; выделение г. Харькова дало бы еще дальнейшее повышение.

Что касается задач собирания и сбыта местной продукции, то в этом отношении необходимо, прежде всего, сделать маленькую оговорку. Харьковская местная промышленность состоит в значительной части из крупных предприятий, трестированных и частью синдицированных, почему и сбыт ее в преобладающей его части проходит в непосредственно плановом порядке и не нуждается в посреднической работе торгова. За Хаторгом, поэтому, остается собирательная работа по мелким объектам, главным образом по районной и неорганизованной кустарной промышленности. Поскольку оборот Хаторга по продаже определяется в основном огромным производственным и потребительским рынком г. Харькова, из этого вытекает совершенная невозможность крупного удельного веса собирательной операции в обороте Хаторга. Для того, чтобы представить себе объем выполнения им своей задачи в этой сфере, будем исходить из следующих данных.

Местная промышленность Харьковского округа имела в 1928-29 г. общий размер товарной продукции 97 м. р. из которых около 95% сбывалось в плановом порядке. Это дает размер объекта для торгового охвата в 4,85 м. р.

По отчетным данным за 1927-28 г. вся продукция местной промышленности в периферийных округах, обслуживаемых Хаторгом, составляла: в Купянском 630 т. р., в Сумском 1796 т. р. и в Старобельском 571 т. р. — итого 2.997 т. р. Данных о ее продукции за 1928-29 год мы не имеем; но распространяя общеукраинский коэффициент прироста в 9%, получим ориентировочно 3260 т. р. Таким образом, весь объем местной продукции, подпадавший торговому охвату, составлял 8,1 м. р. Из них Хаторг фактически охватил в 1928-29 году 2,6 м. р. или 32%.

Такое же вычисление по контрольным цифрам на 1929-30 год для Харькова и по распространенному украинскому коэффициенту для остальных округов показывает объем подлежащей охвату продукции 6,6 м. р. + 3,8 м. р. = 10,4 м. р. По контрольным цифрам Хаторга на 1929-30 год охват продукции местной промышленности предусматривается в размере 10,4 м. р., т. е. 100%.

Если прибавить к этому роль Хаторга в собирании кустарной и проч. местной продукции, которая выразилась в 1 м. р. в 1928-29 году и должна составить 2,3 м. р. по контрольным цифрам, то получим достаточно четкую картину его работы в собирательной области.

Легко видеть, что такие результаты могли быть достигнуты Хаторгом только благодаря теснейшей увязке со всей местной промышленностью обслуживаемых округов. Необходимо, однако, оговорить, что увязка его с промышленностью в области производственно-технического снабжения уже сейчас охватывает не только всю без исключения местную и районную промышленность, но и ряд промышленных объединений

51865

республиканского и союзного масштаба, работающих на обслуживаемой территории. На 1929-30 г. Хаторгом заключены договора по производственно-техническому снабжению, кроме всей местной промышленности, с Юмтом, Юртом, Донуглем, Югосталью, Коксобензолом, Укрхимтрестом и Укрмаслотрестом.

Особую и весьма важную отрасль в работе Хаторга по производственному снабжению составляет обслуживание коммунального хозяйства, особенно Харьковского. Харьковский Комхоз является одним из крупнейших потребителей производственных и строительных материалов: его программа по контрольным цифрам на 1929-30 г. предусматривает потребление 3,8 м. р. по эксплуатации существующего хозяйства и 5 м. р. по капитальному строительству — итого 8,8 м. р. Генеральный договор на снабжение Комхоза, заключенный между ним и Хаторгом, охватывает преобладающую часть всего этого потребления, которая в цифровом выражении должна составить, по предварительному подсчету, 5,5 м. р. или 62,5% всего потребления Комхоза.

Что касается розницы, то в настоящий момент, по розничной работе на периферии, Хаторг располагает в Харькове сетью из 1 Универмага, 5 промтоварных магазина шир. потребления, 3 рознич. технических магазина и 45 продуктовых магазина — всего 54 единицы. Предусмотреть точной цифрой число его единиц на 1-X 1930 года не представляется возможным, поскольку открытие новых продуктовых магазинов будет зависеть от соответствующих директив по восполнению кооперативного снабжения, т. е. косвенно, от размера и дислокации сети ХЦРК. Но одних крупных единиц, индивидуально предусмотренных контрольными цифрами, предполагается открыть 15, из которых 14 должны явиться объектом специального строительства. Размер выполненного и намеченного на будущий год розничного оборота по г. Харькову уже был показан выше. Роль Хаторга в этом деле, как с точки зрения рабочего снабжения по предметам продовольствия, так и с точки зрения широкого продвижения к потребителю достаточных промтоваров, неоднократно находила благоприятную оценку не только в окружных партийных и советских органах, но даже в Госплане и Наркомторге СССР.

Наименее развитой частью работы Хаторга является мелкий опт по предметам широкого потребления. С одной стороны, эта функция, не принадлежащая к числу важнейших задач торгов, занимала подчиненное место в самой структуре оборота; с другой стороны, необходимо учитывать параллельное существование в Харькове мелкого опта Вакота с 18 миллионным оборотом. В обороте Хаторга эта группа операций занимала в 1928-29 г. 18,4 м. р, из коих только 5,6 м. р. падало на снабжение частника, а 12,8 м. р. на снабжение вспомогательной розницы. На 1929-30 г. контрольные цифры предусматривают стабилизацию снабжения вспомогательной розницы и снижение работы с частником почти вдвое, что дает в общем итоге цифру 15,9 м. р. Само собой понятно, что эту цифру пришлось бы значительно (примерно вдвое) увеличить при условии устранения параллелизма мелкого опта Вакота, так как на Хаторг пало бы тогда снабжение всей данной сферы розничной торговли в качестве монопольного источника.

Чтобы закончить этот очерк, остановимся еще на некоторых финансовых показателях. Средне годовая оборачиваемость товаров в 1928-29 году составила 35 дней, а по контрольным цифрам на 1929-30 год, несмотря на огромный рост медленного-оборачиваемого производственного снабжения, повышается до 33 дней — результат уплотнения работы и улучшения ее техники в рознице и мелком опте. Соответственно

оборачиваемость средств, составляющая 66 дней в 1928-29 году, повышается до 60 дней, причем 2 дня выигрывается за счет товарной оборачиваемости, а остальные 4 дня за счет рационализации техники расчетов.

Достаточно сопоставить эти цифры с рассмотренными выше расчетами Вакота по единому торгу, чтобы видеть, насколько у Хаторга шансы на уменьшение загрузки средств реальнее. Собственный капитал Хаторга, составляющий 2870 т. р. на 1-X 1928 г., из коих 1480 т. р. находятся в иммобильных активах и 1390 т. р. в обороте, на 1-X 1930 года составит около 3700 т. р., из коих в иммобильные средства, вследствие огромного торгового строительства, будет загружено 2500 т. р.; благодаря условиям оборачиваемости, остальные 1200 т. р. оказываются совершенно достаточными для финансирования оборота в 66 м. р.^{*)}

Едва ли эти положения претерпели бы существенное изменение в случае расширения деятельности Хаторга еще на ряд округов, входящих в состав Харьковского экономического района. Левобережные округа, не охваченные ныне Хаторгом, имели в 1927-28 году совокупную продукцию местной промышленности 22.419 м. р.; распространяя украинские коэффициенты прироста, получим примерно 28—29 м. р. для 1929-30 года.

Если учесть те непроизводительные задержки капитала в запасах сырья и материалов, которые будут устранены при организации правильного снабжения через торг, то они даже при самом скромном подсчете не могут составить менее 2—3 м. р. Достаточно было бы, привлечь местную промышленность и другие местные организации к участию в капиталах Хаторга хотя бы половиной или $\frac{1}{3}$ сберегаемых им средств, чтобы полностью обеспечить финансирование его добавочных операций в этих округах. Такое решение с одной стороны давало бы местной промышленности упомянутых округов колоссальные преимущества (сбережение остальной части средств, улучшение и удешевление снабжения, введение его в плановое русло со всеми вытекающими последствиями для производства, наконец, улучшение условий сбыта при организации его через Хаторг), а с другой стороны представляло бы, вне всякого сомнения, наиболее точное (и по букве, и по смыслу) исполнение п. 7 постановления СТО.

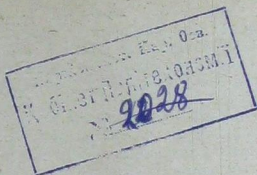
Подводя итоги всему сказанному, необходимо прийти к следующим выводам:

1. Торги на Украине могут быть рационально построены только в масштабе экономического района.
2. В пределах своей территории каждый торг должен выполнять все функции, присвоенные тергам вообще, т. е. производственное снабжение, соби́рание распыленной продукции, оптовую торговлю по потребительным товарам и розничную торговлю теми же товарами.
3. Абсолютно недопустим параллелизм двух торгов (республиканского и местного) на одной и той же территории.

Организационно из этих предпосылок вытекает необходимость расширить до границ экономических районов территорию деятельности местных торгов (это дает примерно 10 округов для Хаторга, 5 для

^{*)} Вычисление основано на обычном методе сальдирования всех иммобильных активов с собственными средствами. Если учесть, что на свое строительство Хаторг получает ссуду в 500 т. р. от Горбанка, то фактически размер средств в обороте на 1-X 1930 г. выразится в 1.700 т. р.

Днепропайторга и 6 для Одесторга) с присвоением им всех торговых функций, сосредоточить Вако́т на Правобережьи (с Полесьем) и в Донбасе и разделить его на Киевторг и Донбасторг. При этом существующим торгам должны быть переданы сеть Вакота на их территории и часть его капиталов, принадлежащая промышленности, расположенной на той же территории.

От редакции

(К 5-ой годовщине журнала)

С выходом настоящего номера „Хозяйства Украины“ исполнилось 5 лет со дня основания журнала.

Пять лет существования и роста республиканского экономического органа, в условиях напряженной, героической, полной живого творчества работы Советской страны, строящей социализм, это достаточно длительный период, свидетельствующий о том, что журнал в той или иной мере выполнял свою общественную функцию, внимательно следя за всеми движениями нашего чрезвычайно динамичного, бурно развивающегося народного хозяйства. Мы считаем поэтому необходимым в этот, в некотором роде, юбилейный для журнала момент оглянуться на пройденный журналом путь и дать краткую характеристику и оценку проделанной им за пятилетие работы.

Прежде всего необходимо указать, что самое возникновение журнала „Хозяйство Украины“ не явилось случайным актом ведомственной экспансии, ведомственного организационного творчества, а результатом достаточно продуманного решения, вполне осознанной потребности в обще-экономическом журнале, который, с одной стороны, отражал и освещал бы, под народно-хозяйственным углом зрения, текущую социально-экономическую жизнь страны, а с другой стороны, ставя возникающие в процессе живого хозяйственного строительства вопросы и давая им теоретическое и практическое освещение, содействовал бы воспитанию экономической мысли нашей общественности, расширял бы горизонты активных участников этого строительства, непосредственно претворяющих в жизнь народно-хозяйственные задания текущего момента.

До 1924 года в столице УССР существовал ряд ведомственных органов, ставивших себе узкую цель освещения лишь тех хозяйственных проблем, которые входили непосредственно в круг деятельности соответствующего ведомства; органа же, который отражал бы народно-хозяйственную жизнь республики в целом, в органической взаимосвязи отдельных ее частей, не было. В 1924 году Отделом печати ЦК партии был поставлен на очередь вопрос о пересмотре существующих ведомственных органов и постепенном сокращении числа их, в целях концентрации как расходуемых на их издание средств, так и разпыленных научно-литературных сил. В связи с этим, в Президиуме украинского Госплана возникла мысль о создании большого вневедомственного обще-экономического журнала, и после обсуждения вопроса в совещании представителей хозяйственных наркоматов и учреждений, эта мысль была претворена в жизнь с выходом из печати в ноябре 1924 года первого номера „Хозяйства Украины“.

Само собою разумеется, что созданный при таких условиях и с такими заданиями экономический орган должен был выйти далеко за пределы ведомственных интересов и ведомственной трактовки хозяйственных проблем; он должен был отражать планомерно весь комплекс развертывающихся в стране социально-экономических процессов, давать учет и углубленный анализ всего народного хозяйства строящейся социализм страны, как единой, связанной в своих частях многочисленными взаимозависимостями, хозяйственной системы. Понятно также и то, что такое серьезное задание не могло найти достаточного оформления на страницах журнала с первых же шагов его работы, что консолидация журнала, выработка им своего общественно-политического лица—могла быть достигнута лишь в процессе настойчивых исканий его руководителей, в процессе собирания и концентрации вокруг журнала лучших хозяйственных и научно-литературных сил Украины.

Конкретные задачи и проблемы, которые стояли перед советским хозяйством и которые должны были найти свое отражение в работе журнала за рассматриваемый период—были чрезвычайно многочисленны и разнообразны и видоизменялись на различных этапах нашего социалистического хозяйственного строительства. Все они диктовались и определялись одной основной задачей—задачей обеспечения победоносного строительства социализма, задачей развития производительных сил Советского Союза по социалистическому пути, усиления и упрочения диктатуры пролетариата в нашей стране, увеличения мощи социалистического Советского Союза.

Эта основная задача все время стояла и перед журналом; она определяла круг проблем, характер их трактовки на страницах журнала и общую линию и физиономию журнала. Эта линия определялась директивами и общей линией партии, руководящей строительством социализма в Советском Союзе.

Первые два года существования журнала были периодом завершения задачи восстановления нашего народного хозяйства, потрясенного до основания империалистической и гражданской войной, восстановления довоенной производительности на всех участках нашего хозяйственного фронта. Вполне понятно, что и в работе журнала за этот период вопросы восстановления всех отраслей нашего народного хозяйства, вопросы количественного роста продукции во всех его отраслях, в частности в промышленности, стояли на первом плане; преобладающее место в журнале занимали статьи обзорного характера, освещавшие динамику народно-хозяйственной продукции; большие вопросы экономической политики, вопросы большого строительства, еще не вошедшие в стадию практического осуществления, в журнале заметного отражения еще не находили.

Иные перспективы социалистического строительства развернулись в последние годы этого периода, неизмеримо более широкие задачи встали перед страной, перед всей советской общественностью и перед печатью, на которой лежит обязанность не только отражать картину народно-хозяйственного строительства, но и направлять его, борясь против всяких идеологических искривлений и уклонов от намеченных партией ленинских путей, от тех установок партии, на которых должна базироваться вся дальнейшая творческая работа страны.

От первого этапа работы—задачи восстановления народного хозяйства, выполненной в исторически необычайно короткий отрезок времени, страна перешла к другому этапу социалистического строительства—к реконструкции народного хозяйства. Восстановительный процесс исчерпал все производственные резервы старого основного капитала

как в отношении полной загрузки действовавших в начале восстановительного периода предприятий, так и в отношении активизации бездействовавшего основного капитала. Дальнейшее развитие производства, дальнейшее движение народного хозяйства по широкому пути намеченной партией индустриализации страны—могло осуществляться, таким образом, лишь за счет рационализации производства и мощного расширения основного капитала, за счет коренной его реконструкции на базе новейших организационно-технических достижений, за счет осуществления Ленинской формулы „догнать и перегнать“ передовую технику капиталистической Западной Европы и Америки.

Лозунг борьбы за революционные, социалистические темпы работы, за коренное преобразование всего комплекса социальных и экономических отношений—должен быть воспринят всей нашей общественностью, и не только ее хозяйственным сектором, но и научно-техническим и социально-культурным сектором. Тесная и прочная связь между наукой и трудом, между научно-исследовательскими учреждениями и хозяйственными организациями должна быть воспринята, как обязательное требование и как необходимая предпосылка для преодоления всех тех огромных трудностей, которыми усеян путь социалистической реконструкции народного хозяйства, путь индустриализации страны.

Значение рационализации использования основного капитала и роль научно-технической мысли в осуществлении задачи достижения более быстрых, чем в капиталистических странах, темпов народно-хозяйственного развития подчеркнута в постановлениях XV Съезда по пятилетнему плану: „В центре всего должна стоять самая энергичная, самая напряженная работа по рационализации: рационализации индустрии, в первую очередь, рационализации торгового аппарата, рационализации государственного аппарата и т. п. Эта рационализация не может быть проведена без повышения роли науки и научной техники... Решительное приближение академической научной работы к промышленности и к сельскому хозяйству, самое широкое использование западноевропейского и американского научного и научно-промышленного опыта, тщательное изучение всех новейших открытий и изобретений, новых индустрий, нового сырья, новых металлов и т. д., а равно новых организационных форм—должно быть поставлено как очередная задача дня“.

Все приведенное выше достаточно говорит о грандиозности задач, которые поставлены на очередь дня перед советским народным хозяйством и которые должны найти теоретическое и практическое освещение и руководящее содействие в экономической прессе. Поставленные задачи, в применении к отдельным отраслям нашего народного хозяйства, могут быть детализированы до бесконечности. В области промышленности стоят вопросы о типе промышленных предприятий, о географическом их размещении, в зависимости от естественных факторов, источников энергии, сырья, транспортных путей и т. д. В области сельского хозяйства—вопросы строительства новой деревни, внедрения в ней новой машинной техники, новых методов обработки, новейших достижений агротехники и агрокультуры, и особенно актуально—вопросы обобществления сельского хозяйства, как основной предпосылки к восприятию им более высоких форм сельско-хозяйственного производства, гарантирующих повышение урожайности, повышение товарности и качества сельско-хозяйственной продукции и т. д. и обеспечивающих успех социалистического развития всего народного хозяйства. Намеченная в плане реконструкция сельского хозяйства должна разрешить не только проблемы количественного его развития, но и проблему новой качественной формы этого развития, проблему всемерного расширения обобществлен-

ного сектора, по руслу которого должно пойти дальнейшее развитие сельского хозяйства, его социалистическое переустройство.

Не приходится лишний раз указывать на тот удельный вес, который принадлежит Украине в экономике всей страны Советов, и в связи с этим и на ту роль, которая выпадает на украинскую общественность в осуществлении народно-хозяйственных задач всей страны. Применяя основные установки партии по перспективному плану к естественно-историческим и социально-экономическим и пр. особенностям Украины, X Съезд КП(б)У учел эти особенности и предпосылки, намечая главные пути народно-хозяйственного развития УССР. Съездом отмечено было значение учета и выяснения таких, решающих для хозяйственного развития всего Союза, украинских отраслей, как угольная, металлургическая, машиностроительная, сахарная, химическая. Отмечено было Съездом и исключительное значение для всей страны сельского хозяйства Украины и темпов его реконструкции, значение, определяющееся демографическими условиями (аграрная перенаселенность), а также благоприятным положением Украины в отношении внешнего экспорта с.-х. продуктов и в отношении снабжения ими крупнейших потребительских районов Союза.

Эти моменты ставят остро вопрос, прежде всего, об интенсификации сельского хозяйства, как главнейшем средстве изживания относительной перенаселенности значительной части республики (сюда относятся вопросы химизации, механизации, тракторизации и т. д. сельского хозяйства и, как кардинальное условие эффективного осуществления этих задач—проведение высших форм коллективизации и производственного кооперирования). Наличие же богатейших промышленных ресурсов создает благоприятные предпосылки для эффективного вложения капиталов в базирующуюся на природных богатствах страны тяжелую индустрию и связанные с ней отрасли производства.

Таковы крупнейшие задачи, заверстаные в пятилетний план развития народного хозяйства Украины. Чрезвычайно энергичный темп работ по сооружению Днепровской гидроцентрали делает актуальной уже для текущего пятилетия задачу подготовки новых производств, базирующихся на дешевой электроэнергии, задачу сооружения металлургического и химического комбинатов вокруг Днепроостроя. На очереди работы по Волго-Донскому каналу, который соединит две судоходнейшие водные артерии, охватывающие своими бассейнами огромнейшую часть территории Союза—сооружение, которое будет иметь бесспорно большое значение для экономики Украины. Находится уже в стадии обсуждения и проект сооружения БУГЭС'а (Бугской электрической станции) и промышл. комбината вокруг нее, которая может иметь огромное значение для поднятия народного хозяйства перенаселенных и экономически отсталых западных районов Украины.

Вот тот длинный, но далеко не исчерпанный нами в его деталях, ряд проблем, которые стоят перед нашим народным хозяйством и которые должны привлечь к себе внимание всей украинской общественности, вызвать напряженную работу экономической и технической мысли Украины и найти углубленную трактовку на страницах украинской прессы.

Журнал „Хозяйство Украины“ выходит на Украине, имеет своей задачей в первую очередь помочь всем звеньям руководящих кадров украинских хозяйственников в их работе, которая должна быть тесно связана и со всем процессом национально-культурного строительства на Украине. Партия, проводя Ленинскую национальную политику, выдвинула перед всеми партийными, профессиональными, хозяйственными

и проч. органами на Украине задачу полной украинизации всей их работы. Вполне понятно, что эта директива сугубо обязательна для органов печати, работающих на идеологическом, социально-культурном фронте. Однако, принимая во внимание, что журнал „Хозяйство Украины“, как обще-экономический журнал, уделяет самое серьезное внимание освещению вопросов планирования украинского народного хозяйства вообще и, в частности, проблем большого строительства на Украине в тех его отраслях, которые имеют всесоюзное значение и в предварительной общественной разработке которых экономическая мысль украинских работников и украинской общественности может дать весьма ценные указания, партией признано целесообразным, чтобы те материалы, которые трактуют об указанных выше проблемах, продолжали печататься на русском языке.

Возвращаясь от кратко охарактеризованной в предыдущих строках грандиозной картины нашего народно-хозяйственного строительства к узкой теме *pro domo sua*, к значению проделанной журналом „Хозяйство Украины“ (с апреля 1929 г. переименованного в „Господарство України“) за пятилетие работы, естественно остановиться на вопросе о качестве проделанной журналом работы, чтобы на основании опыта прошлого судить о том, сумеет ли журнал справиться с теми еще более ответственными задачами, которые ставят перед ним дальнейший ход народно-хозяйственного развития, дальнейшие этапы планового, социалистического строительства.

Не беря на себя, по весьма понятным соображениям, роли объективного судьи в этом вопросе, редакция отсылает читателя к многочисленным отзывам о журнале, помещенным в ряде авторитетных экономических органов республики и Союза. Для читателей, не имевших возможности своевременно познакомиться с этими отзывами, мы приводим здесь краткие выдержки из некоторых рецензий.

„Важнейшие вопросы нашей хозяйственной политики находят себе отражение на страницах рецензируемого журнала... Журнал поднимает местные республиканские вопросы до уровня общесоюзных проблем... Журнал выработал свое лицо. Журнал и его редакция, нашли силы и средства для серьезной проработки важнейших принципиальных вопросов общей нашей хозяйственной политики... В отношении первых двух отделов: „Статьи“ и „Обзоры и очерки“, надо признать умелый подбор материалов, качественно сильный состав сотрудников... и твердое идейное руководство по вопросам, связанным с выполнением решений XIV Съезда и последнего пленума ЦК нашей партии... Журнал, без сомнения будет постоянным настольным руководством для всех интересующихся союзным хозяйством, в системе которого Украина занимает видное положение. („Плановое Хозяйство“, VII. 1926 г.).

„Хозяйство Украины“ — орган Госплана Украинской Республики — надо поставить на одно из первых мест в ряду экономических журналов нашего Союза. Журнал не только охватывает сложную совокупность экономики Украины, отражая и защищая интересы республиканского масштаба, но он разрабатывает и проблемы общесоюзной хозяйственной политики, а также ряд проблем экономической теории. Хорошо, солидно поставлен отдел библиографии, не уступающий нашей центральной тяжелой экономической прессе... В общем „Хозяйство Украины“ выходит далеко за пределы местного республиканского значения. Каждая книжка его может смело считаться вкладом в общесоюзную экономическую литературу“. (Журнал „Экономическое Обозрение“, апрель 1927 г.).

„Несомненно, этот журнал может считаться одним из лучших экономических журналов в Союзе. По качеству статей, по серьезности охвата тем, в то же время по отсутствию так называемого „казенного академизма“, он, быть может, даже лучше некоторых из центральных ежемесячников... журнал заслуживает внимания не только украинского читателя, но и всесоюзного“ („Экономическая жизнь“ 19 VII 1927 г.).

„Последние номера журнала по характеру и содержанию являются особенно интересными. Рецензируемые номера содержат ряд статей как теоретических, так и практического характера, но имеющих глубокое принципиальное значение... В общем плановая физиономия журнала складывается довольно быстро. Журнал „Хозяйство Украины“ может быть поставлен в ряду наших наиболее выдающихся экономических изданий“ („Плановое Хозяйство“, сентябрь 1928 г.).

„Хозяйство Украины“ за 1927-28 р., безперечно значно поступило наперед. Не перебільшуючи, можна сказати, що журнал являє значний інтерес для господарників, економістів, для молоді, що вчиться по ВУЗ'ах. Особливо ми хотіли б звернути на цей журнал увагу партійного активу“... („Більшовик України“ № 19, жовтень 1928 р.).

„В ряду наших „провинциальных“ журналов „Хозяйство Украины“ занимает совершенно особое место. Издающийся в центре украинской ССР, обеспеченный подбором квалифицированных авторов, журнал завоевал себе одно из первых мест среди наших журналов серьезной и научной трактовкой тем, неразрывно связанных с основными проблемами хозяйственного строительства в союзном и украинском масштабах... По оригинальности и глубине трактовки большинство статей стоит выше многочисленной продукции наших центральных толстых журналов. Особенно привлекательной чертой статей мы считаем завоевавший себе место в журнале пространственный подход в трактовке экономических проблем, в частности, плодотворное использование Веберовской методологии... Уровень многих статей и заметок этого отдела (отдела „Критика и библиография“. Ред.) выше, чем в некоторых „центральных“ союзных органах. Ценно, что время от времени критические заметки даются в форме статей, не только критикующих, но и вносящих нечто положительное в критикуемую проблему...“ (Газ. „Экономическая Жизнь“, 5 IV 1929 г.).

На этом редакция заканчивает свое обращение к читателям журнала. В приведенных здесь выдержках из некоторых рецензий на журнал редакция с удовлетворением находит авторитетное признание скромных общественных заслуг его, свидетельство о том, что работа журнала не прошла бесследно, что журнал внес свой скромный вклад в общее дело социалистического строительства страны. В этом признании редакция черпает моральную энергию и бодрость для дальнейшего служения на идеологическом фронте тем великим задачам, которые возложены историей на первую страну диктатуры трудящихся. И в этом своем служении редакция рассчитывает и впредь на поддержку широкой украинской общественности, как на необходимое условие для успешного выполнения столь большой и ответственной задачи, непосильной лишь для ограниченной группы лиц, непосредственно участвующих в работе журнала.

Н. Г. ЕФИМОВ-МАЛТАПАР

Передвісники загальної капіталістичної кризи та наш під'йом

Саме під час закінчування робіт над складанням контрольних цифр коли плянові органи Радянського Союзу підбивали остаточні підсумки минулого розвитку та складали народньо-господарчий плян на другий рік п'ятиріччя, в світовій кон'юктурі трапилась подія надзвичайної важливості,— це американська біржова криза, вибух якої викрив низку гострих кон'юнктурних протиріч та депресивних тенденцій світового капіталістичного господарства, що перебували до цього часу в латентному стані.

Отже надзвичайно цікаво розглянути підсумки та перспективи соціалістичного будівництва в СРСР на фоні виявлених за останній час нових явищ у кон'юктурі світового капіталізму.

Народнє господарство СРСР розвивається надзвичайно швидким темпом в напрямку індустриалізації та усупільнення. Здійснивши наші народньо-господарські плани, ми мусимо цього 1929 30 року зробити нові величезні кроки, що наблизитимуть нас до побудови соціалістичного суспільства. Не зважаючи на напруженість розвитку та на господарські труднощі, економіка СРСР перебуває в стані грандіозного підйому. Особливо яскравою становиться верхобіжна крива нашого економічного розвитку на фоні загальної сумної картини світового господарства.

Вже 10 Пленум ВККІ зміг констатувати цілу низку фактів, що з певністю свідчать про нове загострення післявоєнної кризи капіталізму. Капіталізм, хоч і перешовший вже за довоєнний рівень, швидко розвиваючий у низці галузів техніку та раціоналізацію виробництва, посилюючий темп організації монополістичних об'єднань,— не міг все ж таки зменшити своїх основних протиріч. Суперечності як всередині капіталістичних країн, так і поміж імперіалістичних держав, нарешті, суперечності між цілим капіталістичним оточенням й країною соціалізму, що будується, СРСР,— всі ці протиріччя за останній час надзвичайно загострились. До того ж кінець 1929 року приніс цілу низку нових фактів, які свідчать про передім загальної кон'юктури світового господарства у бік її зниження. Таким чином, на фоні загального, так би мовити, структурного загострення протиріч післявоєнного капіталізму спостерігається за останній час ще й загострення становища суто кон'юнктурного характеру.

Найбільш важливим явищем в цьому відношенні є безумовно американська біржова криза, яка є симптоматичною не лише для стану американського народнього господарства, але яка безперечно виходить далеко за межі тільки американські, бо вона стає надзвичайно важливою ознакою для характеристики сучасного стану всього капіталістичного

світового господарства. Як відомо, у розвитку кон'юнктурного циклу капіталізму біржова криза, або ж принаймні перелом на ринкові цінних паперів, трапляється за деякий час (побільшості біля півроку) перед загально-промисловою кризою, яка охоплює не лише сферу циркуляції, але і захитує основи виробництва. Отже, наука про кон'юнктурні симптоми вважає наявність біржової кризи за досить певний передвісник наступної загально-промислової кризи, при чому лише в рідких випадках капіталістичній економіці вдається запобігти цієї останньої.

При розмірі сучасної американської біржової кризи можна судити хоч з того, що падіння курсів цінних паперів на офіційній Нью-Йоркській Біржі досягло на кінець жовтня з 43,5%, порівнюючи з найвищим курсом 1929 р. Таким чином, втрата фіктивного капіталу складала на одній тільки Н.-Йоркській біржі не менш 40 млрд. доларів; колиж взяти на увагу провінційальні біржи Америки, а також і несуттємі обороти Н.-Йоркського ринку цінних паперів, то за обчисленням Berliner Tageblatt¹⁾ загальна сума втрат фіктивного капіталу досягла 60—75 млд. доларів. Слід при цьому зазначити, що падіння цінностей на американських біржах захопило не лише невеличкі і незначні акції, але і акції найвеличезніших банків світу.

В ході цієї кризи заслуговують на особливу увагу дві обставини: перше — зв'язаність її з кризовими явищами у виробничій сфері; і друге — той факт, що біржова паніка не обмежилася лише Америкою, а перенеслася на всі найважливіші біржі світу.

Зв'язаність біржової кризи з захитаннями виробничої сфери видно хоч би з таких фактів, як скорочення будівництва в Америці на 11,8% за останній рік, як скорочення виробництва автомобілів, що почалося в травні, зниження чорної та цвітної металургії, перепродукція у нафтовій промисловості, зменшення вантажообігу залізниць.

За оприлюдненням одного з відчитів Harvard Economic Society, 1929 рік був для будівельної індустрії найгіршим роком за останнє п'ятиріччя. Вартість дозволів на будівництво за місяці травень—червень та листопад—серпень була найнижчою ніж будь-коли з самого початку статистики дозволів. Ціни будівельних матеріалів невпинно падають починаючи вже з березня ц. р. після того, як вони інтенсивно зростали аж з листопаду 1927 року²⁾. Витоплювання чавуну падає за останні місяці: червень 125,9 т. тон на день, липень 124,1 т. т., серпень 123,1 т. т.; відповідні цифри для криці: 198,4 т. т., 189,4 т. т. і 185,4 т. т.³⁾ Дуже симптоматичними є також останні повідомлення газет про рішення Форда зачинити на деякий час всі свої збиральні майстерні. Всі ці симптоми, а передусім зниження будівництва, яке завжди буває найранішим показником майбутнього перелому кон'юнктури, дають підставу гадати, що американська біржова криза не лишиться ізольованим явищем тільки фінансової сфери, а перейде мабуть в справжню загально-економічну кризу.

Щодо світового відгуку американського біржового краху, то Berliner Tageblatt⁴⁾ пише наприклад, що „всі біржи світу були захоплені депресивним рухом“. „The Statist“ пише „про послаблену господарську активність у всьому світі⁵⁾“. Розміри падіння цінностей на найголовніших біржах можна уявити хоч би за індексом, що його обчислює „Berliner Tageblatt“, причому найвищий з дотеперішніх курсів найважли-

¹⁾ Berliner Tageblatt, Handels-Zeitung від 5 та 12 листопада.

²⁾ „Bauwelt“. Н. 46/1929 стр. 1114—1115 від 14-го листопада.

³⁾ „Wirtschaft und Statistik“ 1929. 2. Oktober—Heft S. 826.

⁴⁾ „Berliner Tageblatt“ від 5 листопада.

⁵⁾ „The Statist“ від 2 листопада.

віших акцій по кожній біржі було прийнято за 100. Отже найбільше зниження курсів за цим індексом складало: на Брюсельській біржі 31—32%, Амстердамській 30%, Берлінській та Лондонській 25—27%, Паризькій 21%. При чому з надзвичайною увагою слід поставитись до того велими симптоматичного факту, що в Європі також біржова паніка трапилася в той час, коли низка явищ свідчить про далеко непокоїний стан у виробництві. Вже останні місяці дали виразне скорочення витоплювання чавуну та стали у 5-х найголовніших щодо чорної металургії країнах Європи: чавун у червні ц. р. 115,7 т. т. на день, у липні 114,4 т. т., у серпні 114,1 т. т.; криця відповідно: 153,1 т. т., 144,0 т. т. і 140,2 т. т.¹⁾ Крім того, з 1-го листопаду увійшла в силу постанова Європейської Сталевої Картели про скорочення виробництва на найближчі три місяці на 10%²⁾.

Звичайно, зараз ще рано давати точний прогноз про неминучість в цьому році загальної світової промислової кризи, але ми маємо всі підстави для того, щоб вже на ґрунті наведених фактів твердити, що на тлі загального загострення структурних протиріч післявоєнного капіталізму за останній час маємо виразне погіршення і суто кон'юнктурного його стану, при чому зазначена біржова криза має тенденцію перейти узагальну.

У разуючій суперечності до цього знаходиться кон'юнктура Радянського Союзу, яка, не зважаючи на значні труднощі та напруженість розвитку, *вся просякнена під'йомними симптомами величезного господарного розвитку й технічної та соціально-економічної реконструкції*. При чому, в цей реконструктивний процес тепер у перше в надзвичайно великих масштабах втягнуто поруч зі соціалістичною промисловістю *багатовимірні маси бідняцько-середняцьких селянських господарств*. Про це свідчать як підсумки 1928-29 р., так і ще більше — обґрунтовані накреслення на 1929-30 рік.

Зупинимось на деяких найбільш яскравих показниках. Наслідки 1928-29 року дають по всіх найважливіших показниках перебільшення планових накреслень п'ятирічки. Виробництво великої промисловості СРСР зросло на 23,7% проти 21,4% по п'ятирічці. Могутність електростанцій зросла на 20,3% проти 14% за п'ятирічкою. Вантажообіг залізниць зріс на 21% проти 20,1% за п'ятирічкою. Поруч з цим йшов інтенсивний процес збільшення індустріального пролетаріату, кількість якого зросла на 7,8%. Великі темпи у соціалістичній промисловості супроводились небувало інтенсивним процесом колективізації сільського господарства, при чому в царині фактичних показників випередили контрольні цифри п'ятирічки ще в більшому розмірі, ніж це ми маємо у галузі промисловості. Кількість селянських господарств, що їх втягнуто в колгоспи, зросла з 445 тис. р 1927-28 р. до 1.040 тис. в 1928-29 р. А п'ятирічка передбачала на 1928-29 р. колективізацію лише 564 тисяч господарств. Засівна площа колгоспів зросла на 206,7%, валова продукція на 240,5%, товарова продукція на 278,3%. Поруч з цим проходило поліпшення добробуту трудящегоо населення, що знайшло свій вираз у підвищенні реальної зарплати (хоч і в менших розмірах, ніж це передбачено планами), в поширенні та поліпшенні якості культурно-побутового обслуговування, в переведенні більше 500 тис. робітників на 7-ми годинний робочий день тощо. Зазначені вище високі показники було досягнуто завдяки великому під'йому творчих зусиль та організованості широких верств пролетаріату та трудящегоо селянства, який підйом знайшов свій вираз передусім у соціалістичному змаганні.

¹⁾ „Wirtschaft u. statistik“ там же, 826.

²⁾ „V. D. I. Nachrichten“ 6. XI. S. 14.

Проектування контрольних цифр СРСР на майбутній рік продовжують всі зазначені підйомні тенденції, даючи по багатьох показниках рекордні темпи. Так, наприклад, капітальні вкладання в народне господарство СРСР будуть вносити 13 млрд. карб. проти 8,5 млрд. в минулому році і 10,2 млрд. по п'ятиріччі. В плановану промисловість і електрифікацію капітальні вкладання з цієї суми становитимуть 4 млрд. карб., а в устаткування сектор сільського господарства 1,6 млрд. карб., яка цифра на 1 млрд. перебільшує накреслення п'ятиріччя. Валова продукція в промисловості зростає за контрольними цифрами на 25,8%, при чому по планованій промисловості на 32,1%, а по галузях, що вироблюють засоби виробництва на 45,1%. Огульна продукція сільського господарства в 1930 році має зрости на 13% проти 1929 року. Вантажообіг залізниць зростає — на 19% (замість 12,1% по п'ятирічному плану). Народній прибуток має збільшитись на 20,4% — темп, якого не знала досі жодна країна. Сільське господарство має одержати 1929-30 р. 40 тис. нових тракторів, що дає змогу зорганізувати 102 нових машино-тракторних станцій. Не зважаючи на недовиконання якісних завдань контрольних цифр в галузі промисловості, минулий рік все ж таки дав солідні досягнення щодо якісних показників. Зокрема це стосується показників другого півріччя. Атому, і беручи на увагу великі можливості, що їх принесли із собою результати великих капітальних вкладень і передусім запровадження безперервного виробництва — контрольні цифри на 1929-30 р. накреслили зниження собівартості на 11%, вартості промудівництва на 14%, підвищення продукційності праці в промисловості на 25% при зрості номінальної зарплати на 9% і реальної на 12%.

Аналогічні, а подекуди навіть і ще яскравіші показники маємо й по Україні, розвиток якої найбільш динамічно відбиває ті економічні процеси, що проходять в СРСР в цілому. Щодо наслідків минулого року, то величезні реконструктивні сдвиги та виробничі досягнення ми висвітлювали вже в останньому числі нашого журналу¹⁾; тому зупинимося тут лише на проектуваннях контрольних цифр УСРР.

Загальне уявлення про характер контрольних цифр УСРР та про величезні темпи реконструкції, що їх передбачено на майбутній рік, дає оця таблиця (див. стор. 15):

Отже, по всіх найголовніших показниках, що вони характеризують реконструктивні моменти нашої економіки та господарчий підйом, маємо на 1929-30 р. проектування, які 1) набагато перебільшують темпи минулих років і 2) майже по всіх галузях йдуть вище за контрольні цифри п'ятиріччя. Лише в галузі сільського господарства (коли його брати в цілому) фактичні дані по багатьох показниках відстають від накреслень п'ятирічного плану, хоч контрольні цифри 1929-30 р. і різко перебільшують темпи останніх років. Але відставання сільсько-господарчих показників пояснюється переважно екзогенними факторами (загибель озимини, неврожай), при чому особливо важливо підкреслити, що радянська система господарства зуміла подолати труднощі, і одночасно їй вдалося поставити на тверді рейки та надати широченного розмаху тим заходам агротехнічної та соціально-економічної реконструкції сільського господарства, які забезпечують в найкоротший строк підтягування цієї ділянки виробництва до великих темпів, що вже досягнуті в інших галузях. Про це свідчать наведені вище цифри щодо колективізації.

¹⁾ Див. „Господарство України“ 1929 р. № 9. ст. „Год социалистической реконструкции“.

Всі ці факти дають підставу для впевненого твердження, що у протилежність до несталої кон'юнктури світового господарства з його виразними депресивними, і кризисними тенденціями, — економіка СРСР в цілому і УСРР зокрема являє собою картину швидкого та невпинного підйому на шляхах соціалістичного будівництва.

Всім відомо, що цей наш під'юм проходить в умовах значного господарчого напруження. Але навіть самий характер наших господарчих

Найголовніші показники контрольних цифр УСРР на 1929-30 р.

	1928-29 р.			1929-30 р.		
	Абс.	% до минулого року	% до п'ятиріччя	Абс.	% до минулого року	% до п'ятиріччя
Продукція великої промисловості м. крб. незмін. ціни	3270,9	116,7	—	4165,5	127,4	—
Продукція п'янової промисловості незмін. ціни	2657,0	—	105,6	3455	130,0	108,6
Потужність електростанцій тис. кв.	563,5	120,1	101,5	762,0	135,2	99,1
Вантажобіг залізниць мд. т-км.	26331	112,2	114,1	32042	121,7	110,1
Чисельність осіб найманої праці (без с. г.) т. чол.	1959,3	107,2	101,2	2136,2	109,0	102,8
Безробіття (на кінець року зареєстр. на Б. Праці) т. чол.	194,0	91,5	—	168,8	87,0	—
Успішна засівплоща ¹⁾						
Державна	703,0	106,8	—	857,3	121,9	—
Кооперативна	930,9	300,3	—	3140,3	337,3	—
Народний прибуток (без акцизу)	5710,6	109,2	—	6722,4	117,7	—
Капітальні вкладання в нар. господарство	1311,8	107,9	—	2202,9	167,9	—
Капітальні вкладання в промисловість	460,2	120,4	95,0	814,4	177,0	119,3
Капітальні вкладання в уеусп. сектор сільськ. госп-ва	63,8	203,2	—	183,0	286,0	—

труднощів, що принципово відрізняє їх від порушень рівноваги, властивих капіталістичному суспільству — лише підкреслює діаметрально-протилежний напрям розвитку двох господарчих систем: капіталістичної та радянської.

І дійсно, більшість господарчих труднощів, властивих сучасній стадії нашого розвитку, зв'язана в той чи інший спосіб із явищами так званого *товарового голоду*; в капіталістичних же країнах, як ми вже бачили, все виразніше позначаються тенденції до *перепродукції*.

В капіталістичних країнах бачимо симптоми *скорочення виробництва*, яке йде за так званим „ланцюговим зв'язком“, коли скорочення однієї галузі тягне за собою перепродукцію та зменшення виробництва в інших. В наслідок цього характерним для депресивного стану капіталі-

¹⁾ Взято засівну площу 1929 року та проєктовану площу на 1930 рік.

стичної економіки є *недогроз* основного капіталу. В радянському господарстві маємо, навпаки, невинне *розгортання виробництва та повне навантаження* продукційного апарату. Недостатнє розгортання виробництва ми маємо лише в тих випадках, коли на перешкоді стоять наявні продукційні можливості основного капіталу. Отже „ланцюговий зв'язок“ в радянському господарстві має як раз *обратне значіння*: галузі виробництва підстьобують поширення одна одної, стимулюючи щоразу ширше розгортання репродукції. При цьому в нас найскоршим темпом поширюється виробництво засобів виробництва, в той час, як в капіталістичних країнах починають скорочуватись як раз ті галузі, що вони мають найбільше значіння для поширеної репродукції (будівництво та металургія в Америці, виробі сталевих картелі в Європі). Нарешті, слід відзначити, що в той час, як в багатьох капіталістичних країнах зростає безробіття, а життєвий рівень пролетаріату всього капіталістичного світу в цілому показує виразне зниження, — розвиток радянського господарства позначається за останній час зменшенням безробіття (яке почалось у другій половині 1928-29 р. і яке буде ще інтенсивніше продовжуватися і надалі), переводом понад півмільйону робітників на 7-мигодинний день та загальним підвищенням життєвого рівня трудящих мас. Ще більшому підвищенню добробуту перешкождали досі в значній мірі продовольчі труднощі, зв'язані з наслідками неврожаю. Але треба мати на увазі а) що зазначені труднощі залежали від стихійного лиха, і б) що лише завдяки нашій плановій господарчій системі вдалося організовано подолати ці труднощі, не порушуючи взятих темпів індустріалізації та при забезпеченні інтересів трудячого населення.

Всі наведені вище факти свідчать за те, що між нашими господарчими труднощами росту і кризисними явищами, що від них терпить зараз капіталізм, нема нічого спільного. Як раз *самий характер порушень рівноваги в обох випадках є найкращою відзнакою, що відокремлює підйомну економіку Радянських Республік від загального тону сучасного стану капіталістичного господарства „третього періоду“*.

Де-хто намагається розглядати наш теперешній стан як звичайний кон'юнктурний підйом, напруженість якого свідчить, мовляв, лише за те, що скоро його має змінити більш-менш кризисний перелом кон'юнктури у бік її зниження. Проти такого безглузлого перенесення уявлень капіталістичного циклу на наше господарство красномовно говорять низка аргументів.

Перш за все, наш підйом відбувається не стихійно, а *в рамках планового господарства*. Розгортання окремих галузей виробництва оперділюється контрольними цифрами, що з кожним роком все більше наближаються до типу єдиного вродньо-господарчого плану, в якому передбачена пропорційність усіх найважливіших елементів репродукції. А це гарантує при правильному плануванні від перенапруження та несподіваного перелому кон'юнктури, це усуває цілком для наших умов так званий циклічний характер розвитку. Про правільність же планування можна перекоонатись, коли розглянути конкретні передумови, що зробили цілком обгрунтованими накреслені в контрольних цифрах темпи. Тим самим буде аргументований і *довготривалий характер сьогоднішнього підйому*.

Накреслені в контрольних цифрах високі темпи індустріалізації та соціалістичної перебудови з одного боку настійно диктуються нам економічною потребою, а з другого боку здійсненість їх умовлена наявністю певних передумов. Вони отже поперше потрібні і подруге можливі.

Можливість, тобто реальна обґрунтованість зазначених високих темпів определяється низкою загальних передумов: ¹⁾

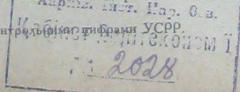
1) Капітальні вкладання в народне господарство УСРР за період 1924-1927 р.р. складали 2.457,5 м. к.; 1927-28 і 1928-29 р. вони виносили 2.526,7 м. к.; на 1929-30 р. запроєктовано 2.202,9, тобто за два останні роки вкладено більш ніж за 4 попередніх роки, а на 1929-30 р. накреслено не набагато менш за цю суму. Наслідком поширення та реконструкції основних капіталів був рост технічної озброєності робітника: пересічний розмір основного капіталу на 1 робітника складав 1926-27 р. в планованій ВРНГ промисловості 2.265 крб., 1928-29 р. він зріс до 2.799 крб. а на 1929-30 р. має збільшитися до 3.102 крб. *Зростання виробничих можливостей усупільненого сектору, що з'явилося* наслідком описаної політики капітальних інвестицій і великого збільшення маси діючого основного капіталу (до того-ж ще великою мірою поновленого та реконструйованого) — *створило умови для значного прискорення темпів* матеріальної продукції та дальшого нагромадження.

2) Питома вага усупільненого сектору в огульній продукції (с.-г. та промисловий разом) зростає з 40,8% у 1927-28 р. до 52,2% у 1929-30 р. Усупільнений сектор створить у 1929-30 р. понад 80% всієї товарової маси на Україні. Питома вага усупільненої торгівлі в роздрібному обігу збільшиться за той же час із 68% до 81%, завдяки чому практично можна вважати вирішальну частку навіть роздрібного товарообороту вже усупільненою. Зростання усупільненого сектору у виробництві і особливо в товарообороті, полекшує пляновий перерозподіл народної продукції для досягнення якнайкращого народно-господарського ефекту, що безумовно має велике значіння для здійснення накреслених темпів.

3) В попередній період, завдяки досягненому зміцненню спілки з середняком, створено передумови для прискорення темпів соціалістичного перебудування господарств основної маси селянства. Як раз широчений розмах руху колективізації за минулий рік є найкращим доказом того, що в нього пішов вже масами середняк, а це й підтверджує, що спілка з ним зміцнилася. З другого боку, досягнені вже успіхи індустріалізації утворили матеріальну базу для виробничої змички соціалістичної промисловості з інтенсивно усупільнюваним сільським господарством. Завдяки цьому, цілком реальними є проєктування на 1929-30 рік нових великих кроків у розвиненні цих форм змички. Отже, контракція хлібних культур становитиме 1929-30 р. близько 50% засівної площі, у той час як 1928-29 р. вона становила лише 20%. Більшість технічних культур буде охоплено контракцією на 100%. Замість 1481 тракторів, що їх вдалося дати сільському господарству УСРР в минулому році, на майбутній рік буде дано на село 10 000 тракторів. Машинопостачання селу, що складало 1928-29 р. 46,0 м. к. (107% від п'ятирічки), буде збільшено у майбутньому році до 79,5 м. к. (тоб-то 189,7% від накреслень п'ятирічки). Постачання мінеральних добрив хоч і відстає від п'ятирічного пляну, але воно інтенсивно із року в рік збільшується (з 5,2 тис. декатон 1926-27 р. до 23 тис. декатон 1929-30 р.). Так то зростає матеріальна база виробничої змички, що не лише забезпечує високі темпи усупільнення, але має велике значіння і для можливостей швидкого розгортання промислового виробництва.

Відмінною особливістю попередніх років було те, що, поруч вельми високих темпів промисловості, сільське господарство в цілому давало

¹⁾ Фактичні дані подано нижче за контрольними цифрами УСРР.

недостатні темпи продукції. Тому то, коли вже говорити про можливість зриву наших підйомних темпів, то як раз сільське господарство і могло би бути такою найслабшою ланкою, від якої залежало би загання темпів. Але для таких побоювань немає тепер жодних підстав. Ми бачили вже, що на загальному фоні поважного розвитку сільського господарства його успішніший сектор показує величезні успіхи. Контрольні цифри 1929-30 р. надають поширенню колективного сектору сільського господарства грандіозного розмаху. На Україні, наприклад, земельна площа землі колективного сектору зростає з 580 т. га в 1927 р. до 5700 т. га в 1930 р., при чому її питома вага збільшується як раз в 10 раз: з 1,6% до 16,0% всієї засівплощі. Кількість машиново-тракторних станцій буде доведено до 73 з площею землі біля 1 міл. га та 4211 шт. тракторів. Огульна зернова продукція селянських господарств по масивах МТС становитиме понад 50 міл. крб. Що до радгоспів, то їх земельна площа вже 1930 року досягне 1314,8 т. га, цебто дійде розмірів, накреслених на кінець п'ятиріччя. Товарова продукція радгоспів вже з врожаєм 1929 року досягла 88,2 міл. крб.; на майбутній рік вона значно збільшується. Таким чином, найвидатнішою особливістю 1929-30 року є той факт, що через рішуче поширення успішного сектора сільське господарство починає прилучатись до загального високого темпу розвитку.

Тут вирішальне значіння має грандіозна програма масової колективізації на основі нової енергетичної бази — трактора. Одночасно, зазначене вище зміцнення виробничої змички дає змогу запроєктувати на майбутній рік і досить високі темпи розвитку для індивідуального селянського господарства, завдяки чому загальне замовлення контрольних цифр всьому сільському господарству на 1929-30 рік складає: 10,1% поширення засівплощі, 15% збільшення врожайності і 15,9% росту продукції. Реальність такого замовлення підкріплено широкими заходами організованої допомоги сільському господарству, яких буде в величезному масштабі розгорнуто підчас майбутньої весняної засівкампанії.

Таким чином, маємо всі підстави для твердження, що і з боку сільського господарства немає вже загрози для наших підйомних темпів. Воно бо починає вже йти в ногу з рештою найбільш реконструйованих галузей народного господарства і не загрожує довготривалості загального підйому.

Який же найголовніший висновок треба зробити з наведеної тут аналізи? — Недосить констатувати, що радянське господарство знаходиться на підйомі в той час, як світовий капіталізм йде до загальної кризи. Недосить також сказати, що за всіма даними радянському господарству забезпечена довготривалість цього підйому та усунення циклічних коливань кон'юнктури. Треба яскраво розуміти найголовніше значіння розібраних фактів, яке полягає в тому, що вони дають справжню перевірку двох систем. Для цього економічний розвиток останніх місяців дав вже досить матеріалів.

Дійсно, плянова система радянського господарства спромоглася в умовах шаленого опору класового ворога подолати великі труднощі, що виникають із стихійного лиха, при чому, не зважаючи на заповідане неврожаєм лихо, нам вдалося не знижувати темпів індустріалізації та успішнішого, забезпечивши одночасно споживальницькі інтереси широких мас трудящого люду. Такий вдалий вихід із господарчих труднощів є під силу тільки крайні пролетарської диктатури, бо лише тут ми маємо сполучення в господарській системі таких двох чинників, як от плянового господарювання і забезпечення інтересів та широкої участі в будівництві робочої класи та трудового селянства.

Отже наслідки минулого року та цілком реальні контрольні цифри 1929-30 р. є справжнім атестатом дійшлості нашої системи плянового господарства.

З другого боку, капіталістичний світ не склав свого екзамену, він не зміг запобігти великим кризисним захитанням, які до того ж виникають не із екзогенних факторів, а із внутрішніх сил капіталістичної економіки. І тут надто характерним є той факт, *що за джерело капіталістичної кризи стають як раз Сполучені Штати Північної Америки, тобто країна, на яку буржуазні економісти покладали найбільше надій щодо можливостей подолання кон'юнктурних коливань.* Ще й в нас можна зустріти такі погляди, ніби то капіталістичному господарству також є властивими тенденції до пляновості та організованості і ніби то між радянською плянковою системою та капіталістичним світом в цьому відношенні існує лише кількісна різниця. Теоретики „організованого капіталізму“ в чималій мірі сприяли розвиткові таких поглядів. При цьому за один із елементів такої організованості вважається так звана кон'юнктурна політика, тобто заходи для усунення кон'юнктурних коливань, усунення криз та депресій, а разом з тим і сполучених із ними великих матеріальних втрат народного господарства. На С. Ш. П. Америки покладалось найбільше надій в цьому відношенні в зв'язку з діяльністю так званої Федеральної Резервної Системи Банків. Головна ідея полягала в тому, щоб засобами кредитової політики (регулювання дисконтної ставки та контроль над кредитами) не припустити занадто високого перенапруження кон'юнктурного під'їому, а тим самим запобігти й неминучим його наслідкам, тобто кризі та депресії. На протязі останніх років розвиток американської кон'юнктури ніби то давав підстави для рожевих надій. Але описана тут грандіозна біржова криза повинна разом зруйнувати всі такі надії. Вона бо є новим практичним доказом правдивості твердження революційної марксистської теорії про неможливість усунути кризи та кон'юнктурні коливання, доки існує капіталізм.

Сьогодні ще неможна давати обгрунтований прогноз про дальший розвиток кризи, хоч і є дуже багато підстав чекати її поширення на всі галузі народного господарства, охоплення нею цілої виробничої сфери та грандіозного захитання всієї капіталістичної економіки. Майбутнє покаже нам дійсний розмах сьогодняшньої кризи. Але вже тепер цілком ясно, що вся система кон'юнктурної політики капіталізму, а зокрема Федеральна Резервна Система не виправдали покладених на них завдань, бо їм не вдалося запобігти спекулятивному перенапруженню кон'юнктури та величезній фінансовій кризі, що відбулася як неминучий наслідок цього перенапруження. Коли б навіть капіталістам і вдалося досягнути пом'якшення несприятливих явищ (на що дуже мало надій), то й тоді це було б тільки пом'якшення наслідків лиха, яке вже трапилось. Запобігти ж самому лихові (спекулятивне перенапруження, Hoss-sprallung, фінансова криза, виразні явища перепродукції та скорочення виробництва) не вдалося. Це не підлягає сумніву. Під знаком питання стоїть тепер лише успішність так би мовити „рятувальної“ роботи кон'юнктурної політики. Покладеної ж на неї „превентивної“ ролі вона не виконала.

Отже, американський біржовий крах знаменує собою і крах надій на можливість пляномірного регулювання капіталістичної кон'юнктури, він є одночасно жорстким ударом і для теорій, що дають перебільшене уявлення про „організовані“ можливості та тенденції капіталізму. Разом із успіхами радянського господарства ці факти служать зайвим доказом, що лише господарча система пролетарської дикта-

тури може забезпечити планомірний розвиток та реконструкцію народнього господарства в великих темпах, але без кризних перебоїв та без загрозливих переломів кон'юнктури. Історичне значіння останніх подій на арені світового господарства полягає в тому, що це твердження, яке досі обґрунтовувалося лише теоретичними аргументами, тепер получило фактичну перевірку. Господарчий розвиток цього року дав уперше можливість цієї перевірки, він склав умови для справжнього змагання двох господарчих систем, змагання, із якого радянська планова система виходить безперечним переможцем.

Проф. С. ЯСНОПОЛЬСКИЙ

Значение Бугской гидро-электрической станции для Украины*)

Проф. К. Н. Клопотовым составлена для специального бюро по проектированию Бугской гидро-электрической станции (БУГЭС) обширная записка с экономическим обоснованием комбината заводов — будущих потребителей ее энергии¹⁾.

Вопрос о Бугской гидроцентрали и о создании вокруг нее нового индустриального комбината не может рассматриваться просто как затрата 150—200 мил. руб. на создание той или иной группы заводов и не должен обсуждаться просто с точки зрения непосредственной рентабельности, относительной коммерческой выгоды затраты этих средств на ту или иную комбинацию новых производств.

Этот вопрос является элементом несравненно более широкой проблемы — проблемы всей Юго-Западной Украины — и неразрывно связан с общим планом индустриализации страны — наряду с Днепростроем и вслед за ним, как дальнейший этап той же самой единой грандиозной программы.

Значение проектов такого типа не только и не столько в создании новых количеств полезной продукции, как прежде всего — в поднятии материальной и социальной культуры новых районов, имеющих для этого достаточные задатки. Выбор таких районов и установление очередности в деле их индустриализации должны определяться всем комплексом не только узко коммерческих, но и общеэкономических и общегосударственных соображений.

Вот та основная общая точка зрения, с которой надо подходить к рассмотрению проектов такого типа, как Бугский комбинат.

Обширная записка проф. Клопотова является лишь первоначальной попыткой экономического подхода к разрешению крайне сложной задачи. „Она задается целью — как подчеркивает автор — лишь наметить некоторые идеи и соображения, которые возникают при ознакомлении с проблемой использования БУГЭС^а и которые могут служить основой для более детального изучения проблемы“ (стр. 4). Многие детали ее могут быть оспорены, многие вопросы на настоящей стадии изучения и вообще не поддаются разрешению, но эта первоначальная наметка должна дать толчок к дальнейшему уточнению деталей, к дальнейшему изучению производительных сил и основных элементов экономики районов, тяготеющих к будущему индустриальному центру притяжения. А такое изучение должно осветить ряд ныне не вполне ясных вопросов

*) В порядке обсуждения.

¹⁾ ВСНХ УССР. БУГЭС. О выборе промышленных потребителей энергии Бугской гидроэлектрической станции. Харьков 1929 (на правах рукописи).

и, наверное, выдвинет ряд новых фактов, существенных для построения законченного проекта комбината.

Вопрос о Бугском комбинате находится как раз на смычке трех широких проблем: 1) изучения и использования буругольных богатств Правобережья и поставленных на очередь Укргоспланом вопросов 2) о перспективах Правобережья и 3) о проблеме Украинской Степи.

Район будущей гидростанции как раз находится неподалеку от наиболее обещающих месторождений бурых углей Украины и на границе двух основных районов Правобережья — перенаселенной Лесостепи с наиболее интенсивным сельским хозяйством и экстенсивной Правобережной Степи. Относительная близость (около 200 км.) к западным границам Украины придает этим районам еще специфический интерес, — впрямь, которого никак нельзя упускать из вида и который умышленно или неумышленно лишь отмечается, но фактически не затрагивается проф. Клопотовым в его записке, между тем как он имеет крайне серьезное значение для всей постановки проблемы.

Если мы взглянем на карту юго-западной Украины — на запад от Днепра, то увидим характерную картину. Территория (без Полесья) свыше чем в 200 тыс. кв. километров с более чем $13\frac{1}{2}$ миллионным населением имеет ряд крупных культурно-индустриальных центров: Киев, Одесса, Днепропетровск, Николаев, Херсон, Зиновьевск. Но все они расположены исключительно на периферии этой огромной территории. Вся толща ее представляет аграрную провинцию, лишенную какого бы то ни было влияния крупных городских центров. При этом 10 северных ее округов принадлежат к наиболее густо населенным на Украине и даже перенаселенным (от 84,6 до 97,2 чел. на 1 кв. км.), тогда как 8 южных (включая половину Днепропетровского окр. и Молдавскую АССР) наоборот отличаются низкой плотностью (от 41,9 до 69,1, а Херсонский даже 29,2 — минимум для всей Украины). При этом, за исключением округов с указанными выше крупными городскими центрами, население всего этого района является в подавляющей массе сельским¹⁾. Эта диспропорция не является „естественной“. Она отнюдь не характеризует большей притягательной силы, большей экономической мощности густонаселенных округов и отсутствия естественных задатков для развития слабонаселенной степной полосы. Наоборот, эта диспропорция есть тяжелое наследие эпохи натурально-аграрной, тогда как Украина в целом, и в частности ее западная половина, имеет все данные для того, чтобы стать страной аграрно-индустриальной. И основная экономическая задача нашей переходной эпохи как раз и состоит в преодолении этого быть может болезненного, но диктуемого и природой и историей перехода от отсталой деревенской к новой руководяще-городской культуре.

Эта экономическая отсталость, при богатых природных производительных силах — и почвенных, и климатических, и (в значительной мере неизученных еще) ископаемых, — предопределяет будущее этого края в положительных чертах. И недостает лишь толчка, создания первого основного крупно-индустриального пункта тяготения, который послужил бы краеугольным камнем дальнейшей постепенной урбанизации края, ферментом, который привел бы в движение исторически-застывшее ненормальное распределение населения, уравнивал бы эту заста-

¹⁾ Подсчет городского и сельского населения по 18 входящим в состав Правобережья округам показывает, что общее количество городского населения составляет 1304,5 тыс. душ, а сельского — 4489,3 тыс. душ, т. е. сельское население составляет 77,4% всего населения. В то же время при плотности всего населения, исчисляемой в 51,5 душ на 1 кв. км., плотность сельского населения составляет 39,9 душ на 1 кв. км.

регулярную неравномерность и дал бы толчок к дальнейшему притоку его от границ Полесья к западно-черноморской Степи.

В более грандиозном масштабе — не для одной лишь юго-западной полосы Украины, а всей ее в ее целом — именно эти же основные задачи призван осуществить Днепровский комбинат. Но одного огромного толчка, который должно дать создание этого важного дела, недостаточно. Первоначальный широкий размах должен в дальнейшем быть поддержан рядом более мелких, но необходимых, систематически-настойчивых толчков, рычагов, приложенных в целом ряде пунктов Украины, чтобы сдвинуть отсталую инертную страну с мертвой точки.

Идея БУГЭС'а — гидро-электрической станции на порожиистой части Южного Буга и является одним из таких толчков второго порядка в общей перспективе индустриализации Украины. Мощность новой станции скромна — в 7 или 8 раз меньше Днепростроя. Стоимость Бугской станции с комбинатом в несколько раз ниже Днепровского. Соотношения видны из следующей таблицы:

Отпуск энергии (в мил. кв. часов в год)

Бугес (одноплотинный вариант В)					Днепрострой ¹⁾			
Годы	Постоянный	Сезонный	Годовой	Итого	Годы	Постоянный	Сезонный	Всего
I	150,7	—	—	150,7	1932/3	1112	217	1329
II	151,6	19	74,6	245,2	1933/4	1304	307	1611
III	151,6	19	74,6	245,2	1934/5	1340	407	1747
IV	151,6	19	74,6	245,2	1938/9	1830	830	2660
V	151,6	19	74,6	245,2	(Усл. ловно)			

Затраты (мил. руб.)			
БУГЭС			Днепрострой
1 очередь	2-ая	Всего	(1 очередь)
Гидростанция	32,6	14,0 ²⁾	46,6
Шлюзование	5,4	—	5,4
Линии электропередачи	2,8	—	2,8
Прочие расходы по станции	2,6	1,3	3,9
Жилостроительство	2,2	0,5	2,7
Жел. дороги и мосты	24,5	—	—
Орошение	4,0	—	4,0
Промышленный комбинат	51,8	29,5	81,3
Итого	126,1	45,3	171,4

631—641

¹⁾ Данные по Днепрострою взяты из статьи проф. А. Н. Долгова: Днепровская гидро-электрическая станция и использование ее энергии (Научное Слово, 1929 г. № 6).

²⁾ Газовая станция.

³⁾ По последним расчетам Ленинградского Гипромеза стоимость комбината проектируется в 389,1 мил. руб. (См. „Днепровский комбинат“. Агр. 1929, стр. 131). С некоторыми вспомогательными предприятиями (ремонтный и шлако-цементный заводы) она дойдет до 407 м. р.

Предварительность этих цифр не требует особого упоминания, в особенности для той первоначальной ориентировки, какую представляет из себя записка по Бугес'у. При этом для Бугес'а мы имеем подсчеты типа „генерального“ плана, т. е. с учетом максимальных возможностей и первой и второй очередей, тогда как для Днепростроя мы имеем уже в значительной мере проработанный расчет конкретных затрат, ограниченный стремлением придать их размерам достаточно реально-осуществимые пределы. Для правильности сравнения необходимо было бы учесть по Днепрострою еще крупные затраты на приведение среднего Днепра в судоходное состояние, отвечающее возможностям новой транспортной магистрали, соединяющей весь запад Украины и Полесье с морем, на восстановление Днепровского флота, на портовые устройства по системе Днепра и шлюзование некоторых его притоков, на сооружения, связанные с созданием нового крупного городского центра „Большое Запорожье“ (437 м. р.), на орошение степей нижнего Приднепровья (540 м. р.) и т. д.

Приведенные цифры дают представление о масштабе нового будущего узла индустриализации юго-западной Украины в сравнении с такою величиною, как Днепрострой. Местом для этого узла намечен район Первомайска, на пересечении Юж. Буга с линией Бирзула — Зиновьевск — Кременчуг — Харьков. Приходится отметить, что этот район действительно центральный — территориально — пункт всей юго-западной части Украины. Он лежит на пересечении намеченных в свое время крупнейших ж.-д. магистралей Ленинград — Киев — Одесса, с одной стороны; Германия — Польша — Умань — Херсон — Керчь — Черноморско-Кавказское побережье — Тегеран — с другой. Упомянутая выше линия Харьков — Бирзула при соединении сравнительно небольшой ветвью на Унгени дает прямой путь на Румынию и Балканский полуостров. И, наконец, шлюзование Южного Буга от Первомайска до Вознесенска (а в дальнейшем вверх до Винницы) дает Украине новую водную артерию — центральную для хлебобродного района, тяготеющего к Николаеву. Впредь до осуществления этого шлюзования заменяющую его роль может играть намеченный проектом Бугес'а небольшой отрезок указанной выше международной транзитной магистрали (Германия — Персия) — от Умани до Николаева.

Таким образом, в более отдаленном будущем намечается первоклассный магистральный ж.-д. узел, центр которого лежит как раз в районе проектируемой Бугес'ом гидростанции.

Кроме этих, хотя и широких, но далеких перспектив, предрекающих место расположения будущего крупного городского индустриального центра, необходимо отметить еще и стратегическое значение наличия развитого индустриального центра в ближайшем тылу возможного военного фронта.

Таковы наиболее общие соображения географического, общеэкономического, транспортного и стратегического характера, подкрепляющие правильность выбора именно данного района для будущего индустриального центра. Записка проф. Клопотова дает большой материал для сельско-хозяйственной характеристики района, ярко подтверждающей мысль о необходимости индустриализации и усиления товарности его примитивного, обильного, но рыхлого и отсталого сельского хозяйства. Необходимость ирригации его юго-восточной засушливой части намечается запиской однако в весьма скромных размерах — в виде оазисного орошения всего только около 10 тыс. гектаров исключительно лишь в пойме самого Ю. Буга без поднятия воды на степную равнину. Мы склонны думать, что и в осуществлении Днепростроя вопрос об ороше-

нии засушливых степных пространств черезчур отодвинут на задний план, и его крупное значение недооценивается и затемняется чисто индустриальной стороной дела. Весьма возможно, что тем же дефектом страдает и проект Бугэс'а, и этот вопрос должно было бы проработать более детально в специальных агрономических кругах.

Насколько мало исследованы ископаемые богатства близлежащих районов — области украинского кристаллического массива, можно подтвердить хотя бы одним примером.

Как только было поставлено весной 1929 г. на практическую ногу изучение бурых углей Правобережья — немедленно же летние работы Укргеолкома дали на основном Пантаевском (Семеновском) месторождении (Зиновьевского округа) весьма серьезные результаты: месторождение это, лучшее по малозольности пласта, не было оконтурено с востока и средняя мощность пласта считалась около 6 метров (максимум 11 м. с запасами до 200 мил. пуд.). Работы лета 1929 г. указали на то, что мощность пласта все увеличивается на восток, и мы имеем цифры ее в 16 и даже 20 метров притом со свойствами, весьма благоприятными для разработки. Уже в настоящее время, при незаконченности работ, цифра запаса более чем удваивается.

Не касаясь деталей вопросов о запасах минерального и с.-х. сырья, актуальных и потенциальных, характеризуемых проф. Клопотовым в гл. IV его записки, мы должны отметить, что эти запасы дают основу для трех направлений намеченного автором промышленного комбината: 1) химические производства гл. обр. на основе бурых углей, 2) производства удобрительных веществ и синтетического азота, 3) обработка местного с.-х. сырья.

Логически эти три линии, связанные с местным сырьем или же направленные к усилению и интенсификации местного хозяйства наряду с некоторыми побочными более мелкими производствами, надо считать правильными. К этому надо было бы добавить, что энергия Днепро-строая будет поглощаться группой весьма крупных производственных единиц, и следовало бы поставить вопрос о ряде производств, которые могли бы явиться дополнительными к днепростроевским, не развиваемыми там, как более второстепенными, но тем не менее полезными и нуждающимися именно в энергии, какую может дать гидро-станция. Этот вопрос должно было бы также проработать специалистам в связи с днепровским комбинатом.

Переходя к основным моментам конкретной стороны проекта, необходимо прежде всего заметить, что эта сторона всегда должна представляться наиболее уязвимой, наиболее подлежащей спорам и возражениям. Основным моментом здесь является, разумеется, вопрос с стоимости энергии будущей гидро-станции.

Авторы технической записки по БУГЭС'у, проф. Ненько и старший инженер Грацианский исходят из таких цифр (одноплотинный вариант № 1): стоимость установки — 32,6 мил. руб.; годовой эксплуатационный расход — 2,5 мил. руб.; стоимость 1 лощ. силы — 6001 руб.; стоимость 1 киловатта — 815 руб.; годовая отдача энергии: в средний год 184 мил. квч., в средне-сухой 158 мил. квч.; стоимость полезного отпуска квч. на шинах станции в средний год — 1,36 коп. в средне-сухой — 1,58 коп.

По сравнению с другими гидростанциями получается такая таблица: (см. след. стр.).

Если, не входя в критику этих цифр, с одной стороны исключить печальный опыт Волховстроя, а с другой — станции с наиболее дешевой энергией, то мы видим, что стоимость энергии Бугэс'а близка к средней — к стоимости ее на Загэс'е и несколько выше, чем на Днепрострое.

Станции	Напор	Установл. мощность тыс. квт.	Выработка млн. квч.	Стоимость одн. квт. в рублях	Себестоим. квч по стан- ции в коп.
Бугаё (1 вариант)	32	40	184	815	1,36
Волховстрой	10	50	225	933	3,50
Днепрострой	37	230	1200	587	1,25
Загёс	23	40	150	450	1,30
Карасахатка	37	92	483	460	0,75
Тертер	285	84	390	324	0,69
Свитри	—	79	478	420	1,23
Рион	60	44	150	340	1,00
Каменка	140	20	80	400	1,00
Гизельдон	100	22	96	427	0,77

Проф. А. Н. Долгов в цитированной выше статье дает такие цифры стоимости 1 квч.: Днепрострой для 1932-33 г.—1,28 к. и для 1934-35 г.—0,96 коп., Свирьская станция—1,6 коп., Выгская станция—1,2 коп. Последние две проектные цифры должны, по мнению профессора Долгова, в результате экспертизы проекта и его сметных расчетов еще повыситься.

Проф. Н. Н. Шапошников в своем отзыве на записку проф. Клопотова приводит такие цифры¹⁾: Днепрострой (1934-35 г.)—0,9 коп., тепловые станции Донбаса—1,8 коп.

Приведенные цифры являются цифрами себестоимости выработки, а не полезно отпущенной энергии. Последняя для Бугаё'a подымается (при одноплотинном варьянте) в средний год до 1,61 коп., в средне-сухой до 1,87 коп. (Ктопотов, стр. 12 ж.). При дополнении водной установки еще газовой станцией (для превращения сезонных избытков энергии и постоянные) себестоимость 1 отпущенного квч. снижается до 1,44 коп. в средний и 1,60 коп. в средне-засушливый год (стр. 13 ж.). В результате проф. Клопотов приходит к заключению, что для промышленности энергия Бугаё'a может быть отпускаема по 1,2 коп. при такой дифференциации тарифа: местное потребление (освещение городов и сел)—6,0 коп., заводы пищевой группы—6,0 коп., мельницы и заводы силикатной группы—5,0 коп., завод поташа, фурфурола и баккалита—4,0 коп., орошение—4,0 коп., завод мешков и картона—2,5 к., производство аммиака и переработка бурых углей—1,2 коп. Сезонная энергия отпускается при этом на 50% дешевле постоянной.

Проф. Н. Н. Шапошников, указывая на то, что химические заводы, нуждающиеся в дешевой энергии, будут на Днепрострое получать таковую по 0,75 коп., приходит к выводу о дороговизне Бугской энергии и заключает, что „создание группы химических заводов на Бугской станции имеет своей предпосылкой установление не окупающих себя тарифных ставок“²⁾.

Однако то же нужно сказать и о Днепровской станции: при себестоимости энергии в 0,96—1,25 коп. химическая промышленность получает ее по 0,75 коп.³⁾, т.е. также ниже себестоимости. Для

¹⁾ По материалам Комиссии по разработке генерального плана потребителей Днепровской энергии при президиуме ВСНХ СССР. Прил. к статье Кукель-Краевского, стр. 187.

²⁾ Пр. Н. Н. Шапошников. О выборе промышленных потребителей энергии Бугской гидроэлектростанции (отзыв о докладе проф. К. Н. Клопотова), стр. 4.

³⁾ А наиболее крупный и электроемный потребитель — алюминиевый завод еще дешевле — по 0,5 коп.

Днепростроя тарифы и распределение потребления энергии (для 1934-35 г.) намечены такие ¹⁾.

Заводы	Потребл. мил. квч. 2)	Тариф в коп. за квч.	Выручка мил. руб.	Средняя се- бестоимость	Прибыль (+) или убыток (-)
Алюминиевый	480	0,5	2,40	5,62	-3,22
Ферросплавов (пост. энерг.)	180	0,8	1,44	2,11	-0,67
(сезон. ")	360	0,4	1,44	1,87	-0,43
Специальных сталей	120	1,2	1,44	1,40	+0,04
Металлургический	160	1,5	2,40	1,87	+0,53
Химические	160	0,75	1,20	1,87	-0,67
Орошение (сезон. энергия)	47	1,50	0,70	0,24	+0,46
Местное потребл. Запоро- жье и Днепропетровск . .	240	2,8	6,72	2,81	+3,91
Итого энерг. постоянн. . . .	1340	1,17	15,60	15,58	+4,94
сезонной	407	0,52	2,14	2,11	-4,99

Мы видим, что и здесь отпуск энергии ниже себестоимости на произ-водства химические и ферросплавов и алюминиевое компенсируется повышением тарифа на местное потребление, металлургические произ-водства и орошение. При огромных размерах отдельных производств и потребителей энергия Днепростроя, очевидно, должна быть значи-тельно дешевле энергии более мелких станций, подобных Бугас'у, что и дает возможность не доводить ее отпускную цену, даже для наи-более высоких ставок тарифа, до такой высоты, как на станциях мень-шего размера.

Однако нам кажется, что к вопросу о стоимости энергии Бугас'а надо подходить с другой стороны.

Во 1-х, сравнительно с проектируемыми приведенными выше тари-фами Бугас'а—„минимальные нормы возможного тарифа существующих в районе электростанций значительно выше" (Клопотов, стр. 16 ж.). В самом деле, в записке мы находим такие цифры:

¹⁾ См. указ. статью проф. Долгова, стр. 13 и 31.

²⁾ По проекту Гипромеза общая цифра годового потребления электроэнергии на 1934-35 г. рассчитывается по двум вариантам в 2640,2 — 2643,5 мил. квч. и распределяется так:

	Вариант I	Вариант II
Заводы: алюминиевый	517,6	517,6
" ферросплавов пост.	295,75	295,75
" сезон.	179,25	179,25
" спец. сталь.	230,6	256,0
" металлургический	448	426,0
" химические пост.	419	297,2
" сезон.	—	121,7
Вспомогательные:		
а) ремонтный	10	10
б) цементный	30	30
Запорожье и Днепропетровск . .	420	420
Орошение на сезонной энергии	90	90
Итого постоянной	2254,45	2136,05
сезонной	385,75	507,45

(См. „Днепропетровский Комбинат“, стр. 107).

1. *Пятилетний план снабжения энергией г. Первомайска* (Клопотов, стр. 40):

	1928-29 г.	1932-33 г.
Средняя стоимость 1 квч. в коп.	9,8	8,85
Тариф: на освещение	30—50	15—24
для моторов	14,2—20	10—15
„ мельниц	8—10	5—8

II. *План электрификации Зиновьевского округа* (стр. 12а) (цена у абонента):

Станции	
1. Зиновьевская	8,75
2. Бобринецкая	12,9—17,0
а) освещение	23
б) моторы промышленные	10
в) сельское хозяйство	30
3. Ново-Миргородская:	
а) освещение	32
б) моторы	15
в) сельское хозяйство	25
4. Ново-Украинская:	
а) освещение	25
б) моторы	22
в) сельское хозяйство	19

III. *Уманский округ* (проектиров. Киев.

Бюро Электропл.) 10—15

Приведенные цифры относятся к проектируемым станциям, — нечего и говорить, что ныне действующие устарелые станции дают ток с еще более высокой себестоимостью, чем та, которая лежит в основе приведенных проектируемых тарифов.

Проф. Н. Н. Шапошников считает, что „максимальной ставкой диффер. тарифа является стоимость тока от тепловых установок, которую для района Бугас'а, благодаря сравнительно дешевой доставке топлива (морем в Николаев) и наличию бурых углей, надо принимать не выше 2,5—3 коп.“*). Мы не имеем данных для суждения о правильности или неправильности этих последних цифр.

Возможно, что привозное нефтяное топливо может быть выгодной основой для электрификации интересующего нас района, и этот вопрос, конечно, подлежал бы выяснению в таком экономическом обосновании проекта, какой мы имеем у проф. Клопотова. Отсутствие этих расчетов является его несомненным дефектом. Что касается донецкого топлива, то приходится считаться с неизбежным недостатком его уже в ближайшие годы, и это существенно изменяет условия задачи. Взамен его многим предприятиям, в том числе ряду сахарных заводов, придется переходить на местное топливо.

Серьезным является вопрос о создании ряда станций местного значения на бурых углях нашего Правобережья. Этот вопрос настойчиво ставится рядом местных Исполкомов: Зиновьевским, Уманским, Криворожским и др. Но проблема бурых углей Правобережья лишь в самые

*) Отаыв, стр. 3.

последние месяцы начинает сдвигаться с мертвой точки. Прочных опорных данных для окончательного суждения мы пока здесь еще не имеем.

В непродолжительном времени они должны появиться, и их придется серьезно учесть при дальнейшем уточнении проектировки Бугас'а.

Однако, даже большая дешевизна энергии нескольких возможных в будущем местных станций на буром угле не может являться отрицанием целесообразности постройки Бугской гидростанции. Широкий район, о котором идет речь, все равно будет нуждаться в привозном топливе. Топливный вопрос при огромном расширении потребления минерального топлива, как твердого так и жидкого, в ближайшие годы, при неизбежности форсированного экспорта нефтепродуктов—все равно будет стоять достаточно остро. И при таких условиях естественный крупный источник новой энергии, какою является Бугский белый уголь, не должен лежать втуне, хотя бы себестоимость его эксплуатаций и стоила не дешевле привозного топлива. На деле она, повидимому, будет стоить дешевле, даже исходя из приведенных выше цифр профессора Шапошникова, с которым в этом пункте мы никак не можем согласиться.

Далее, исходя из намеченной нами выше более широкой общей точки зрения, мы должны будем признать, что постройка нескольких предприятий, разбросанных по обширному краю, работающих на местном или же привозном топливе, не есть шаг к разрешению той проблемы индустриализации края, какая охарактеризована нами выше. Путь к этой задаче состоит в создании крупного руководящего индустриального центра в самом сердце района. Лишь столь мощный источник энергии, как гидростанция, может наилучше концентрировать в одном месте целый комплекс предприятий, с соответственными контингентами рабочего населения, и явиться зачатком будущего крупного городского центра со всеми вытекающими отсюда широкими социальными и экономическими следствиями. Правда, и концентрированная энергия гидростанций сама по себе еще для этого недостаточна. Кардинальное значение имеет для создания нового центра также еще и транспортная проблема. Кроме отмеченных выше магистралей (дело более отдаленного будущего) для более близкого времени необходимо уплотнение и корректирование местных ж.-д. линий, распределенных мало благоприятно для развития данного района. Первоочередною здесь, как правильно намечается проф. Клопотовым, должна явиться линия Умань—Вознесенск—Николаев, поддержанная шлюзованием средней части Южного Буга. В дальнейшем, в связи с общим разрешением проблем областных украинских центров, на очередь должна стать линия Киев—Одесса, и на середине расстояния между этими центрами должен будет постепенно возникнуть новый центр областного значения, зародышем которого и должен явиться Бугас. Общегосударственное значение такого рода задач далеко выходит за узкие рамки калькуляции себестоимости энергии. Всякое крупное государственное дело требует известных жертв. И даже если бы стоимость энергии Бугас'а оказывалась несколько дороже других источников возможного получения ее, на наш взгляд постройку гидростанции следовало бы предпочесть—во имя тех невосполнимых, не поддающихся цифровой калькуляции, но тем не менее реальных общегосударственных соображений, какими с избытком компенсируются эти материальные жертвы.

Если, однако, т. обр. должен быть положительно разрешен вопрос о постройке гидростанции вообще, то наиболее спорным и трудным является проектирование конкретной комбинации предприятий—будущих потребителей энергии. Основные идеи проектируемого в записке

проф. Клопотова комбината—использование местных ресурсов, как сельскохозяйственных, так и минеральных, и укрепление их производством удобрений и химических продуктов, частично могущих подкрепить и задачи обороны,—являются, несомненно, вполне логичными, хотя, вероятно, можно было бы придумать и иные комбинации производств.

Проблема химизации страны требует создания ряда производств, почти или даже вовсе отсутствующих в Союзе, продукты которых в то же время жизненно необходимы для нас и ввозятся из-за границы. Группа химических производств составляют основу проектируемого комбината. Сюда относится получение атмосферного азота (цианамидным и аммиачным методом) для выработки как искусственных азотистых удобрений, так и азотной кислоты. Наряду с этим основой комбината является переработка бурых углей Правобережья—их «ожигение»,—т. е. превращение в нефтяные масла, перегонка буроугольных смол для получения заключенных в них ценных продуктов и добывание из углей светильного газа. Получающийся при этом водород используется для получения синтетического азота (кокс идет на получение карбида—кальция и газ также используется в производствах комбината. Таким образом получается ряд технологических связей различных частей химического комбината, позволяющий наиболее полно утилизировать все получающиеся основные и побочные продукты и отходы.

Не касаясь деталей, мы должны отметить, что прототипом данного химического комбината является знаменитый германский завод Лейна-Верке (Leuna-Werke) в Мерзебурге. «Этот завод являет собою остроумно задуманный комбинат пяти основных химических производств, а именно—ожигения угля, синтеза атмосферного азота аммиачным способом, синтеза углеводородов, алкоголей, выработки смешанных искусственных удобрений и производства искусственного шелка. Сочетание этих производств дает полное использование всего сырья, перерабатываемого в разных формах производства¹⁾».

В намеченной в проекте бургского комбината серии химических производств недостает только этого последнего звена. Зато она дополняется рядом предприятий, связанных как с сельским хозяйством района так и с использованием в значительных размерах местного минерального сырья.

Некоторые из этих производств не связаны органически с основным—химическим комбинатом, однако, насколько мы можем судить использование всех видов сырья и избытков энергии, получающихся в одних производствах, является в проекте довольно полным.

Необходимо, однако, сделать одно замечание, касающееся проекта в целом.

Основую его, группу производств, поглощающих основную массу энергии и в свою очередь дающих опору некоторым другим производствам, является, как сказано выше, переработка бурых углей и использование их дериватов.

Основные месторождения бурых углей находятся на радиусе около 140—150 километров от гидростанции²⁾, и предполагается подвозить уголь к ней, а не наоборот—не передавать ток к месторождениям, чтобы соответственные производства сосредоточить там.

¹⁾ «Буроугольная химия и экономика ожигения угля»—доклад проф. К. П. Клопотова на сессии по твердому минеральному топливу в Москве в 1929 г. (Эк. Жизнь 9-Х. 1929 г. № 233).

²⁾ В этом отношении германский комбинат Лейна-Верке имеет преимущество—он работает на буром угле, который находится от него на расстоянии всего 15 км.

Проф. Клопотов доказывает, что такой модус является более экономным, проф. Шапошников оспаривает его доводы. Не касаясь их расчетов, относящихся к этому вопросу, мы должны сказать, что центральный для проекта проф. Клопотова вопрос о перегонке бурых углей и получении из них ряда продуктов пока еще должен быть признан совершенно не изученным и не разрешенным в наших условиях ни технически, ни экономически. Не обследованы основные месторождения, не установлены окончательно их запасы, нет достаточно широко поставленных анализов качества углей, не установлены наиболее рациональные методы их сжигания—в сыром, брикетированном или пылевидном состоянии—не разработан ни технически, ни экономически сложный комплекс производств по перегонке бурых углей при высоких и низких температурах (швелевание), по их гидрогенизации, по получению из них горючих газов и т. д. Все эти вопросы только что—с началом организации буроугольного треста—поставлены на очередь и должны быть им в первую очередь, до начала разработки, разрешены.

Если оправдаются имеющиеся уже теперь данные, что наши правобережные бурые угли обладают значительным количеством ценных побочных продуктов, то будет, разумеется, экономическим варварством просто сжигать и пускать эти ценные продукты на ветер. Как бы ни была дешева нефть в нашей стране (возражение проф. Шапошникова), хищническое сжигание ценных веществ, которыми как раз мы бедны, которые приходится привозить из заграницы, не может быть оправдано, тем более, что некоторые из них имеют и военное и экспортное значение. Хотя бы частично (в Германии 60% добычи) бурый уголь должен будет перерабатываться на специальных заводах.

Однако, отсюда еще не вытекает, что эти заводы должны быть построены у самой гидростанции и составить основу ее комбината. Возможны три комбинации: 1) подвоз угля к станции, 2) передача энергии от нас на месторождения и, наконец, 3) работа заводов не на гидро-энергии, а на токе, получаемом от сжигания тех же углей в местах их добычи. Эта третья комбинация не разобрана в записке профес. Клопотова. Между тем подробный разбор ее являлся бы обязательным, ибо значительная разница в калькуляции в пользу этой комбинации грозила бы поколебать весь намеченный проект комбината Бугэс'а в самых основных его частях. Правда, отсутствие расчета не может быть поставлено в вину автору, ибо достаточных данных о себестоимости добычи наших бурых углей и о стоимости их переработки на тепловой энергии, даваемой ими самими, пока еще не имеется. Однако, сама постановка такого вопроса была бы обязательна.

Столь же обязательны были бы расчеты относительной выгодности гидрирования бурого угля в наших условиях сравнительно с крекированием нефти. Проф. Клопотов ограничивается лишь общими указаниями, ссылаясь на германские и американские данные (стр. 31д.), но не приводя разработанных расчетов для наших условий.

Не предвещая вопроса в ту или другую сторону, мы считали бы дополнение расчетов записки этими двумя кардинальными для ее основной идеи пунктами безусловно необходимыми, иначе ставятся под сомнение самые основные начала проекта.

Однако, даже отрицательное разрешение этих двух вопросов (или одного из них) не должно было бы, на наш взгляд, служить доводом против сооружения самой гидростанции. В худшем случае оно означало бы лишь необходимость отыскания другой комбинации потребителей ее энергии. Практика Запада показывает, что вновь устроенная гидростанция обычно обростает рядом предприятий, а себестоимость энергии

Бугэс'а не может считаться столь высокой, чтобы такое обростание оказалось для нее нерентабельным.

Таким образом, вывод наш в этой своей части сводится не к отрицанию проекта комбината в той постановке, какую дает ему проф. Клопотов, а лишь к необходимости дополнительной его переработки. Но каковы бы ни были выводы, к которым может привести такая проработка, сила тех общих соображений, какие развиты нами выше, на наш взгляд, должна оставлять нетронутой самую идею Бугэс'а, как основу хозяйственного оживления и возрождения в будущем одного из потенциально богатейших районов Украины, доньше в значительной мере остававшегося на положении безпризорного.

Необходимо всячески приветствовать постановку на очередь экономического изучения этого района в целях его индустриализации и урбанизации, а в этом деле постройка Бугской гидростанции, а вокруг нее—того или иного промышленного комбината, должна будет занять одно из первых и существенных мест.

Я. КУПЕРМАН.

К характеристике советского банка*)

I.

Природа советского банка лучше всего может быть выяснена через противопоставление и сопоставление с капиталистическими банками. Капиталистический банк — это типический банк. Сопоставление советского банка с капиталистическими означает поэтому противопоставление советского кредитного учреждения типическому банку. Разумеется, что такое сопоставление недостаточно для полной характеристики природы советского банковского кредита. Для этой характеристики потребуется еще проанализировать роль банка в советском народном хозяйстве.

Своеобразие советского банка диктуется своеобразием всей экономической системы СССР. Это своеобразие советского банка неоднократно констатировалось. Однако, систематический анализ существа его, выяснение основных черт отличия советских кредитных учреждений от капиталистических и общих черт, объединяющих советские банки с капиталистическими кредитными институтами, почти отсутствует. При таком сопоставлении мы будем иметь в виду типический капиталистический банк. Разумеется, что капиталистические банки не представляют собой единообразного типа. Эмиссионный банк резко отличается от банка „спекулятивного“, а этот последний отличается от депозитного. Однако, при всем этом различии можно выделить те сходные черты, которые объединяются общим понятием „капиталистический банк“.

Сопоставление советского банка с капиталистическим мы начнем с подчеркивания того общего, что позволяет назвать оба эти кредитных института общим термином „банк“.

Деятельность банка заключается в обслуживании кредитного оборота и платежного оборота. В области платежного оборота банки упрощают расчеты, организуют оборот денежных средств, эмитируя кредитные орудия обращения. В области кредитного оборота банки, привлекая к себе текущие счета, предоставляют эти капиталы в порядке кредитования другим хозяйствующим организациям. С народно-хозяйственной точки зрения обслуживание платежного и кредитного оборота характеризует деятельность не только советских банков, но и капиталистических, хотя непосредственной целью капиталистических банков является получение прибыли. Общие черты мы найдем также при оценке отдельных сторон деятельности банков. Обслуживая платежный оборот, банки, как капиталистические так и советские, создают кредитные орудия обращения. Эмиссионные банки выпускают банкноты; неэмиссионные банки стремятся развивать способы платежа, сберегающие наличные средства, создавая суррогаты денег. Такими методами являются чеко-

*) Из готовящегося исследования „Развитие Банкового Кредита в СССР“.

вой и жиро-оборот. Чеки и жиро заменяют обращение наличных денег и банкнот. Эти расчетные функции банков широко развиты не только на Западе, но и в СССР. Фактические данные показывают, что доля наличных в оборотах правлений советских банков чрезвычайно мала и исчисляется единицами процентов. Правда, на периферии безналичные расчеты развиты в меньшей степени, однако, принципиальное тождество расчетной работы советских и капиталистических банков не может вызывать сомнений. Аккумулируя денежные капиталы, банки выполняют большую народно-хозяйственную задачу. Эта аккумуляция денежных капиталов с целью последующего предоставления их народному хозяйству есть процесс общий кредитным учреждениям как советским, так и капиталистическим. Правда, в структуре пассивов и в характере аккумуляции их существует большая разница, о которой мы будем говорить, когда мы перейдем к характеристике различий между советским и капиталистическим банком. Основные задачи пассивной деятельности обоих типов банков являются, однако, вполне аналогичными. Полная аналогия может быть проведена также в отношении формы активной деятельности банков. Банки предоставляют кредиты отдельным отраслям хозяйства и отдельным предприятиям. Такое предоставление производится в порядке вексельного учета или в порядке залоговых ссуд (ссуды под залог товаров или ссуды под залог ценных бумаг) в виде конткоррентного кредита, в виде ссуды под требование по открытым счетам и т. д. Кроме этих учетно-ссудных операций, банки выполняют комиссионные операции и операции хранения. К комиссионным операциям можно отнести обмен иностранных денежных знаков, инкассирование, аккредитивные операции, покупку и продажу ценных бумаг. Эти операции развиваются, хотя и в неодинаковой степени, как капиталистическими, так и советскими кредитными учреждениями. Указанные моменты схождения с *формальной стороны* советского банка с капиталистическим и дает основание для того, чтобы сохранять общий термин „Банк“. Советский банк также, как и капиталистический, занимается покупкой и продажей, денег и оказывает кредит народному хозяйству. Однако, *при схождении формальных операций существует резкое различие в их существе и характере. Под тождественными внешними формами кроется принципиальное различие.* К характеристике этих черт различия мы сейчас и переходим.

Первая черта отличия советского банка от капиталистического заключается в том, что *советские банки принадлежат государству, т. е., являются государственными предприятиями.* „Огосударствление“ банков, — принадлежность их государству характеризует кредитную систему СССР. Этой чертой кредитная система СССР отличается от банков Западной Европы. Правда, и там временами возникало довольно сильное течение в пользу усиления влияния государства на банки. Вопрос об огосударствлении кредита выдвигался, например, даже некоторыми, правда весьма немногочисленными, участниками банковской анкеты, проведенной еще в 1908 г. в Германии. Тогда вопрос этот стоял, как одна из желательных мер обеспечения населения от возможных убытков при неправильной деятельности частных банков. В более резкой форме те же идеи встали в период потрясений во время войны и непосредственно после войны. Некоторые немецкие авторы (как напр. Лансбург в своем журнале „Die Bank“) защищали ту же мысль о необходимости усиления роли государства. Отто Бауэр в своей книге „Der Weg zum Sozialismus“ подчеркивал важность огосударствления банков для установления планового руководства всем народным хозяйством. Однако, нигде фактически, кроме СССР, не была проведена национа-

лизация банков. Этим отсутствием практического опыта объясняется, по всей вероятности, тот факт, что большая работа, премированная на специальном конкурсе, учрежденном при Бернском университете, на тему „О национализации кредита“ — работа Роберта Доймера „Die Uerstaatlichung des Bankkredits“ представляет собой лишь отвлеченное рассуждение, не основанное на практическом опыте. Указанная работа Доймера обрисовывает сперва самое понятие национализации кредита, описывает затем развитие государственных кредитных учреждений в Германии и об'ем возможной национализации кредита, детально излагает доводы за и против национализации кредита и рассматривает возможное влияние национализации кредита на народное хозяйство. Несмотря на то, что эта книга вышла в 1926 г., она совершенно не учитывает тот большой опыт в области национализации банковского дела, который имеется в советской России. По мнению автора, национализация кредита является естественным завершением происходящей во всех странах концентрации банковского дела и вырастает из тех процессов усиления роли государства, которые имели место во время войны. Достоинства национализации, по мнению автора, весьма разнообразны и сводятся к тому, что они устраняют излишнюю конкуренцию между банками, позволяют провести в организованном порядке снижение процентных ставок, облегчают контроль над хозяйством клиента, создают почву для сокращения чрезмерно раздутой банковской сети и облегчают развитие безденежных расчетов, позволяя установить единый формуляр чека, концентрировать расчеты и т. д. Однако, в построениях Доймера кредитные учреждения руководствуются все же в первую очередь и в основном теми же принципами, какими руководятся кредитные учреждения капиталистических стран. В СССР имел место совершенно иной социально-экономический процесс.

Второй особенностью советских банков является плановый характер их деятельности. Кредитные планы утверждаются в составе всех других хозяйственных планов и строятся на основе этих последних. Направление активных операций, размеры пассивных и активных операций определяются планом. Между тем в капиталистических условиях план, как определяющий метод банковской работы, отсутствует. План связывает советские банки в моменты распределения кредита. Кредитный план предписывает советскому банку конкретное, определенное поведение в смысле выбора клиентов и размера их кредитования.

Тут мы подходим к *третьей характерной черты банка*, выражающейся в том, что кредит в советском хозяйстве находится в гораздо более зависимом положении, чем в капиталистических условиях. Капиталистические банки автономны в деле свободного выбора клиента и установления свободного размера кредита и т. д. Эта автономия в капиталистических банках иногда ограничивается по отношению к крупным акционерам, но такое ограничение отличается от принципиального ограничения деятельности банков общими народно-хозяйственными планами в СССР. Общее положение советских банков в системе советского хозяйства может быть охарактеризовано, как служебное положение. В капиталистических же странах, несмотря на то, что в течение последнего времени обнаружился ряд новых моментов в деятельности капиталистических банков, роль их в народном хозяйстве настолько могущественна, что дает основания к созданию целой теории финансового капитализма. *Идеи финансового капитализма не могут иметь никакого применения к советским банкам.*

Следующей чертой отличия советских банков от капиталистических является отличие в характере и методах аккумуляции пассивов. Если

задачей капиталистических банков является аккумуляция свободных денежных средств страны, превращение этих средств в ссудные капиталы, распределение и перераспределение этих капиталов между отдельными отраслями хозяйства, нуждающимися в них, — то такая же задача лежит и на советских банках, пока сохраняется товарно-денежное хозяйство. Однако, условия и формы образования ссудных капиталов у нас своеобразны, — в той мере, в какой своеобразны вообще наши методы распределения национального дохода между отдельными классами и группами населения. Огромную роль в распределении и перераспределении национального дохода у нас, как известно, играет государственный бюджет. Поэтому и свободные средства страны прежде всего аккумулируются у нас на доходных статьях бюджета.

Особенностью советского строя является то обстоятельство, что рынок капиталов не представляет собой самостоятельной экономической сферы со своими собственными задачами и особыми социальными силами. В СССР нет класса рантье, которые бы владели крупными денежными капиталами, помещали бы их в банковские вклады и в ценные бумаги. В нем нет рынка капиталов, на котором устанавливался бы на основе спроса и предложения капиталов размер процента за пользование ссудными капиталами. Советский рынок капиталов есть производное и подчиненное государственному хозяйству СССР, владеющему главными капитальными ресурсами страны в лице государственных трестов, синдикатов, и др. организаций. Если и существует частный рынок капиталов СССР, то он имеет ничтожные размеры, работает преимущественно в скрытом виде, сплошь и рядом нелегально, и обслуживает по преимуществу частную промышленность и торговлю, а также подпольный валютный оборот.

Из этого вытекает то, что банки в СССР не могут быть самостоятельной экономической силой, действующей ради извлечения максимальной прибыли и не ставящей перед собой никаких народно-хозяйственных целей. *Советские банки являются орудием государственной политики СССР и служат рычагом перераспределения тех свободных капиталов, которые образуются в процессе советского хозяйствования.* Под таким общим углом зрения и должна перестраиваться система кредитных учреждений.

Таким образом, если с формальной стороны — как исполнитель функций аккумулятора имеющихся на рынке денежных средств — советский банк ведет аналогичную с банками капиталистических стран работу, то в способе аккумуляции существуют решительные различия. Основным методом аккумуляции средств в капиталистических странах является — метод добровольный. Основным методом аккумуляции средств в СССР — является метод принудительный. Пополнение ресурсов кредитной системы СССР производится в значительной мере в порядке ассигнования из казны. Пассивы составлены в некоторых банках на основе установленных законом отчислений из бюджета. Они пополняются также бюджетными ассигнованиями.

Переходя к рассмотрению различий в области активных операций, мы должны прежде всего констатировать изменение тех принципов, которые руководят банками при выборе клиентов. Капиталистические банки, выбирая клиентов, руководствуются принципом частно-хозяйственной рентабельности, а также принципом обеспеченности или ликвидности выдаваемых ссуд. Эти моменты не играют роли при выборе клиентуры советскими банками. Советские банки руководствуются вместо этого соображениями о народно-хозяйственной выгоды кредитования того или иного клиента. Если капиталистические банки, руководствуясь

двумя критериями—кредитоспособностью клиента и выгодностью операций, придают относительно мало значения конкретному содержанию хозяйственной деятельности их клиента, то советские банки сосредотачивают свое главное внимание на народно-хозяйственное значение деятельности кредитуемого предприятия. Правда, и на Западе бывают случаи отступления от тех черт, которые мы приписываем типическому капиталистическому банку, однако, эти отступления не носят общего характера, и потому наша характеристика, противопоставляющая в этом отношении советский банк капиталистическому, может быть признана правильной. *Принципы кредитоспособности, ликвидности и рентабельности*, играющие основную роль при построении учетно-судных операций всякого капиталистического банка, *решительно видоизменяются в советских условиях*. Вопрос о кредитоспособности клиента и о ликвидности кредита не совсем исчезает из работы советского банка, но радикально изменяется, так как обеспечением банковских операций, производимых с государственными клиентами, является выполнение этими клиентами народно-хозяйственных планов. В связи с этим можно выделить следующее, *шестое отличие советской банковской системы, заключающееся в резком изменении характера банковской клиентуры*. Частная клиентура почти не играет роли среди дебиторов советской кредитной системы. Банковская клиентура имеет в громадном большинстве случаев одного общего с банками хозяина, и это не позволяет советскому банку противопоставлять свои интересы интересам клиентуры. Существенный отпечаток на активные операции советского банка накладывает также ограниченность числа банковских клиентов. Клиентура Правлений Центральных Банков едва насчитывает несколько сотен клиентов. В провинции же число клиентов еще значительно меньше, и это обстоятельство также отличает советский банк от капиталистического.

Развивая кредитование в порядке выполнения общего хозяйственного плана, *советский банк обязуется контролировать использование клиентурой выданных ей ссуд*. Банковский контроль, подобно другим банковским операциям, по названию аналогичен контролю, существующему в капиталистических банках. Однако, по существу между банковским контролем в капиталистических условиях и банковским контролем, применяемым советским банком, существует громадная разница. Контроль, применяемый капиталистическим банком, имеет основной целью проверку правильности деятельности банковского аппарата и предупреждение возможных злоупотреблений. Основная задача советского банковского кредита заключается в надзоре за рациональным использованием выданных ссуд в соответствии с хозяйственными планами. Такое *различие по существу операций при формальном сходстве характерно также для большинства активных операций советских банков*. Так, кредиты, открываемые советским банком, обеспечиваются векселями, залогом товарных ценностей и т. д. Однако, по существу такое обеспечение носит совсем иной характер, чем в капиталистических условиях. Советский банк может предпринимать экзекуции по отношению к государственным предприятиям (а клиентура советских банков вся почти исключительно состоит из таких предприятий) лишь в очень редких случаях и в исключительных условиях. Нужно сказать, однако, что в этой области существует и внешнее формальное отличие. Целый ряд операций, широко развернутых капиталистическими банками, отсутствует в практике советского банковского кредита. Таковы, например, колоссальные по размаху и по значению операции капиталистических банков с фондовыми ценностями, имеющие для советских банков чрезвычайно узкий и спе-

цифический характер. С другой стороны, советские банки развивают целевые операции, характер которых соответствует природе советского банковского кредита.

Абстрактный вексель теряет свое значение. В капиталистических условиях на векселе строятся в основном активные операции банка, так как вексель представляет банку необходимое обеспечение. В условиях СССР, когда для банка важна цель кредитования, абстрактный вексель затушовывает и затрудняет операции, и это вызывает изменения в характере кредитования.

Мы не будем останавливаться на целом ряде других, менее значительных особенностей советского банка, отличающих его от капиталистических банков. Упомянем еще лишь о различии в основных тенденциях организационного построения банковской системы. Тенденция к единому банку, характерная для советского народного хозяйства, противоположна наиболее распространенной в капиталистических странах системе банка банков с широкой дифференциацией кредитных учреждений. Наконец, чрезвычайно важным отличием является то, что строение учетных ставок советских банков резко отличается от капиталистической практики. Учетный процент и девизная политика играют чрезвычайно важную роль в деятельности капиталистической банковской системы. В условиях СССР девизная политика отсутствует, и учетный процент определяется не в зависимости от состояния спроса и предложения ссудных капиталов, а на основе соответствующих указаний Правительства. Регулирование банковских операций производится не колебаниями процентной ставки, а соответствующим изменением плана.

Таким образом, за формальным тождеством обоих кредитных институтов скрывается колоссальное внутреннее различие, вытекающее из особенностей всего хозяйственного строительства СССР.

Подытоживая сказанное, мы приходим к следующим выводам: в условиях СССР кредит лишен своей капиталистической природы. Кредитная форма уже не является выражением специфически капиталистических производственных отношений. Формальные же моменты банковского кредита сохраняются в советской системе хозяйства. Такое несовпадение существа кредита и его внешней формы не является исключением среди экономических категорий советского хозяйства. Наоборот, в системе советского хозяйства такое несовпадение встречается довольно часто. Однако внутреннее различие советского банка от капиталистического является более глубоким, чем различие в деятельности некоторых других отраслей народного хозяйства. В то время, как основное содержание производственной деятельности какой-либо промышленности, организации изменяется относительно незначительно, характер деятельности банка, при изменении стимула и способа его деятельности, изменяется в корне. Если при капитализме кредит расширяет господство капиталистического способа производства, то в условиях СССР кредит является средством укрепления планового обобществленного хозяйства и вытеснения капиталистических элементов хозяйства. Таким образом, при сходстве внешних форм проявления кредита, сущность и историческая роль кредита резко изменяется.

Итак, банк в советских условиях перерождается. Констатация этого факта однако не достаточна для того, чтобы определить роль и значение советского банка в народном хозяйстве. Недостаточно определить, что эта роль резко отличается от аналогичного положения, занимаемого капиталистическим банком; необходимо еще определить, каково же реальное значение банка в советском хозяйстве.

II

Характеризуя роль и задачи советского банка, мы должны подчеркнуть, что эта роль (равно как и все вообще характерные особенности советского банка) неоднократно изменялась. То, что считалось новым в 1925 году, становилось через год другой общепризнанной истиной. Наоборот, многие черты, характерные для восстановительного периода, исчезли впоследствии. Эти особенности развития банковского кредита СССР заставляют нас подчеркнуть, что наиболее плодотворным методом исследования советского кредита является сопоставление в историческом разрезе эволюции той или иной черты советского кредита. При оценке форм банковского дела в СССР необходимо иметь в виду крайнюю текучесть организационных форм его и невозможность зафиксировать его основные черты в таких твердых формулах, в каких описывается стабилизовавшаяся банковская система.

Развитие банковского кредита в течение восстановительного периода может быть характеризовано, как экстенсивный процесс организации банковской системы и банковской сети. Количественный рост банковских операций, буквально создавшихся из ничего за несколько лет, отвлекал внимание от реконструктивных процессов. Не следует думать, что сложившиеся в течение первых лет кредитной системы отношения и формы работы являлись совершенно случайными. Они создавались условиями тогдашней действительности. Так, недостаток средств неизбежно приводил к множественности кредитования. Суровые требования к формам обеспечения, совершенно правильные на первых порах организации кредитной системы, содействовали развитию вексельных кредитов и создавали почву для предъявления встречных и авансовых векселей и т. д. Обстановка первых лет НЭП'a выдвигала перед советским банком в качестве первоочередной задачи содействие оздоровлению денежного обращения и товарного оборота. Стремясь в первую очередь к заполнению денежной пустоты и возрождению понятия хозяйственного расчета, советский банк в этот первый период своей деятельности развивал старые формы, заимствованные у капиталистических банков. За 5-тилетие 1921-25 г. г. кредитная система сумела аккумулировать громадные средства и распределить их по различным направлениям. Положение резко изменилось с переходом к реконструктивному периоду. Перемена в характере банковских операций диктовалась, разумеется, общим изменением задач хозяйственного строительства. При этом наибольшее значение имели следующие процессы, быстро развивавшиеся в течение реконструктивного периода; усиление планового начала, быстрый темп вытеснения частного, рост общественного сектора и изменения в организационных формах хозяйства. Кредитная система реагировала на особенности реконструктивного периода, но на первых порах и даже в течение довольно длительного времени эти особенности не были правильно осознаны. Казалось, что новые черты в деятельности советского банка являются случайными элементами, обусловленными теми или иными кратковременными конъюнктурными зигзагами. Лишь в последнее время новая природа советского банковского кредита сделалась достаточно ясной. Если в первые годы реконструктивного периода изменения в деятельности банковской системы происходили в „стихийном“ порядке, то с накоплением опыта, на основе которого были осознаны характерные черты советского банка, изменения в банковском кредите СССР проводятся уже сознательно, и потому темп всей перестройки идет более энергично. Осознание процессов, характеризующих новую стадию развития советского банковского кредита, запаздывает.

Этим объясняется тот факт, что некоторые характерные черты советского банка (как например роль планирования для банковских операций)—на протяжении ряда лет не встречала признания и лишь в настоящее время характерные черты современного советского банка сделались более явственными.

Изменение различных черт деятельности советского банка лучше всего проследить по отдельным сторонам деятельности банка. Каждая особенность советского банковского кредита пережила определенную эволюцию на протяжении рассматриваемого периода. Это сказалось даже на таком, казалось бы, неизменном факте, как тот, что советские банки являются банками государственными. Так, например, в течение восстановительного периода не только допускалось быстрое развитие частных обществ взаимного кредита, но ставился серьезно вопрос о допущении частного иностранного капитала. Организационная история советского кредита показывает смену различных тенденций—от единственного государственного банка 1921 г. к системе специальных банков в 1922—1927 г.г. с тем, чтобы завершиться переходом к новой тенденции приближения к единому банку.

Кредитная система СССР начала строиться еще в те годы, когда страна не испытывала потребности в долгосрочном (капитальном) банковом кредитовании. На первых порах банки краткосрочного (оборотного) кредита оперировали краткосрочными пассивами и предоставляли оборотный кредит предприятиям. Размер свободных денежных средств, которые могли бы быть вовлечены в орбиту кредитной системы, были однако достаточно скромными по сравнению с громадными потребностями оборота в капитале. Отсюда большая роль в советских хозяйственных условиях эмиссии банковых билетов, осуществляемой Госбанком. Банки долгосрочного кредита начали возникать значительно позднее. Они с самого начала и по форме и по существу своей деятельности сильно отличаются от аналогичных учреждений капиталистических стран.

Тут мы переходим к изменениям в структуре денежного рынка и в строении пассивов советской кредитной системы. Для долгосрочного кредита необходимо накопление, отлагающееся в денежной форме на длительные сроки. Между тем темп расширения каждой отрасли хозяйства СССР требует *всего* собственного накопления этой отрасли. Поэтому трудно рассчитывать на „добровольную“ перекачку средств кредитными методами. Более целесообразным является принудительное перераспределение всего национального накопления между отраслями народного хозяйства. Эта функция выполняется в наших условиях государственным бюджетом, в отличие от добровольного возвратного и возмездного перераспределения накопления через банковскую систему. Перераспределение через государственный бюджет является принудительным и безвозмездным. Если в капиталистических условиях бюджет исполняет как правило лишь функции перераспределения доходов, то в СССР он исполняет также функции перераспределения капиталов. В особенно большой степени произошло сокращение аккумуляирования средств кредитными методами с переходом к реконструктивному периоду. Усиление капитального строительства промышленности, сопровождавшееся ростом денежных затрат, сократило возможность образования денежного ссудного капитала в госсекторе народного хозяйства. Среди ресурсов кредитной системы все более видную роль начинают играть бюджетные средства. Здесь мы также имеем своеобразную диалектику. Если в первые годы ресурсы направлялись на краткосрочное кредитование, то затем начинается мобилизация средств для долгосрочного

кредитования. В систему долгосрочного кредита направляется из накопленных промышленности 49% через бюджет, 20% через БДК. На долгосрочное же кредитование направляются крупные суммы из средств страховых органов, из накоплений торговых и кредитных организаций и т. д. Таким образом, если пассивы долгосрочных банков с самого начала носили по преимуществу бюджетный характер, то в течение реконструктивного периода произошло сокращение пассивов кредитного характера также и у краткосрочных банков, сопровождавшееся бюджетизацией в части пассивов по краткосрочным кредитным учреждениям.

Что же касается кредитного планирования, то историческая справка, показывающая, как еще совсем недавно важнейший кредитный институт Госбанк выражал недоверие к кредитным планам и боролся с ними, кажется далеким прошлым. В настоящее время не только банки долгосрочного кредита, но и банки краткосрочного кредита работают на основе четких кредитных планов. Эти планы постепенно увязываются между собой, и с планами промышленности, и с кассовыми планами государственного бюджета. Наиболее характерным явлением в 1928-1929 году следует считать то обстоятельство, что впервые для Госбанка были составлены не только кредитные планы, но и годовой план. Этот годовой кредитный план Госбанка, утвержденный Совнаркомом 4 декабря 1928 г., определяет основные ресурсы Госбанка на 1928-29 г. и направление его активных операций.

Мы остановимся еще на изменениях, происходивших в технике банковских операций и в формах взаимоотношений советского банка с его клиентурой. Изменения во взаимоотношениях банка с его клиентами связаны в значительной мере с общей реорганизацией структуры хозяйственных предприятий СССР. В первые годы новой экономической политики банк должен был вступать в связь с отдельными хозяйственными предприятиями. Позже начался процесс консолидации хозяйственных организаций и выделения снабженческо-сбытовых их функций (синдикаты, кооперативные центры и т. д.). Эти новые учреждения начинают сосредоточивать у себя кредитную работу. По отношению к отдельным этим отраслям банк передает в некоторой части кредитно-расчетную работу синдикатам, отступая от кредитования отдельных фабрик и даже трестов. В дальнейшем происходит сближение, сращивание синдикатской и банковской работы. Это сращивание идет таким образом, что банк централизует у себя расчетные функции. Постепенно усиливается расчетная работа банковской системы. Конкретное изменение в методах финансирования имело целью наибольшее приближение форм кредита к особенностям кредитруемых процессов и к учету организационного построения данной отрасли хозяйства. Изменения в первую очередь коснулись кредитования сырья и продвижения сырья и товаров. Такие перемены, вносящие новую установку в отношения между банком и клиентом, были проведены в первую очередь в области финансирования хлебозаготовок, где был установлен принцип финансирования всего заготовленного хлеба при условии соблюдения заготовителями установленных Правительством директив. Вместо фиксации твердого кредита для каждой хлебозаготовительной организации с распределением этого кредита по филиалам банка, была проведена отмена аккредитивов и лимитов задолженности. Банк брал на себя обязательство принимать к залогом любое количество хлеба, заготовленное в любом месте. Еще более показательна для нового характера взаимоотношений Банка с его клиентурой практика кредитования Масложир-синдиката. Этот порядок связывает кредитование с размерами заготовок и скоростью обращения товаров. Различные договоры, проведенные

банками со своими клиентами, в частности договоры Госбанка с важнейшими синдикатами, в свою очередь имели целью отказ от классических форм учета векселей и установление действительных взаимоотношений на основе тесной связи банков с их клиентурой.

Так в исторической перспективе вскрывается процесс развития банковского кредита СССР. Нам остается теперь коснуться вопроса о том, какое место занимает советский банк во всей структуре народного хозяйства.

III

Оценка роли и значения работы кредитных учреждений за последние годы основывалась на констатации новых явлений в области банковского кредита. Эти новые явления сводились к ослаблению активных и пассивных операций советских банков, в особенности к ослаблению типичных для капиталистических банков форм банковской деятельности. Поскольку привлечение средств кредитными методами весьма замедлилось, постольку пассивная деятельность банков сделалась чрезмерно „пассивной“. Что же касается активных операций банков, то в этой области имел место другой процесс, характеризующийся по существу изменением основных задач, разрешаемых с помощью активных операций банков. С точки зрения „типичных“ банковских операций роль банка уменьшилась также и в области активных операций, поскольку банки потеряли былую их самостоятельность, а различные, еще недавно считавшиеся необходимыми, атрибуты банковских операций лишились почти всякого экономического значения. Развитие активных операций банков исключительно в порядке выполнения тех или иных планов, сокращение экзекуционных возможностей банков, ослабление их влияния на общие народно-хозяйственные планы — все эти несомненные факты послужили причиной выработки того взгляда, согласно которого банковский кредит „сходит на нет“, теряет свое значение в общей системе советского хозяйства.

Если считать, что отход от той работы, которую выполняет банк в капиталистических условиях, и изменение в задачах, разрешаемых банковской деятельностью, означает падение роли банка, то тогда бесспорным следует признать, что советский банк за последние годы лишился своего прежнего значения в народном хозяйстве. Однако, вопрос далеко не так прост. При отпадении некоторых функций, выполнявшихся прежде банками, могут возникнуть новые, а часть старых функций может трансформироваться и послужить достаточной базой для деятельности кредитных учреждений. Правда, в результате такой трансформации образуются, как мы указывали выше, учреждения совершенно особой социально-экономической природы, лишь по формальным методам своей работы совпадающие с капиталистическими банками. Каждому термину соответствует определенный комплекс представлений. Поэтому для более правильного осознания происшедших изменений в природе советского банка и в роли, выполняемой банком в системе народного хозяйства СССР, может быть целесообразно дать ему иное терминологическое значение, соответствующее его новой функции. Наша задача — проанализировать, какие реальные задачи стоят в настоящее время перед теми учреждениями, которые носят не совсем точное название „банк“, и какова фактическая роль этих учреждений в народном хозяйстве СССР.

Современный советский банк, сохраняющий многие формы, свойственные типично капиталистическим банкам, по существу, по самой природе своих операций резко отличается от них. Если капиталистический

банк—это торговец кредитом, торговец, имеющий целью получение прибыли за свою деятельность, то советский банк—это аппарат, перераспределяющий ресурсы народного хозяйства, согласно общехозяйственного плана. Таким образом, *в настоящее время, как мы уже отметили выше, произошло полное перерождение и перераспределительная функция в учреждении, занимающееся расчетными и перераспределительными операциями. Эти функции сохраняют в настоящее время все свое значение.* Банки переродились, трансформировались в новое учреждение, но это последнее учреждение не отрицает, а сохраняет свои операции. «Основные линии структурных изменений в области организации всего народного хозяйства (концентрация производства, синдицирование, огосударствление, усиление планового начала) ведут к тому, что чисто кредитные отношения должны играть в нем относительно уменьшившуюся по своему количественному значению роль. Банки становятся учреждениями лишь „банкового типа“. Они сохраняют и в этих условиях большое организационное значение, которое должно даже вырастать по мере того, как банки будут полнее и лучше выполнять в государственном секторе хозяйства существенную функцию контроля над правильным исполнением плана»^{*)}.

Для того чтобы добиться ясности в разрешении трактуемой нами проблемы, нужно уточнить соответствующие термины. Мы считаем, что термин „банк“ способен в настоящее время усложнять и излишне запутывать вопрос, так как банковские учреждения фактически пережили радикальные изменения на протяжении последних лет и совершенно переродились.

Исчезают типичные категории капиталистического банка. Исчезает процент, исчезает объект банковской работы—судный капитал, но сохраняется хозяйственный расчет у предприятий по обобществленному сектору, сохраняется обращаемость средств между этими предприятиями, сохраняется возвратность тех средств, которые перераспределяются между различными предприятиями. Таким образом, исчезают фетишизированные категории, остаются реальные отношения перераспределения и расчета и эти реальные отношения выполняются учреждениями „банкового типа“. До тех пор, пока существует хозрасчет и принцип возвратности—в пределах пятилетнего плана, эти принципы считаются неизбежными. Нужен орган, организующий на основе принципов возвратности перераспределение средств между предприятиями и расчеты между ними. Таким образом, под учреждениями банковского типа (а именно таковыми являются советские банки в течение периода, охватываемого пятилетним планом: 1928-32 г. г.) мы понимаем учреждения, работающие согласно народно-хозяйственному плану и имеющие целью перераспределение денежных средств на основе возвратности и производство денежных расчетов. В дальнейшем изложении мы имеем в виду только учреждения банковского типа, условно сохраняя за ними наименование „банк“.

Необходимость и значение функций, выполняемых советским банком, может быть установлено с достаточной точностью. Эти функции сводятся к обслуживанию расчетов между предприятиями и экономии денежных средств, аккумуляции—в качестве дополнения к бюджету—денежных ресурсов, далее к организации обращаемости и возвратности перераспределяемых денежных ресурсов и, наконец, к контролю за использованием средств по их прямому назначению. В результате выполнения

^{*)} Тезисы Л. Юровского на 1 Всесоюзной конференции финансовых плановых работников в 1929 г.

всех этих функций, советские банки содействуют ускорению кругооборота капитала и расширению границ производства*).

Выполнение советскими банками функций *организации денежного обращения* совершается как в форме организации безденежных расчетов, так и в форме выпуска банковской валюты. Банковая валюта дала народному хозяйству ту устойчивость, без которой немислимо было бы укрепление всех отраслей народного хозяйства. Хозяйственный расчет сделался реальным явлением в экономической жизни СССР лишь со времени появления валюты Госбанка. Система кредитных учреждений сыграла очень большую роль в деле восстановления денежного обращения. В основу денежной системы, организованной после реформы 1914 г., положена была банкнота Госбанка, и внедрение новой валюты происходило через банковый аппарат. Для денежного обращения СССР очень важно было то, что преобразование денежного обращения производилось с помощью банков. Существование банковской сети было одной из предпосылок денежной реформы, а успех последней зависел в значительной мере от того, насколько хорошо работала в последующие годы кредитная система. В настоящее время кроме того приобретает большое значение выполнение банками функций безденежных расчетов, как в общественном, так и необщественном секторе.

Мы остановимся еще в дальнейшем на той функции советского банка, которая выражается в дополнительной (к бюджету) аккумуляции денежных средств. Еще большее значение имеет организация банками обращаемости перераспределяемых через банковский аппарат денежных средств. В течение реконструктивного периода советский банк становился постепенно все более и более „пассивным“ в своих пассивных операциях, но в области активных операций он сохранил большую активность. Значение советских банков в народном хозяйстве основывается, главным образом, на той роли, которую играют активные операции банков. В этой области уменьшение самостоятельности банков и усиление роли бюджета компенсировалось большей активизацией влияния советских банков на их клиентуру и соответствующими изменениями форм взаимоотношений с этой клиентурой. С помощью кредитных учреждений происходит сглаживание временных разрывов между ресурсами банков и потребностью народного хозяйства в кредитовании. Кредитные учреждения поддерживают живой оборот денежных средств, поддерживают „пульсацию“ кредитной массы. Советские банки не являются только комиссионерами по передаче аккумулярованных ресурсов, но имеют задачей сделать обращение капитала и денег более ликвидным, подвижным и экономичным. Этими задачами определяется конкретное требование, предъявляемое к организации форм банковских операций советских банков.

Роль кредитной системы в различных секторах народного хозяйства СССР в основном сводится к следующему: во-первых, *внутри общественного сектора хозяйства* — к максимальному использованию имеющихся ресурсов и к их перераспределению в соответствии с хозяй-

*) Напомним, как Маркс формулировал значение кредита в процессе сокращения издержек производства путем сбережения денег и ускорения отдельных масс обращения: „1) деньги сберегаются посредством кредита тройным образом: А. для большей части деньги вовсе отпадают; Б. Обращение средств обращения ускоряется. С одной стороны, это ускорение техническое, оно находится в связи с техникой банковского дела, с другой стороны, кредит ускоряет быстроту метаморфоза товара и вместе с тем балансирует денежное обращение; и В. Замещение золотых денег бумажными, 2) Ускорение посредством кредита отдельных фаз обращения вообще имеет следствием ускорение обращения денег и сокращение резервов и фондов накопления. Последнее есть сокращение в той части капитала, которая должна существовать в денежной форме“ (Капитал, том III, гл. 27).

венными планами; во-вторых, по отношению к необобщественному сектору хозяйства, — к мобилизации денежных средств, перекачке средств в сектор обобщественный, укреплению и усилению социалистических элементов хозяйства, постепенному подчинению частного капиталистических элементов; в третьих, в целом — кредит является одним из рычагов регулирования производства и товарооборота и средством для ускорения темпа общественного воспроизводства. Но ускорение темпа и самая возможность ускорения ограничены особенностями реконструктивного процесса и подчиненным положением банков в системе нар. хозяйства СССР.

Характер деятельности кредитных учреждений видоизменяется в зависимости от обслуживания ими экономического сектора. Работа банков внутри обобщественного сектора по обслуживанию кредитной связи государственных и кооперативных организаций отличается от обслуживания кредитных связей внутри частного сектора. Если в обобщественном секторе по существу сохранились лишь формы старой банковской работы при изменении социальной ее природы, то в работе банков внутри частного сектора еще сохранились во многом специфические особенности банковского кредита. Тем не менее и здесь (мы имеем в виду, в частности, сельско-хозяйственный кредит) наряду с кредитными методами (добровольность, возмездность) все большую и большую роль играют принципы регулирования, планирования и другие особенности советского банка. Задачи, стоящие перед кредитным аппаратом при обслуживании необобщественного сектора, были сформулированы еще осенью 1997 года в тезисах ЦК ВКП(б), посвященных проблеме пятилетнего плана. В этих тезисах указывалось, что „кредитная система становится все в возрастающей степени орудием укрепления социалистического сектора хозяйства и в частности поддержкой бедняцких и середняцких слоев населения“. Те же тезисы указывали на необходимость „всемерного привлечения мелких сбережений и увязки их с кредитной системой“.

Таким образом, на кредитный аппарат возлагались две задачи: оказывать регулирующее влияние на необобщественный сектор и служить одним из пунктов увязки необобщественного сектора с обобщественным. На ряду с кредитом у необобщественного сектора имеются и другие методы воздействия на необобщественный сектор (бюджет, политика цен и т. д.). Таким образом, в области взаимоотношений с частным сектором кредитная система выполняет определенные задачи, поставленные перед ней государством, но в деятельности ее сохраняется относительно больше специфических кредитных элементов, чем в работе по обслуживанию государственных предприятий. Роль кредита в сфере мелкого товарного хозяйства становится яснее, если учесть, что поддержка кредитом коллективных хозяйств усиливает их позицию по сравнению с индивидуальным хозяйством, обеспечивая рост социалистических элементов в деревне, и что, помимо прямой поддержки колхозов и совхозов, кредитная система оказывает влияние на сельское хозяйство путем авансирования бедняцко-середняцких слоев крестьян, контракции посевов, кредитования процессов индустриализации сельского хозяйства и т. д.

В области обобщественного сектора банки продолжают в весьма значительных размерах кредитовать народное хозяйство. Нижеследующая таблица свидетельствует о том, насколько велики взаимные расчеты кредитной системы с финансовыми институтами и отраслями хозяйства (по проектам пятилетнего плана, составленного НКФ СССР).

	Платит в кредитн. систему	Получает из кредитн. системы	Сальдо + поступило в кред. сист. — плат. кр. с.
Гос. промышленность (вкл. электрох.)	3 217	13 803	— 10 586
Сельское хозяйство (вкл. с. х. кооп.)	2 641	4 829	— 2 188
Госторговля	74	600	— 526
Кооперация потребительская	481	270	+ 211
" промышленная	105	235	+ 130
Коммунальное хозяйство	66	646	— 580
Жилищное	85	2 608	— 2 523
Транспорт	52	65	+ 13
Госбюджет	11 342	734	+ 10 608
Местный бюджет	2 152	53	+ 2 099
Сберкассы	23	—	+ 23
Страховые органы	1 175	—	+ 1 175
Профсоюзы и др. общ. орг.	82	16	+ 66
Нар. просвещ. и здравоохран.	—	187	+ 187
Частное хозяйство	—	27	+ 28
Собственные накопления	1 838	505 *)	+ 1 288
Эмиссия	1 200	—	+ 1 200
Резерв	—	262	+ 262
Прочие	352	—	+ 352
	24 855	24 885	—

Из этой схемы видно, что источниками средств кредитной системы помимо собственного накопления и эмиссии являются средства госбюджета, местных бюджетов страховых органов, сберкасс, потребкооперации, профсоюзов и других общественных организаций. Эти средства распределяются банками между другими отраслями хозяйства, причем наибольшее количество средств получает госпромышленность и электрохозяйство, жилищное строительство и сельское хозяйство.

Из приведенных данных можно сделать несколько выводов, характеризующих роль кредитной системы в процессе перераспределения денежных ресурсов между различными отраслями народного хозяйства. Через кредитную систему проходят колоссальные средства—около 25 миллиард. руб. по пятилетнему плану. Все эти средства направляются кредитной системой на кредитование различных отраслей хозяйства; банки берут на себя оформление соответствующих кредитных операций, контроль за использованием средств по прямому назначению, стимулируют возврат средств и обеспечивают таким образом живую пульсацию денежных капиталов в стране, усиливая темп общего хозяйственного развития. Но те же данные показывают, что на долю эмиссии из собственного накопления банков приходится лишь около 2,5 млрд. руб. В основном ресурсами кредитной системы являются средства, переходящие из других финансовых институтов. Финансовая организация народного хозяйства СССР такова, что аккумуляция денежных средств осуществляется в значительной мере принудительными методами через бюджет, страховые органы и т. д., но для наилучшего использования аккумулированных средств, все они передаются в кредитную систему, на которую возлагается обязанность дать этим средствам, а также собственным накоплениям кредитной системы наиболее производительное назначение. Таким образом, становится ясным специфическое положение кредитной системы среди прочих фин. институтов. По размерам собствен-

*) Прирост вал. металлического фонда.

нной аккумуляции средств кредитная система значительно уступает гос. бюджету, но ее роль определяется не только аккумуляцией средств кредитными методами, но организацией перераспределения всех по существу ресурсов, направляемых через совокупность финансовых институтов на кредитование народного хозяйства.

Пятилетний план намечает такое распределение удельного веса различных финансовых институтов в покрытии расходов (в процентах):

	Бюджет. система	В т. ч. гос. бюджет	Кредит. система	Соцстрах	Собств. на- копления	Прочие
1928-29 г.	57,9	34,3	7,5	11,5	23,8	6,1
1932-33 г.	50,4	32,6	8,3	10,9	22,3	8,1

Таким образом, хотя прирост средств в кредитной системе проектируется очень значительным, но все же не изменяет скромного места кредитной системы среди прочих финансовых институтов. Между тем, роль бюджета в перераспределении национального дохода очень быстро растет. Финансирование народного хозяйства из бюджета за пятилетие выростает по сравнению с предшествующей пятилеткой на 39,3%. Этот напряженный рост перераспределения средств через финансовые институты имеет, как мы уже указывали, колоссальное значение для кредитной системы, так как он влечет за собой падение свободных остатков, могущих быть аккумулируемыми кредитными методами. Финансовая напряженность характеризует планы в течение реконструктивного периода.

Принимая эту "напряженность" финансовой системы, нужно поставить задачу такой организации процесса накопления и перераспределения денежных ресурсов, которая в наибольшей мере способствовала бы интересам народного хозяйства. Кредитная система СССР важна, главным образом, как организатор обращения денежных средств, но и в процессе аккумуляции их кредитная система принимает большое участие. Н. П. Брюханов имел все основания констатировать, что "помимо бюджета, который является крупным перераспределителем средств и накоплений между различными отраслями нашего народного хозяйства, ту же роль перераспределителя играет также и кредитная система. Если ежегодно миллиарды рублей перераспределяются в нашем хозяйстве через бюджет, то и через кредитную систему ежегодно перераспределяются весьма и весьма значительные суммы. В общем в своем обслуживании нужд народного хозяйства кредитная система идет наряду с бюджетом".*)

В структуре советского хозяйства кредитная система не является единственным каналом для перераспределения средств. Тем более она не является основным элементом хозяйства. Советский банк является учреждением, подчиненным общехозяйственным планам и на основе этих планов способствующим мобилизации и перераспределению денежных средств и экономизации средств обращения.

Таким образом место, занимаемое советским банком в народном хозяйстве СССР, характеризуется специфическими функциями, выполняемыми советским банком. Советский банк имеет своей задачей орга-

*) Н. П. Брюханов "Бюджет 1927-28 г. и основные задачи нашего экономического строительства", стр. 15.

низацию тесной связи с хозяйственными учреждениями в целях перераспределения денежных средств, наблюдения за использованием денежного капитала и организации контроля за использованием заемщиком банковского кредита. *Ограниченность права советского банка в области предоставления и изъятия кредита не умаляют значения банка как советского органа, выполняющего свою роль в порядке контроля и тесного контакта с хозяйственными предприятиями и учреждениями.* Советский банк является одной из организаций обобщественного сектора народного хозяйства и обязан подчинять свою деятельность плановому началу, охватывающему постепенно все отрасли народного хозяйства Союза в целом.

В дальнейшем, в соответствии с общими изменениями народного хозяйства, возможна новая трансформация советского банка. Вполне возможно, в частности, более тесное слияние банковых учреждений с бюджетными. Опыт 1919 г. уже является образцом подобного слияния. Возможно однако, что в дальнейшем слияние будет произведено не на базе бюджетных учреждений, как это было в 1919 году, а на базе банковских учреждений. Те теоретические схемы Ленина, которые были им изложены в различных произведениях, относящихся к 1917-19 годам, проявили свою жизненность на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом целый ряд положений, высказанных Лениным, накануне октябрьской революции и в первый период после ее совершения, и сводившихся к подчеркиванию необходимости расширения банковской сети и аккумуляции денежных средств через банковский аппарат с подчинением этого последнего социалистическому хозяйству, определяла деятельность банков в течение восстановительного периода. Те же формулировки, который давал Ленин в 1918-19 г., подчеркивая необходимость перерождения банка в центр общественного счетоводства, приобретают особо важное значение в современный период реконструкции народного хозяйства.

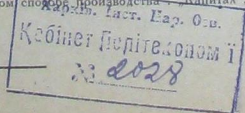
Нам необходимо еще остановиться на вопросе о пределах автономии советского банка. При существующих условиях советские банки не являются самостоятельными регуляторами денежного обращения страны. Банковский кредит находится на службе у советского государства.

Это подчиненное положение советского кредита определилось с достаточной яркостью лишь в течение реконструктивного периода, что сказалось в частности на изменении характера и значения кредитных планов. Кредитные планы в период их возникновения в 1923-24 гг. во многом определяли развитие народного хозяйства. В настоящее время кредитные планы сами определяются общими хозяйственными планами. Вопрос о пределах автономии советского банка теоретически недостаточно разработан. Это объясняется тем, что до сих пор нет полной ясности в вопросе о том, как сочетается развертывание и укрепление планового начала с развертыванием денежного хозяйства и кредитной системы. Не представляется ли с одной стороны план и с другой стороны кредит и деньги двумя противоположными, друг друга исключающими началами? В действительности подобное противопоставление носит совершенно абстрактный характер. Организующее плановое начало и банковский кредит не только могут, но и должны существовать рядом и вместе, пока рядом существует крупная национализированная промышленность и мелкое крестьянство. Реальность хозяйственного плана в смысле его финансового выполнения находит в кредитном плане лишь свою проверку, поскольку всякое нарушение хозяйственного равновесия сигнализируется кредитным механизмом.

В условиях советского хозяйства кредит — также как денежное обращение не является самодовлеющим фактором, диктующим свою волю народному хозяйству, но служит составной частью, неразрывным элементом всего хозяйства. Однако, из этого положения неправильно было бы делать вывод, будто существование банковского кредита противоречит принципам советского хозяйства. Целый ряд постановлений высших органов неоднократно подчеркивал значение кредита (и денежного обращения) для народного хозяйства. Специфические особенности общественного сектора сказываются на самостоятельности банков таким образом, что подчиняют банковую политику общим народно-хозяйственным планам, но в пределах этих планов банки могут влиять на направление ссудного капитала различными способами. Поскольку наше хозяйство развивается еще в условиях товарного и денежного обращения и для обслуживания отдельных предприятий необходимо наличие денежных ресурсов, постольку сохраняется необходимость существования учреждений, аналогичных банкам. Основным назначением этих учреждений является извлечение свободных средств страны и предоставление их в соответствии с установленными планами предприятиям, нуждающимся в денежных капиталах. На основании изложенного мы должны высказаться против существующего в журнальной литературе взгляда, будто советские банки должны обладать свободой оперативной деятельности, будто банки являются единственным органом, могущим проверять правильность других хозяйственных планов и свободно изменять их своими мероприятиями. В действительности деятельность банков в СССР не свободна, а подчиняется общим планам. В этих пределах банковый кредит сохраняет свое значение в переходный период.

Подобно другим сторонам деятельности банков степень самостоятельности советского банка также изменялась в различные периоды. В течение восстановительного периода, когда банки играли важную роль при оздоровлении денежного обращения, самостоятельность банков была довольно велика. Место банка в народном хозяйстве было очень значительно, и в эти годы не возникало даже сомнений относительно роли банков в советском хозяйстве. В течение последующих лет самостоятельность банков значительно уменьшилась, а значение их в народном хозяйстве упало. Потеряв не только традиционные методы оформления банковской работы, но и значительную долю своей самостоятельности, переродившись в учреждение банкового типа, советский банк сохраняет, однако, за собой определенное место в народном хозяйстве до тех пор, пока существует денежное обращение и принцип хозрасчета в народном хозяйстве СССР. Испытывая процесс непрерывной трансформации, советский банк работает, однако, на твердой до сих пор почве, поскольку функции, выполняемые банком, сохраняют определенное значение для различных секторов народного хозяйства СССР и для всей советской экономики в целом. Процесс изменения советской экономики обусловил уменьшение роли банковской системы в народном хозяйстве, изменил ее задачи и характерные черты, но не подорвал основ ее деятельности.

*) Напомним соответствующий взгляд К. Маркса о роли кредита в переходном периоде. «Не подлежит наконец никакому сомнению, что кредитная система послужит могущим рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, однако, ~~таким же~~ как один из элементов в связи с другими органическими переворотами в самом способе производства». «Капитал», т. 3-ий, часть 2-я, стр. 148.

О. ШУЛЬГИН

Проблема с.-х. районирования в современных условиях

Современный период коренной технической и социальной реконструкции сельского хозяйства тесно связан с значительным усилением планового начала в наиболее „стихийном“ секторе экономики страны. Проблема плана и стихии составляет ось экономики переходного периода, почему внедрение плана во все поры народного хозяйства (что означает и уничтожение капиталистического сектора, „имманентно“ стихийного по социальной своей природе, через период обострения классово-вой борьбы) приближает нас к осуществлению социализма. Планирование сельского хозяйства, как и всего народного хозяйства, непосредственно увязано с его районированием. Осуществление плана реконструкции с. х-ва немислимо без районного разреза как в построении плана, так и его осуществлении. Ибо задачей плана является как количественное развитие с. х-ва и его производительных сил, так и создание новой качественной формы этого развития — обобщественного сектора по руслу которого должно все больше и больше идти это развитие с. х-ва. При взаимной связанности этих моментов, руководящим из них является второй, поскольку темп развития с.-х. производства зависит от его формы, — в наших условиях крупного коллективного и советского хозяйства. С другой стороны, темп развития с. х-ва и максимально возможный количественный эффект с.-х. производства (продукции с. х-ва) зависит от размещения его по определенным районам, выполняющим, согласно общему народнохозяйственному плану, определенные задания, благодаря специализации районов. Отсюда ясно, какое огромное значение приобретает в настоящее и будущее время районный разрез планирования; отсюда и актуальность проблемы районирования.

Тесная связь районирования и планирования заставляет сугубо внимательно относиться к методологии районирования; всякие попытки районирования, проводящиеся в практических целях, должны быть методологически верными, ибо неправильная установка в районировании приводит логически к неверной трактовке сущности плана, с одной стороны, и к неверному содержанию плана, с другой. Между трактовкой сущности плана и подходами к районированию, несомненно, существует взаимосвязь.

Современный реконструктивный период с. х-ва невольно заставляет и в то же время делает возможным яснее понять и оценить прежние попытки районирования (их методологические подходы), выявить их ошибки и четче, определеннее построить новый, правильный метод, осознать его научную ценность и практическую целесообразность.

Почти все проведенные районирования, как в дореволюционный так и послереволюционный период, несмотря на различие подходов

и методов их осуществления, характерны тем, что *они не шли дальше познавательных целей*; нельзя было иснять, зачем все это делается, какое употребление может быть сделано из полученных районов. По ряду признаков, о количестве и качестве коих все время шли споры у всех авторов, классифицировался материал, делался анализ, получались выводы и строились некоторые прогнозы на будущее. Если же после революции некоторые районирования и служили практическим целям, то характер этой „практики“ был исключительно пассивным. Полученные районы служили для того, чтобы внутри их проводить совокупность тех или иных мероприятий, определяемых характером этих районов, полученных на основании изучения (в большинстве случаев статической) с.-х. действительности. Следовательно, имело место не активное воздействие на действительность, а механическое следование ей, приспособление к ней, выведение из нее тенденций будущего. А отсюда логически следовала и пректировка планов с.-х. развития на основании тенденций прошлого развития того или иного найденного района, его темпов, путем экстраполяции на будущее хода вещей прошлого. Все это приводило к пониманию плана и вообще планирования, как *предвидения, построению исходя из прошлого, приспособлению к „реальной действительности“*. На такой точке зрения стоят современные буржуазные с.-х. теоретики (проф. Кондратьев, Макаров Челинцев и др.), которые являются и творцами районирования. Связь между пониманием плана и районированием, как видим, тесная; одно вытекает из другого. Наиболее образно и четко выявил этот подход к районированию крупный специалист по этому вопросу Книпович в следующих словах: „учет вероятных тенденций будущего является одной из важнейших задач районирования. Только твердо зная вероятные тенденции будущей эволюции, можно подходить к вопросу о влиянии на это развитие („С.-х. районирование“, стр. 104).

Революция, строящаяся на огромных масштабах, в колоссальных темпах, в качественно совершенно новых формах, естественно не может принимать подобную философию районирования и планирования. Философия революции высказано довольно давно Марксом в его блестящих словах:

„Философы лишь *объясняли* мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы *изменить его*“. Поэтому вместо подхода познавательного нужен подход действенный, вместо пассивно-созерцательного — конструктивный, вместо аналитического — синтетический. Районирование не цель, а средство к разрыванию производственных сил с. х-ва в новых социальных формах для построения социалистического общества. Поэтому необходим не причинный, каузальный подход к проблеме, а телеологический, целевой. Наука и практика последних лет планирования так не только ставит вопрос, но и проводит в жизнь, сконструировав пятилетку, основанную не на слепом предвидении, а на целевом требовании, вытекающем из объективной действительности. *К сожалению, в с.-х. районировании вопрос подобный даже еще не поставлен.*

Для того чтобы подойти к разрешению вопроса, как же строить с.-х. районирование, откуда брать методологические установки, — необходимо кратко осветить прежние главные попытки с.-х. районирования.

Одно направление, и по времени первое, представлено группой экономистов и опытников, кладущих в основу районирования природу — почву, климат, рельеф и т. д., поскольку они считали, что эти моменты определяют все прочие моменты развития с. х-ва и его экономики. Поскольку за районообразующие признаки брались условия с.-х. производства, факторы производства, постольку это направление носит

название *районирования по факторам или условиям производства*. Сюда относятся Семенов, Прасолов, Скворцов, Дояренко, Броунов и др.

Другое направление, во главе которого стоит проф. Челинцев и ряд примыкающих к нему исследователей и огромное число практиков-агрономов, отвергает доминирование природы и неизменность районов, полученных на этой основе. Это направление выдвинуло идею развития, эволюции с. х-ва, и потому основанием для получения районов взяты были не неизменные условия производства (не могущие быть причиной развития), а сами формы с. х. производства в виде производительных отраслей и техники с. х-ва. Это позволяло, по мнению проф. Челинцева, находить те „стадии процесса с. х. эволюции“, на которых стоял тот или иной район. Поэтому это направление можно назвать *районированием по формам производства*.

И первое и второе направление отыскивали резко очерченные границы районов (хотя некоторые из них говорили о „пятнах“ районов) и считали район как однородную территорию в отношении взятых для отыскания районов признаков. Только первые считали район чем то неизменным, вторые изменяющимся, но все же однородным массивом, в целом переходящим из одной стадии с. х. эволюции в другую.

Третье направление, во главе которого стоит проф. Кажанов, стоя также на точке зрения необходимости районирования по формам хозяйства, а не по факторам, идет дальше констатирования процесса эволюции с. х. ва. В однородном, развивающемся районе оно вскрывает его различия и представляет район (или тип с. х-ва) как соединение двух или нескольких систем хозяйства, борющихся между собой, при чем одна из них отмирает, а другая нарастает. Вторая является прогрессивной и ее наша плановая практика должна подталкивать.

Заслуга этого направления заключается в том, что там, где раньше видели тождество, единство (однородность района), они увидели различие, но они не сумели дать диалектического синтеза, включающего и различие и тождество. Но ошибка этого направления заключалась не только в этом.

Это направление считало, что подобная методика районирования отвечает требованиям диалектического материализма, и оперировало категориями последнего. Но, к сожалению, это так же неверно, как и утверждение, что механический материализм является диалектическим материализмом. Проф. Кажанов в своей работе „От капиталистических отношений к плановому хозяйству“ пишет, что конкретное хозяйство и район „никогда не представляет из себя единую, однородную производственную систему, а является *механическим сочетанием* (подчеркнуто нами О. Ш.) органически различных, качественно разнородных производственных систем, не только не находящихся между собою в технико-организационной взаимозависимости, а обычно антагонистических одна другой“ (стр. 62). Подобное определение целиком механическое, упрощенное. Между диалектикой, признающей не механическую связь а „взаимопереходы“ одного в другое, взаимосвязь органическую, и подобным определением есть такое же сходство, как между диффузией газов и осмосом. Помимо того, диалектика отвергает механическую трактовку единства противоположностей в форме двух антагонистических сил, направленных в разные стороны. Это точка зрения всей позитивной науки, не подынявшейся еще до диалектического понимания развития, начиная еще с Ньютона и Канта. Ибо если до Ньютона знали только одну силу отталкивания, то Ньютон ввел еще другую — притяжения и к борьбе этих двух сил, направленных в разные стороны, свел все развитие. Философ Кант это обосновал с философской точки зрения, и вся

последующая наука аналитически рассматривала явления, расчленяла их. Диалектика включает, как первую стадию изучения, — анализ, но идет дальше и проводит синтез. А этого не делает вся наука, не понимающая диалектики как науки и как реального процесса жизни.

В последнее время среди марксистов тоже было течение (Богданов, Степанов, Тимирязев и др.), не понимающее сущности диалектики и стоящее на механической точке зрения. „Под реальным противоречием можно понимать только одно: борьбу реальных сил двух противоположно направленных активностей“, говорит Богданов^{*)}. Другой маханист Васильев пишет: „Только борьба этих противоположных сил дает возможность проникнуть в самую механику эволюционного процесса. Только разложив процесс на составляющие его противоборствующие моменты, мы сможем понять его, объяснить и предсказать его будущее“^{**)}. Формулировка совсем сходна с Кажановым.

Эту механическую трактовку, против которой ведется упорная борьба в философии, так как она упрощает действительность, Энгельс называл „плоской“ и рекомендовал „уклониться от применения этого общего места“. („Анти-Дюринг“).

Это направление рассматривало переход от охоты через скотоводство к земледелию, затем к интенсивному животноводству, потом к интенсивному земледелию и, наконец, к садово-огородной системе. Но развитие идет не только по этой схеме (кстати схематизм есть враг диалектики) и не только вперед, но бывают и регрессы. В Англии процесс „огороживания земель“ и обезземеливания крестьянства связан с переходом от земледелия к скотоводству. Проектировка украинской пятилетки с. х-ва указывает на развитие шерстного овцеводства в Степи, что является абсурдом с этой точки зрения. Но самая важная ошибка этого направления, как и всех прочих, заключается в том, что отсюда логически вытекает понимание плана, как осуществления тех тенденций, какие заложены в данном районе, в усилении и подталкивании того направления, которое вытекает из стихийно идущего процесса развития. План приспособляется к стихии, а не стихия преодолевается, отменяется планом. Это не означает отрицания объективной действительности и ее развития, а перенесение центра тяжести на сознательное, целевое преобразование природы людьми для перехода „из царства необходимости в царство свободы“ (Энгельс). Между этими двумя постановками вопроса коренная, кардинальная разница; такая разница, какая есть между статистическим учетом экономического процесса и экономической политикой. Все районирования до этого были скорее экономической географией.

Если все предшествовавшие попытки районирования порочны в своей основе, то где же нужно искать правильных методологических установок? Поскольку районирование связано с планированием, то именно в методологии последнего необходимо искать ключ к построению правильного районирования. Это дано в работах Госплана, плане ГОЭЛРО (план электрификации), работе проф. Александрова „Экономическое районирование“ и ряде других его работ.

Это госплановское районирование является *экономическим* районированием. „Главная особенность, внесенная нами в понятие экономического района, заключается не в принятии того или иного статистического признака за исходный критерий, да и нет таких всеобъемлющих критериев; для нас важно было выделить в виде района некоторую

*) „Философия живого опыта“ 1920 г. 189 стр.

**) „Философы „ее проблемы“ 65 и 70 стр.].

своеобразную, экономически законченную (но не замкнутую) территорию страны, которая, благодаря определенной комбинации из природных особенностей, капитальных ценностей (т. е. культурных накоплений прошлого времени) и населения с его бытом и подготовкой для производственной и вообще хозяйственной деятельности, представляла бы определенную потенцию для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны. Этот принцип экономической законченности дает возможность далее на хорошо подобранном комплексе местных ресурсов, капитальных ценностей, принесенных со стороны, новой техники и общегосударственного плана народного хозяйства, — „построить проект хозяйственного развития района, на базе наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах“ (Александров „Экономич. районирование“ 1921 г. стр. 4)

На основе этой установки Госплан разбил весь СССР на области и районы и внутри их делал наметку планов и последней пятилетки.

Задача заключается в применении принципов госплановского районирования к с. х-ву, т. е. к построению более мелких районов. А это возможно при наличии: 1) знания местности и всей ее экономики и природы в широком смысле и 2) плана народно-хозяйственного и с. х. развития страны или области. Первое без второго не будет районированием в том понимании, какое дается выше, а второе без первого — беспочвенно и строится при учете первого, но к нему не сводится.

Отсюда видно, что в известной мере мы возвращаемся к районированию по факторам, поскольку часть первой части состоит из этого. Нужно знание того, что может дать район в виде почвы, ископаемых и т. д. Но сами первичные условия не могут рассматриваться как неизменные факторы. Так, почва под влиянием техники изменяется, и если она раньше наилучше подходила к производству одной культуры, то теперь она может быть рационально использована для другой или других культур. Маркс поэтому и говорит, что „хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономическое оно все же постоянно предполагает известное отношение, отношение к данному уровню развития земледельческой химии и механики, и изменяется вместе с этим уровнем развития“ („Капитал“ т. III ч. II стр. 154 Гиз 1928 г.). Примером могут служить пустыни Азии, которые при орошении становятся наилучшими для производства хлопка и т. д. Но не в естественных производительных силах лежит центральный признак районирования, а в производственной оценке природных богатств и в экономике района. Госплан при учете природных моментов брал тектонику, гидрографию, орографию, залегание грунтовых вод, речные бассейны. Из других моментов экономического порядка брались: формы разветвления производств в довоенный период, социальные сдвиги, новые формы техники, новые построения в области транспорта.

В отношении сельского хозяйства необходимо учитывать характер и размеры промышленности как существующей, так и предполагаемой к постройке и силу ее влияния на с. х-во, транспорт, возможность применения новой техники с. х-ва как в форме машины, так и в форме селекционных сортов и удобрений, наличие рабочей силы и ее характер, социальные отношения, количественное и качественное значение социалистического сектора. Необходимо также учитывать такие важные показатели, как максимальный выход валовой продукции и наименьшая величина себестоимости единицы продукции, ибо задачей производства является максимальная продукция при наименьших затратах. Однако, не всегда можно применить это требование как критерий к

производству — это было бы абстракцией. Конкретная действительность требует иногда производства тех или иных продуктов в местностях, где требования низкой себестоимости не могут быть выполнены; так, например, необходимость развития хлопководства и уменьшения покупки его за границей заставляет разводить его в Дагестане, Астрахани и др. местах. Требования государственной политики могут заставить перенести производств в другие места (смещение центра тяжести производства средств производства к востоку) и т. д.

При более дробном с. х. районировании придется считать с рядом других моментов, вызываемых специфичностью с.-х.-ва как объекта районирования. Ибо абстрактное, не учитывающее качественных особенностей того или иного объекта, применение показателей недиалектично, а потому и ненаучно.

Все вышеизложенное совсем не претендует на разрешение этой сложной проблемы, каковая однако требует незамедлительного научного разрешения. Задачей статьи является лишь постановка вопроса о необходимости перехода от районирования, как познавательного метода, к экономическому районированию, являющемуся средством для переустройства сельского хозяйства. Этот момент должен быть глубоко и до конца осознан не только исследователями — экономистами, но и практиками — агрономами, работающими над реконструкцией с.-х.-ва.

Возникает вопрос: почему методологически правильная установка в районировании Госплана, имеющая уже 8 летнюю давность, не получила „прав гражданства“ в с.-х. действительности? — Потому, что почти все прежние районирования относились к с.-х.-ву и создавалась известная „жесткость“ мышления в силу накопленных этими методами результатов; кроме того, большинство авторов подобных районирований являлись и крупными с.-х. учеными, под влиянием работ коих формировалась научная агрономическая мысль; наконец, с.-х.-во до последнего времени было в значительной мере стихийным, и мысль устремлялась на познание законов этой стихии.

Но поскольку с.-х.-во начинает все более делаться плановым и стихийные начала отмирают в процессе борьбы на с.-х. фронте, постольку старые методы становятся излишними и должен возникнуть интерес к методам, помогающим нам правильно строить. Плановая практика требует плановой теории, подходов к ней, и потому логика жизни требует внимательного изучения методологии госплановского районирования, требует на основе этого приложения его к развивающемуся, совсем по новому, сельскому хозяйству.

А. СВЕРЖИН

Сущность капиталистической рационализации

Окончание *)

III.

Быстрые успехи техники капиталистической индустрии в послевоенный период протекает, конечно, при одновременной концентрации и централизации капиталов. Вполне понятно, что достижение наличного технического прогресса органически связано с ускорением темпа, которым идет возникновение монополистических объединений в новейшей фазе капиталистического развития. Реализация достижений современной техники мыслима лишь в условиях нынешней концентрации и централизации, которые в свою очередь являются единственно возможными капиталистическими формами организации индустрии, прокладывающими путь и поощряющими в известных пределах продвижение техники. Насколько интенсивно происходит централизация и концентрация производства в главнейших капиталистических странах, можно судить по следующим общим данным. В 1904 г. лишь 23,6% всех промышленных предприятий С. А. С. Ш. принадлежали к акционерным обществам и концентрировали в себе 73,7% производства всей индустриальной продукции, в 1924-25 г. акционерные общества владеют 32% всех предприятий и на долю их приходится уже не менее 88% всего производства. Обращаясь далее к динамике предприятий всей промышленности С. А. С. Ш., мы находим, что за период 1914—23 г. г. численный рост их не превышает 11%, а вырабатываемая в то же время промышленная продукция возрастает на 166%.

Наиболее распространенные формы концентрации в С. А. С. Ш. это вертикальные и горизонтальные образования трестовского типа. Вертикальная форма объединений характеризуется тем, что она охватывает несколько, последовательно идущих друг за другом, ступеней производства. В ней полнее всего осуществляются технические выгоды в связи с преимуществами от комбинированного сочетания взаимно дополняющих друг друга производств.

Рудольф Гильфердинг следующим образом характеризует взаимозависимость между комбинированными формами организации и техническим фактором: "Чрезвычайное ускорение темпа, которым идет возникновение комбинаций в новейшей фазе капиталистического развития, вытекает из тех сильных стимулов, которые даются причинами экономического характера, в особенности картеллированием. Но само собой

*) См. "Государство Украины" № 9.

1) Юлиус Гирш, "Успехи организации Американского хозяйства", изд. "Время" — 1926 г.

2) По данным цензов; исчислено по сборнику статистических материалов ЦСУ "Мировое хозяйство".

разумеется, комбинация, возникающая из экономических причин, очень скоро дает возможность ввести технические усовершенствования в процесс производства: напомним, напр., соединение доменных печей с дальнейшей переработкой, которое только и позволило рационально использовать газы доменной печи для моторов. Эти технические выгоды, раз они возникли, в свою очередь, являются побудительным мотивом к осуществлению комбинации там, где только экономические причины сами по себе еще не привели бы к ней^{*)}.

Концентрация в современной Германии протекает в двух формах. Широкое распространение получает картелирование, свойственное еще довоенной германской промышленности, заключающееся в соглашениях о продажных ценах, либо о районах сбыта, либо о разграничении сфер производства и т. д. Но, кроме того, в послевоенное время большое место начинает занимать трестирование. Процесс трестификации в Германии, т. е. объединения однородных или соприкасающихся по характеру предприятий с полной потерей их самостоятельности характеризуется грандиозными масштабами.

Некоторое общее представление о размере концентрации в Германии мы получаем на основании данных о капиталовложениях в акционерные общества. Номинальный капитал, вложенный в промышленные акционерные об-ва Германии, составляет к концу 1923 года 9165 мил. марок, а к концу 1925 г. сумма его достигает уже 14644 мил. марок. Рост акционированных капиталов по отдельным отраслям промышленности еще более интенсивен. Так, соответствующие сопоставления на те же периоды времени по текстильной промышленности показывают увеличение акционированных капиталов с 584 мил. марок до 1065 мил. ^{**)} марок; по химической промышленности почти утроение акционированных капиталов; в электротехнической промышленности и по обработке железа и стали акционирование мощно распространяется лишь после войны.

Не менее показательные сведения о концентрации в Германии приводит Н. Блискавидкий ^{***)}; в них мы находим, что из числа 12392 германских акционерных Об-в с капиталом 20354 мил. марок функционирующих в 1926 году, — объединены в концерны 1967 акционерных Об-в с капиталом 13242 мил. марок. В связи, очевидно, с тем, что самые крупные акционерные об-ва входят в концерны, последние концентрируют в себе свыше 65% капиталов всех акционерных об-в.

В Англии экономические условия концентрации менее благоприятны, чем в других капиталистических странах. До войны развитие английской промышленности характеризуется распыленностью, наличием массы мелких и средних предприятий, которые остались еще и теперь наследием прошлого. Необходимость поднятия здесь производства на более высокую экономическую ступень диктуется условиями современной мировой хозяйственной обстановки.

Несмотря на сложность проблемы для Англии, обострение конкуренции на мировом рынке и рост технического базиса английской промышленности создали и здесь предпосылки для крупных монополистических объединений, хотя и в меньшем масштабе, чем в С. А. С. Ш. и Германии. И здесь в последнее время мы видим тенденцию к образованию крупных промышленных объединений, создающую вместе с тем известные предпосылки к переходу на массовое производство. В авто-

^{*)} "Финансовый капитал" гос. изд. 1923 г. Москва

^{**)} Статистический сборник "Мировое хозяйство" изд. ЦСУ 1928 г.

^{***)} "Современный германский капитализм" изд. "Московский рабочий"

мобильной промышленности, 22 общества сконцентрировали у себя 94% всего выпуска автомобилей, производимых в стране, к тому же 11 крупных фирм уже в 1926 г. сконцентрировали 86% всей продукции этого рода, а каждая из этих фирм производила не менее 2.500 машин в год; в то же время не менее 50% производства мотоциклетов контролируется только двумя фирмами. В электротехнической промышленности 4-м крупным фирмам принадлежит около 30% всего вложенного в эту отрасль капитала, а в сфере производства сельскохозяйственных машин 26 фирм обладают 90% всех функционирующих здесь капиталов. Химическая промышленность Англии объединена в единый трест. Во всей хлопчатобумажной промышленности фактическое руководство ею осуществляется одной фирмой („И энд П Коатс ЛМТ“). Контроль за отраслью искусственного шелка принадлежит двум крупным концернам (Кауртоульде и Бритти Силенз *).

Существуют также попытки к образованию картелей в угольной промышленности. Но в этой раздробленной и отсталой отрасли английской индустрии процесс картелирования происходит еще в узких пределах.

Индустриализация во Франции сопровождается как путем внедрения новейших достижений техники, так и распространением самых высоких форм концентрации капитала. Если еще в начале предыдущего десятилетия элементы монополистического капитализма занимали в ней самое ничтожное место, то в последующие за войной годы здесь возникают крупные промышленные объединения, главным образом, во вновь появившихся индустриях — химической и электротехнической. Но весьма быстро процесс концентрации охватывает и железнорудную, сталелитейную, автомобильную, кораблестроительную и др. виды французской промышленности. С переходом, в результате империалистической войны, громадных металлургических предприятий Лотарингии во владение французских предпринимателей были созданы крупные общества, объединившие эти заводы с другими, как однородными так и неоднородными, мощными предприятиями французской индустрии. Наибольшей степени концентрации достигла французская сталелитейная промышленность; совершенно самостоятельные предприятия отсутствуют в этой отрасли производства. Характерным для металлургической индустрии Франции является распространение вертикальных форм концентрации. Они простираются здесь чрезвычайно широко, объединения металлургии с заводами рудной, машиностроительной, судостроительской, автомобильной, электрической промышленности (эти сплетения не носят, однако, характера полных слияний с потерей самостоятельности их участников). Значительного развития достигла концентрация и в автомобильной промышленности, где монопольное господство принадлежит трем гигантским фирмам, поставляющим на рынок 70% всего производства автомобилей Франции.

Индустрия стройматериалов сосредоточена во Франции во власти нескольких объединений. По цементу 75% продукции выпускается тремя мощными предприятиями, и лишь остальные 25% вырабатываются мелкими распыленными заводами. В несколько меньшей мере проникает концентрация в текстильную промышленность; хотя и здесь выделяются несколько крупных фирм — основная масса этой старой французской индустрии все же продолжает оставаться распыленной. В то же время в новой промышленности искусственного шелка функционирует два

*) Т. Сейлар „Проблема рационализации в Англии“ „Экономическая Жизнь“ № 256 — 1922 г.

общества, контролирующей преобладающую часть капиталов этой отрасли.

Италия не имела сколько-нибудь благоприятных предпосылок для мощной, подобно другим капиталистическим странам, концентрации промышленного капитала, что объясняется, главным образом, как бедностью ее естественных ресурсов, так и недостатком капиталов для успешного развития крупной индустрии. Тем не менее в электрической промышленности, достигшей колоссальных успехов после войны, процесс собирания и объединения капиталов протекает весьма усиленно; с 1913 г. по 1925 г. число акционерных обществ возросло в этой отрасли промышленности с 251 до 467, а вложенный в них капитал — с 50 мил. золотых лир до 168,9 мил. золотых лир*). Таким образом, при приросте числа функционирующих электрических акционерных обществ за рассматриваемый период на 86%, масса сконцентрированного в них капитала увеличилась одновременно в три с лишним раза. Рост акционерных обществ при многократном увеличении их капиталов имел место также и в бумажной промышленности и в некоторых других отраслях. В общем итоге, при наличии условий, мало благоприятствующих успехам концентрации итальянской промышленности, рост акционирования в ней протекает все же весьма интенсивно. В 1913 году весь капитал по промышленным акционерным обществам составлял 3050 миллионов золотых лир, а всего лишь через 12 лет (1925г.) акционированный капитал в итальянской индустрии достигает уже 7219 мил. золот. лир**). Очевидно, что результаты усиленной электрификации страны и ожесточенная конкурентская борьба на внешних рынках сильно стимулировали здесь концентрационное движение.

Приведенная нами беглая иллюстрация концентрации в главнейших капиталистических странах имеет ввиду показать, что рационализация воплощается в основном в факторах двоякого порядка: а) в росте и качественном изменении технического базиса послевоенной капиталистической индустрии и б) в усиленной концентрации капиталов, укрупнении и расширении монополистических объединений.

В связи с теми целями, какие преследует капитализм, рационализация должна быть рассмотрена с точки зрения ее экономического и технического содержания. Для капиталистов и их монополий стремление к рационализации диктуется интересами увеличения извлекаемой нормы и массы прибыли. В любой данный отрезок времени существует известный предел возможностей повышения прибыли. Это происходит под влиянием неблагоприятной рыночной конъюнктуры. Стремление капиталистов к повышению нормы прибыли или к сохранению достигнутого ею уровня, осуществляется двумя путями: а) экономически — путем соглашения конкурирующих сторон в сфере сбыта главных изделий, либо в области заготовки сырья и б) технически — через повышение техники производства и уменьшение в связи с этим издержек производства.

Явления экономической рационализации находят свое отражение в национальных и интернациональных горизонтальных соглашениях и объединениях (картелях, синдикатах, трестах), сильно распространившихся в обострившихся условиях капиталистической конкуренции послевоенного периода.

Гигантские успехи техники, рост концентрации и централизации капитала, перерастание производственной мощности капиталистической

*) Сборник статистических материалов „Мировое хозяйство“ изд. ЦСУ СССР.

**) Сборник статистических материалов „Мировое хозяйство“ изд. ЦСУ СССР — 1926 г.

индустрии за пределы реальной емкости рынков, сращивание интересов государственного аппарата с интересами индустрии — все эти факторы делают конкуренцию настолько убыточной, опасной и разрушительной, что понуждают капиталистов искать путей к соглашениям и объединениям. Уход от конкуренции и зарывание противоречий в глубь капиталистических отношений, происходит, главным образом и раньше всего, на тех хозяйственных участках, где экономическая борьба угрожает превратиться в империалистическую войну.

Выростая на высокой технической базе и при активном содействии банков, капиталистические монополии превращаются вместе с тем в тормаз технического прогресса, поскольку размеры извлекаемой отдельными участниками монополии прибавляются в этом случае не их предприимчивостью, направленной к повышению техники и улучшению организации производства, вынуждаемому конкуренцией, а условиями соглашений в сфере сбыта, уровня цен, распределения прибылей и т. д.

Выгоды экономической рационализации реализуются, во-первых, в том, что она открывает возможность достижения некоторой, хотя бы временной и относительной, устойчивости рынка, так как учет спроса для крупных капиталистических монополий оказывается более возможным, чем для разрозненных капиталистов, во-вторых, эффект рационализации достигается еще при этом сокращением издержек производства. В зависимости от характера объединений, сокращение издержек производства осуществляется различными методами: концентрацией орудий и средств производства на более рентабельных предприятиях при одновременном закрытии менее рентабельных, экономией на торговых расходах по сбыту готовых изделий и на заготовках необходимых материалов. Закупка материалов крупными партиями является, с другой стороны, новым источником экономии на ценах. Кроме того, монополизированная промышленность может извлечь выгоды реализацией или утилизацией побочных продуктов и отходов, которые в мелких предприятиях часто не имеют ценности или используются с меньшим эффектом.

Техническая рационализация возникает на базе вертикальных объединений, т. е. на таком масштабе расширения производственной организации, при котором происходило: «соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отходов или побочных продуктов; производство предметов упаковки и т. д.)». Опыт государственного капитализма во время войны в различных странах показал капиталистам выгоды комбинированных монополий, являющихся тем типом организаций, при котором получают широкое развитие принципы массового производства. М. Рубинштейн следующим образом характеризует значение военного опыта массового производства для современной капиталистической индустрии: «Производство снарядов и других военно-артиллерийских материалов, винтовок, патронов и орудий разрушения и смерти, забрасывающих землю, могло идти исключительно методами массового производства. Постройка новых военных заводов и приспособление старых мирных предприятий на обслуживание потребностей войны, шло под углом переоборудования для постановки массового производства. И преимущества массового

*) Ленин «Империализм, как новейший этап капитализма».

производства во время войны были так очевидны, что послевоенная демобилизация промышленности внесла те же принципы в самые разнообразные отрасли мирных производств^{*)}.

Старые довоенные методы комбинированных монополий, оплодотворенные опытом государственного капитализма военного периода, дают в настоящее время известным группам капиталистов возможность перестраивать технику и организацию производства на началах, позволяющих, хотя и в ограниченных пределах, перекрывать общественное разделение труда техническим.

Если горизонтальные монополистические объединения ограничивают и тормозят развитие технического прогресса в виду того, что в их жизнедеятельности задачи технического обновления и усовершенствования производства не всегда совпадают с их экономическими интересами (получением прибыли), то зато в капиталистических организациях, построенных на началах комбинаций, применение новой техники получает относительно более широкий простор и чаще совпадает с экономическими устремлениями предпринимателей. Это находит свое объяснение в том, что промышленная комбинация имеет больше возможностей замещения живого труда машинным, в результате выгод, которые здесь возникают от отпадения необходимости покупки на стороне машин и других технических элементов. Производство их внутри комбината для собственных нужд удешевляет стоимость агрегатов за счет экономии на торговой и промышленной прибыли, которую пришлось бы оплачивать в том случае, если бы они не производились самостоятельно, а приобретались бы во вне, как товары.

С другой стороны, в связи с тем, что промышленная комбинация освобождает объединения ее производства от рыночной зависимости в приобретении сырья и других мертвых элементов производства, а выработывает их внутри себя, рождаются организационные предпосылки для перехода на массовое производство. Последнее базируется на специализации производства и стандартизации изделий; оно расширяет сферу технического разделения труда, расщепляет и увеличивает число самостоятельных трудовых операций, переносит специализацию ручного труда на рабочий инструмент и способствует тем самым замене ручного труда машинным.

Таким образом комбинированная организация предприятий и связанная с ней массовость производства реализует, во первых, рационализаторские выгоды от самого факта объединения, дающего возможность монопольного выступления на рынке сбыта; во вторых, благодаря собственнo комбинации, техника широко используется в капиталистических интересах, она становится орудием замещения дорого стоящих элементов производства более дешевыми, в связи с повышающимися в этих условиях коэффициентами использования сырья и орудий производства и утилизацией отходов и отходов. Все эти обстоятельства уменьшают издержки производства и повышают норму прибыли. В том же направлении действуют свойственные комбинации плановость и автоматизм производства, ускоряющие в конечном счете оборачиваемость капиталов. Последнее обстоятельство способствует увеличению извлекаемой прибыли еще и за счет экономии на моральном износе орудий производства, что объясняется сокращением сроков действия основного капитала, в связи с интенсификацией и ускорением переноса его стоимости на выработанный продукт. Вместе с тем, возросшая роль осно-

^{*)} „Современный капитализм и организация труда“ изд. „Московский рабочий“ — 1923 г.

вного капитала, в результате изменения технической структуры капитала, означает в тоже время уменьшение доли живого труда в продукте и относительное падение значения рабочей силы.

Подвергая анализу законы развития промышленного капитализма, К. Маркс следующим образом формулировал этот процесс: „Итак в ходе накопления, мы наблюдаем не только количественный и одновременный рост различных элементов капитала: развитие производительных сил общественного труда, приносимое этим движением, выражается также и в качественных изменениях, в постепенных изменениях технического состава капитала. Объективный вещественный фактор процесса труда увеличивается по сравнению с субъективным, личным фактором, т. е. масса средств труда в сырых материалах увеличивается по сравнению с суммой применяющих их рабочих сил^{*)}).

Метод капиталистической рационализации дает наиболее полное завершение этому закону, обостряя при этом до крайних пределов антагонизм между трудом и капиталом. Гигантский рост прибыли, концентрации и централизации капиталов, наблюдаемый нами в последний период—есть показатель небывалых еще масштабов накоплений, образуемых на найвысшей производственно-технической базе капиталистической „организации“ общественного труда. Процессы увеличения, извлекаемой капиталистами прибыли протекают в настоящих условиях в индустрии в двух направлениях. Во-первых, методами конкурентной борьбы, крупные монополии уничтожают более слабых соперников. Разоряя менее сильных конкурентов, мощные капиталистические объединения овладевают лучшими в техническом отношении предприятиями, принадлежавшими рыночным противникам. В результате, происходит рост работы более мощных предприятий за счет полной либо частичной ликвидации слабых. Если борьба конкурентов и завершается соглашением, то и в этом случае технически отсталые предприятия подлежат закрытию за счет большей загрузки или расширения технических более совершенных. Все это обуславливает изменение в структуре действующего в индустрии капитала; его технический и органический состав, несомненно, повышается. Во вторых, современный рост автатизма, конвейеризма, дальнейшего расщепления и специализации трудовых процессов,—способствует в конечном счете интенсификации труда и действует в том же направлении, усиливая концентрацию и централизацию капитала. Естественно, что совокупное взаимодействие этих фактов, при осуществляемой капиталистами практике удлинения рабочего дня (Германия, Англия), приводят к сильному повышению производительности труда и увеличению масс выколачиваемой относительной и абсолютной прибавочной стоимости.

Насколько капиталистическая рационализация повысила степень эксплуатации рабочего класса и углубила в результате классовые противоречия, видно хотя бы из приводимых ниже наиболее общих данных о современных соотношениях уровней заработной платы и производительности труда. Т. Сейлор^{**)}, анализируя рационализацию в Англии, определяет рост производительности труда по всем отраслям английской промышленности в 30-40%, между тем, как динамика заработной платы в главнейших отраслях английской промышленности заметно падает. Уровень реальной заработной платы^{***)} забойщиков снизился к 1927 г. по отношению 1914 г. на 21,5%, а у подземных рабочих на 23,6%. Аналогичные сопоставления по машиностроительной промышленности показывают

^{*)} К. Маркс том 1, стр. 486 изд. „Пролетарий“.

^{**)} „Рационализированный рабочий в Англии“, „Экономическая Жизнь“ №267 1928 года.

^{***)} „Мировое хозяйство“ сборник стат. материалов изд. ЦСУ СССР.

падение реальной заработной платы у монтеров на 16% и у литейщиков на 26,8%. Правда, по некоторым отраслям английской легкой промышленности уровень заработной платы несколько превысил довоенные нормы, однако в пределах, сильно отстающих от достигнутых высоких коэффициентов производительности труда.

Как и в Англии, последствием рационализации в Германии явилось быстрое повышение производительности труда. При стабильности, а в некоторых областях при незначительном росте заработной платы рабочих в германской тяжелой промышленности, производительность труда сильно поднялась здесь. Так, например, по подсчетам Е. Варра*), производительность труда в рурской угольной промышленности повысилась с 1913 г. на конец 1927 г.—на 37%; в машиностроительной промышленности с 1925 г. до 1927 г. вес погруженных на одного рабочего машин возрос на 45%. Насколько пала доля рабочего класса во вновь произведенном продукте, видно хотя-бы из того, что в той же рурской угольной промышленности производительность труда на одного рабочего уже в 1926 г. возросла по сравнению с довоенной производительностью на 20%, а реальная заработная плата, напротив, уменьшилась за то же время на 10%. Этим процессам еще сопутствовало, конечно, оставление многих тысяч рабочих в качестве безработных.

Отсутствие сколько-нибудь полных данных о производительности труда во Франции не позволяет дать исчерпывающего представления о степени влияния здесь рационализации на положение рабочего класса. Во всяком случае тот факт, что французская промышленность быстро шагнула вперед в послевоенное время, что Франция особенно сильно развила свою индустрию на базе новейших технических способов производства, тем самым указывает, конечно, на происходящее здесь повышение производительности силы труда. В тоже время реальная заработная плата по большинству профессий французских рабочих обнаруживает тенденцию к снижению. Из имеющихся не полных данных**) видно, что у токарей по дереву дневной реальный заработок в октябре 1926 г. составляет по Парижу лишь 99% размера дневного заработка 1911 года, а по провинциальным городам еще меньше—90%; соответственно при тех же сопоставлениях и в тех же местах у столяров—88 и 91%, у кузнецов—89 и 95%, у слесарей—89 и 90%, у токарей по металлу—89 и 81%. Еще более низкое падение уровня дневной реальной заработной платы за рассматриваемый период имеет мосто у строительных рабочих (по Парижу): у каменщиков—на 22%, у кровельщиков—на 25%, у штукатуров—на 24% и у каменотесов—на 18%. Если даже иметь в виду, что по некоторым, немногим отраслям французской промышленности реальная заработная плата обнаруживает все же небольшой рост (в угольной, полиграфической и кожаной пр-сти), то в общем результате, эксплуатация французского пролетариата усилилась в связи с рационализацией. Тот же процесс роста производительности труда происходит в Италии, Австрии и в других капиталистических странах Европы, сопровождаемая в общем повышением эксплуатации пролетариата. В колониальных странах эти черты приобретают еще более выраженный обостренный характер, так как усиленная их индустриализация в военный и послевоенный периоды и одновременно переносимые сюда новейшие достижения капиталистической техники и рационализации ухудшают относительно в ничтожной мере экономическое положение промышленного пролетариата. Сохраняя низкий уровень заработной

*) „Кризис капиталистической рационализации“ журн. „Мировое хозяйство и Мировая политика“—Май 1928 г.

**) „Мировое хозяйство“ сборник стат. материалов за 1913 год изд. ЦСУ СССР.

платы и продолжительный рабочий день, капитализм присваивает себе в колониях все выгоды от сильно возросшей производительности труда.

Что касается С. А. С. Ш., то проводимая здесь с особым усердием в течение последних лет политика рационализации имеет уже своим последствием стремительное повышение производительности и колоссальное увеличение фабричной продукции. К 1927 году¹⁾ совокупная стоимость продукции индустрии С. А. С. Ш. возросла на 20% по отношению к стоимости вырабатываемой промпродукции в 1919 году, при одновременном сокращении числа занятых рабочих на 8%. Таким образом, всего лишь за отрезок времени в 8 лет средняя выработка одного индустриального рабочего С. А. С. Ш. возрасла на 37%. Если эти общие приводимые нами данные по всей промышленности не вполне показательны, так как имевшие место изменения за рассматриваемое время в отраслевой структуре могли сказаться неточностями в сторону преувеличения либо преуменьшения при определении фактической производительности труда, то приводимые ниже дифференцированные по отраслям сведения о производительности на человеко-час с 1914—1925 г.г. приближают нас к большей точности по интересующему вопросу.

Производительность на человеко-час в 1925 г. по отношению к 1914 г. принятому за 100%)

1. Автомобильная промышленность	300	%
2. Цемент	157,8	"
3. Сталь и железо	149,3	"
4. Мукомольная промышленность	139,0	"
5. Кожевенная	128,0	"
6. Сахаро-рафинадная	127,3	"
7. Бумага и бумажная масса	125,7	"
8. Обувная	116,5	"

Весьма показателен тот факт, что и в С.-А. С. Ш., в стране с наименьшим, по сравнению с другими капиталистическими странами, уровнем заработной платы, достигшем 50%-го повышения за рассматриваемый период времени, — степень относительной эксплуатации рабочего класса все же усиливается. Уже в 1927 г. при возрастании в этом году совокупного чистого народного дохода, заработная плата рабочих падает в то же время не только относительно, но, что особенно важно, и абсолютно (с 10,2 миллиард. дол. в 1926 г. до 10,0 миллиард. дол. в 1927 г.).

Разумеется, что вместе с ростом производительности труда непосредственное влияние всеобщего под'ема техники, расширение сфер механизации трудовых процессов и распространение рационализации, — все больше сказываются уменьшением трудоемкости промышленных производств и, следовательно, численности занятых в них рабочих. Поэтому, на данной фазе развития капитализма имманентные ему противоречия получают свое наивысшее развитие. Расширенное воспроизводство средств эксплуатации, с одной стороны, и безработицы, с другой, достигают крайних для капитализма количественных пределов. Вместе с тем рационализация еще интенсивнее ускоряет силу действия установленного Марксом, закона, согласно которому «вследствие прогресса производительности общественного труда, все возрастающая масса средств производства может приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы; этот закон на базисе капита-

¹⁾ Инж. Эльбе „Рационализация и безработица на Западе“ журн. „За рационализацию“ изд. 1928 г.

²⁾ Бальтер Поляков „Американский опыт рационализации“, Торг. Пром. газ. № 2—1929 г.

³⁾ Эвентов: Мировое хозяйство в 1928 г., „Эконом. Жизнь“ № 50—29 г.

лизма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что, чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятия, следовательно, тем более необходимое условие их существования: продажа собственной силы для увеличения чужого богатства или самовозрастания капитала¹⁾.

Рационализация еще в большей мере укрепляет конкурентно-способность крупного финансового и промышленного капитала, а потому ускоряет процессы разорения мелких и средних предпринимателей, сбрасывая последних в ряды работающего или безработного пролетариата. В условиях промышленного капитализма расширяющееся применение машинного способа на базе все уменьшающихся капиталистических накоплений, порождает «возрастание средств производства и производительности труда, более быстрое, чем возрастание производительного населения, и получает капиталистическое выражение, наоборот, в том, что рабочее население постепенно возрастает быстрее, чем потребность в самовозрастании капитала»²⁾. Здесь, при существовании общей тенденции к перенаселению, рост его все же несколько ослабляется привлечением известной части рабочих рук для расширяющегося производства средств производства, сказывающегося затем в ускорении тех же процессов. В условиях современного монополистического капитализма, рационализация создает возможности увеличить производительность рабочего при помощи рационального разделения труда, ускорения самого ритма работы и большей производственной нагрузки наиболее эффективных предприятий, при одновременном закрытии менее рентабельных и с освобождением от работы занятых в них рабочих. В этом случае увеличение числа безработных происходит даже без хотя бы временной и частичной компенсации за счет привлечения рабочей силы в отрасли, поставляющие машины, так как рост производительности труда и вытеснение живого труда происходит здесь зачастую без необходимости приобретения и ввода в действие новых технических агрегатов взамен выброшенных рабочих. Рационализация унифицирует и упрощает трудовые процессы, уменьшает тем самым значение квалифицированного труда, сокращая потребность в нем до сравнительно узких пределов. Это обстоятельство создает возможности капиталу применять в больших размерах дешевый труд женщин³⁾ и подростков, что в свою

1) К. Маркс «Капитал» т. 1, стр. 505 изд. «Пролетарий».

2) К. Маркс «Капитал» т. 1, стр. 506, изд. «Пролетарий».

3) Применение женского труда в индустрии многих стран сильно возросло как абсолютно, так и относительно. Так, напр., в Англии процент работниц в общем числе работающих повысился за 17 лет (с 1904—24 г.г.) в минералобрабатывающей промышленности с 18,2% до 22%; в химической — с 20,4% до 26,4%; в железнорудной — с 7,5% до 12%; в машиностроительной и автомобильной — с 4,4% до 12,1%; в металлургической — с 22,1% до 27,5%; в пищевкусовой — с 23,4 до 36,3%; в деревообрабатывающей — с 9,8% до 14,4% и т. д. В Германии из 20 мил. взрослых женщин за последние два десятилетия принимали участие в производственном процессе: в 1907 г. — 9,4 мил., в 1920 г. — 11,5 мил. в 1925 г. — 12,4 мил. и в 1928 г. — 13,5 мил.

Население женского пола возросло за рассматриваемый период на 13,2%, а число трудящихся женщин — на 34,2%, число замужних трудящихся женщин — на 69%. С рационализацией женский труд начал применяться там, где до нее он совершенно отсутствовал. На германских заводах точной механики несколько лет назад из общего числа рабочих 75,5% составляли квалифицированные рабочие-специалисты, а женщин совсем не было. В настоящее время число занятых в этом производстве женщин достигает 58%. Во Франции, как и в других странах, рационализация значительно повысила процент участия в производстве женщин. Общее число работающих пролетарок доходит здесь до 1-1,2 мил., что составляет около 20% всего пролетариата Франции. По всем странам уровень заработной платы женщин, как правило, значительно ниже заработной платы мужчин. «Экономическая Жизнь» № 56—1929 г.

очередь также способствует росту безработицы среди мужского рабочего населения.

Таким образом, рационализация является способом более эффективного использования в интересах капитала выгод новейшей техники и организации труда. Этот способ открывает новые формы организованной эксплуатации рабочего класса, которая становится возможной и осуществляется при полном содействии социал-демократии. Оппортунизм, с его новыми методами сглаживания и противодействия классовой борьбе, оказывается таким же необходимым условием капиталистической рационализации, как и государственно-политическое давление трестифицированного капитала на рабочий класс.

IV.

В отличие от приведенных в начале настоящей статьи понятий рационализации, анализ имеющихся материалов позволяет нам определить ее, как метод организованной эксплуатации рабочего класса эпохи монополистического капитализма, получивший широкое распространение в послевоенный период.

Усиленный рост техники, расширение и углубление процессов концентрации и централизации капитала, развитие государственного капитализма и внеэкономическое давление на рабочий класс, оппортунизм социал-демократии и прочих „рабочих партий“ — все эти черты послевоенного капитализма выступают в совокупности в качестве основных факторов рационализации.

Создавая колоссальные возможности для повышения производительности труда и роста прибылей, рационализация, порожденная хозяйственной обстановкой периода упадка и разложения капитализма — усиливает противоречия последнего до крайних пределов.

Современная буржуазия усматривает в рационализации основной выход из воспроизводимого ею тупика; она расширяет сферу распространения рационализации, создавая в этих целях специальные учреждения. Производственный аппарат капиталистической индустрии разросся, до гигантских размеров, и пределы захваченных и освоенных капиталами передовых стран рынков — оказываются узкими и недостаточными для поглощения потенциальных возможностей производства товаров; выход из создавшегося противоречия монополизированный капитал ищет в распространении рационализации за национальные рамки. Желание достигнуть равновесия и устойчивости в мирово-хозяйственных отношениях и находило свое отражение в созываемых экономических международных конференциях, бесплодность работы которых равнозначна аналогичным конференциям по разоружению. Но зато эти утопические идеи международной буржуазии в поисках путей облегчения проблемы сбыта и интернациональной рационализации хозяйственной жизни — получают живейший отклик и поддержку со стороны теоретиков современной социал-демократии, которые склонны расценивать явления огосударствления современного капитализма и успехи рационализации, как новую эру поступательного движения социализма. По Рудольфу Гильфердингу — „мы находимся в настоящее время в периоде капитализма, в главном преодолевшем эру свободной конкуренции и владычества слепых законов рынка; другими словами, приходим от свободной игры экономических сил к организованному хозяйству. Организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства“¹⁾. При таком понима-

¹⁾ „Капитализм, социализм и социал-демократия“ Капелюша „Моск. рабочий“—1929

ни сущности современного капитализма, при полном отождествлении последнего с социализмом, пределы капиталистической рационализации граничатся, очевидно, с социалистическим принципом организации общественного труда.

Однако, эта утопия о яко-бы наступившей счастливой эре организованного капитализма, или что одно и то же „социалистического капитализма“, не подтверждается приведенными выше фактами реальной экономической действительности. Тезисы к 10 пленуму Коминтерна полнее всего вскрывают внутреннюю подоплеку предательства и роли вождей социал-демократии, пришедших на помощь дезориентированной международной буржуазии. „Безсилie найти выход из обострившихся внешних и внутренних противоречий; необходимость подготовки новых империалистических войн и обеспечения тыла путем максимального зажима рабочего класса как „средство выхода“ из создавшегося положения; невозможность провести эти задачи своими собственными силами без помощи социал-демократических партий, наконец, потребность прикрыть такого рода политику флагом демократии и пацифизма — привели к необходимости открытого сотрудничества буржуазии с партиями II-го интернационала“¹⁾. Вместе с тем роль рационализации, как одного из орудий капиталистической стабилизации, исчерпана или почти исчерпана в попытках смягчения наличных противоречий капитализма. Узкие рамки таможенных границ, искусственно разрывающие производительные силы мирового хозяйства, сковывают их подлинно-рациональное, свободное развитие. Безостановочный прогресс рационализации оказывается возможным лишь на основе плано-организованного, массового сбыта продукции беднейшим классам, составляющим социальное большинство в современном обществе. Однако, невозможность плано-организации рынка и повышения благосостояния и покупательной способности широких масс человечества обуславливается анархической и экспроприаторской природой капитализма. Поэтому, действительная рационализация становится реальностью лишь на очищенном от капиталистических отношений горизонте, только на этом чистом фоне она будет подлинно научной, разумно направленной на целесообразное использование и умножение во времени и пространстве материальных производительных сил в интересах всего трудящегося человечества.

Н. А. ЗЕЛИГМАН

Технологические и экономические связи металлургического и химического комбинатов на Днепрострое

I. Состав Химкомбината. Ни один из объектов промышленного строительства на Днепрострое не имел столько вариантов, как химический комбинат; потребление им электроэнергии, намечавшееся в первом варианте свыше 150 тыс. кв., ограничивалось в последнем варианте Главхима лишь 20 тыс. кв.

Столь резкие колебания объясняются тем, что намечавшееся ранее в сравнительно большом объеме производство аммиака на электролитическом водороде и фосфорной кислоты путем электровозгонки фосфора и дальнейшего его окисления — были признаны неэкономичными и пере-

¹⁾ „Правда“ № 165. 1929 г.

несены в другие районы, где производства эти могли быть поставлены по другим методам.

Так, например, аммиак более целесообразно производить на водороде коксовых газов, а фосфорную кислоту—путем экстракции ее серной кислотой из фосфоритов.

Однако, строительство Запорожского металлургического завода с коксовыми печами при нем вносит резкие изменения в состав и характер Химического Комбината, так как позволяет организовать здесь производство аммиака, но не на электролитическом водороде, а на водороде коксовых газов. При этом Днепрострой становится оптимальным пунктом в Союзе для производства аммиака, ибо наряду с дешевым водородом коксовых газов здесь имеется дешевая энергия и вода (в себестоимости продукта—водород, энергия и вода составляют свыше 70%).

Масштаб производства аммиака зависит от масштаба коксования; при выжиге 820 тыс. тонн кокса в год, окажется возможным получить около 60 тыс. тонн аммиака. Себестоимость 1 тонны аммиака на Днепрострое колеблется в зависимости от метода производства (Клод или Линде-Казале) от 192 до 200 руб., в то время, как на установках в Донбассе эта себестоимость определяется в 250 руб.

Дальнейшую переработку аммиака гораздо выгоднее сосредоточить на месте производства аммиака, чем перевозить жидкий аммиак в другой район, ибо перевозка аммиака весьма дорога: требует специальных приспособлений и сопровождается относительно высокими потерями.

Аммиак на Днепрострое предполагается перерабатывать на азотное удобрение, так называемую, лейна-селитру, представляющую собой смесь сульфат-аммония и аммиачной селитры.

Для производства сульфат-аммония необходимо иметь на месте серно-кислотную установку, а для аммиачной селитры—установку для производства азотной кислоты. Таким образом, состав цехов аммиачнотуковой группы намечается следующий; аммиака, сульфат-аммония, аммиачной селитры и лейна селитры.

Группа эта, следовательно, представляет собой вертикальный комбинат, все производство которого базируется на аммиаке, кроме серной кислоты, базирующейся на привозном колчедане.

Следующей по своему значению группой является производство хлора и его производных.

Поскольку решающим фактором в экономии производства хлора является стоимость энергии, себестоимость хлоропродуктов на Днепре значительно меньше, чем в других районах Союза. Так, например, стоимость 1 тонны хлора на Днепрострое—89,5 руб., а в Донбассе (Донсода)—189 руб.

Наличие на Днепрострое завода синтеза аммиака, который сможет поглотить отбросный водород электролиза, еще больше снижает себестоимость хлора.

Из нескольких вариантов ассортимента хлоропроизводных на Днепрострое, наиболее целесообразным следует считать следующий: хлор газа, жидкого хлора, каустика, хлоризвести, бертолетовой соли, хлорбария.

В указанном варианте производство бертолетовой соли принято по химическому (а не электролитическому) методу, как экономически наиболее выгодному.

К этой же группе можно отнести и ряд электролитических производств, правда, не связанных технологически с хлорной группой, но имеющих много общего в процессах производства, как например: производство металлического магния и натрия, а также ряда перекисей—пербората, персульфата и перхлората.

Экономика этих производств не Днепре позволяет надеяться на достижение себестоимости значительно ниже современных отпускных цен на зарубежных рынках.

Наконец, в отдельную группу следует выделить, так называемые, электротермические производства: карбид кальция и карборунд. С последними связано также производство уксусной кислоты.

Перечисленные производства могут быть поставлены на сезонной энергии. В последнем случае общая потребность Химкомбината в постоянной энергии (у приемников на месте потребления) выразится в 34.550 кв., а в сезонной — 36.850 кв.

Таким образом, весь Химкомбинат представляется в виде трех групп, неодинаковых по своему характеру и удельному значению: аммиачно-туковой, электротермической и электролитической. В то время, как первая группа (аммиачно-туковая) состоит из производств с ясно выраженными вертикальными связями, третья (электротермическая) представляет собой производства, комбинирующиеся горизонтально (аналогичные установки и процессы), вторая же (электролитическая) представляет собой смешанный тип — часть производств, именно хлорпроизводные связаны между собой вертикально, а остальные (перекиси) — горизонтально.

Стоимость продукции Химкомбината оценивается в 40,5 мил. руб., из них на долю аммиачно-туковой группы приходится 16 мил. руб., электротермической 4 мил., электролитической 10 мил. Общая стоимость строительства — 89 мил. руб., из них на долю аммиачно-туковой — 45 мил. руб., электротермической 7,5 мил. руб. электролитической 18,5 мил. руб.

Из этих сопоставлений делается ясным значение пр-ва удобрений в Химкомбинате на Днепрострое.

II. Технол. и эконом. связи металлургического и химического комбината. Отдельные группы Химического Комбината технологически и экономически связаны между собой. Так, например, как уже указывалось выше, отбросный водород при производстве хлора используется при синтезе аммиака и является таким образом звеном, связывающим аммиачно-туковую и электролитическую группы; электролитическая и электротермическая группы связываются по линии общих известковых печей, так как с одной формы известь необходима для производства карбидкальция, а с другой — для производства хлорной извести.

Связь между электротермической и аммиачно-туковыми группами в настоящем варианте Химкомбината не намечена (в виду незнакомства с рядом технологических процессов); но в перспективе можно наметить химическое использование отходящих газов карбидных и карборундовых печей с целью получения водорода и углекислоты методом конверсии (см. ниже).

Наиболее тесная связь создается между Химкомбинатом и Металлургическим заводом по линии использования коксового газа в целях извлечения водорода, необходимого для синтеза аммиака.

Процесс извлечения водорода по методу Клода в общих чертах состоит в следующем:

Коксовый газ по выходе из коксобензольного завода (где у него извлекаются смола, аммиак и бензол) поступает в компрессор, где сжимается в три или в четыре ступени до 25 атм. и направляется в систему поглотителей, где освобождается от примесей углекислоты, сероводорода, ацетилена, следов аммиака и бензола путем последовательной промывки аммиачным раствором, водой, поглотительным маслом, опять

водой и наконец раствором щелочи. Очищенный таким образом газ поступает в установку для вымораживания, где газовая смесь охлаждается путем теплообмена с отходящими после фракционирования разделенными газами; по мере охлаждения газа из него выделяются наиболее высоко-кипящие части. Так например, при температуре -65° выделяются этан, этилен, при 100° — метан и т. д., последние фракции извлекаются при температуре -200° . Все выделенные таким образом сжиженные фракции в дальнейшем, проходя теплообменники, нагреваются, снова превращаются в газообразное состояние и в виде богатого газа поступают в газгольдер, а выделенный водород, несколько загрязненный примесью окиси углерода, сжимается вместе с добавкой азота компрессором до 1000 атм., и подается в аппараты для ситеза.

Таким образом, для этой операции из коксового газа извлекается 90% водорода, 50% азота и около 20% окиси углерода, а также вся углекислота, сероводород, ацетилен и следы аммиака и бензола.

Состав коксового газа до и после извлечения водорода следующий (в %):

	H_2	CH_4	O_2	CO	CO_2	N_2	C_2H_6	H_2S
до извлечения водорода	50	25	1	7	3	11,5	1,5	1,0
после извлечения водорода	10,4	55,5	2,1	12,4	—	16,4	3,2	—

Калорийность остаточного газа, в виду отсутствия в нем углекислоты и большего %-ного содержания высококалорийных частей (C_2H_6 , CH_4 , CO), значительно выше калорийности нормального коксового газа и достигает 6000—6500 калорий. Таким образом, забирая у металлургии почти 50% газа по объему, химический завод в сущности отнимает лишь 30% его калорийности.

Описанная тесная технологическая связь между аммиачным производством и коксовыми печами заставляет располагать эти производства в непосредственной близости одно от другого.

Эта связь еще больше усиливается вследствие того, что на Коксобензолном заводе, непосредственно связанном с коксовыми печами, будет отделение для извлечения аммиака из коксовых газов; совершенно очевидно, что совместная переработка синтетического и естественного аммиака будет очень выгодной.

Третью связью между металлургическим заводом и аммиачно-туковой группой Химкомбината является утилизация огарков колчедана, получающихся в значительных количествах на сернокислотном заводе, в качестве железной руды в доменном процессе.

Коксовые печи тесно связывают оба комбината в целом, ибо масштаб коксового производства определяется не только потребностями доменного цеха, но и всех остальных потребителей, в том числе и Химкомбината; увеличенный же масштаб выжиги кокса улучшает тепловой баланс металлургического завода и делает более безболезненным для его экономики извлечение из газа водорода для химических целей.

Один из крупнейших факторов, определяющих целесообразность комбинирования между собой металлургической и химической группы производств, является также возможность поглощения последними всего пара, который можно получить на металлургическом заводе при использовании тепла выхлопных газов воздухоподувных машин, отходящих газов мартеновских нагревательных печей прокатного цеха.

Особый интерес представляет собой связь между заводом Днепрсплав и электротермической группой Химкомбината, в частности связь

между производством ферросплавов и карбида кальция. Совершенная аналогичность производственного процесса, идентичность оборудования (печи) заставляет поднять вопрос о целесообразности совместной организации этих производств на одном заводе.

Предварительные экономические подсчеты говорят о значительной экономии, получающейся при таком комбинировании (см. ниже).

Наконец, огромное значение будет, повидимому, в будущем иметь химическое использование отходящих газов завода „Днепросплав“. Если учесть, что при производстве 1 тонны сплавов получается около 1000 куб. метров газов с содержанием окиси углерода свыше 60-70%, то можно с уверенностью предположить, что применив при переработке этого газа так называемый метод конверсии, мы сможем иметь при намечающемся размере производства ферросплавов свыше 50 милл. куб. метр. водорода, стоимость которого (если оценить 1000 куб. метр. по самой дешевой цене в 30 рубл. за 1 м³) достигает — 1,5 мил. рублей.

Очерченные выше связи отдельных производств металлургического и химического Комбинатов заставляют соответствующим образом проектировать расположение заводов в генеральном плане.

В непосредственной близости от коксовых установок должны находиться газгольдеры водородно-азотного отделения аммиачно-туковой группы. Здесь же концентрируются остальные цеха аммиачно-туковой группы с таким расчетом, чтобы склады готовой продукции лейна — селитры были расположены недалеко от гавани и в непосредственной близости от подездных жел.-дор. путей. Близкое расположение аммиачно-тукового комбината к металлургическому заводу целесообразно еще в связи с необходимостью передачи серной кислоты по трубам с сернокислотного завода в сульфатный цех кособензольного завода, а также и потому, что при этом мы сможем достигнуть небольших потерь давления пара, передаваемого с металлургического завода к наиболее мощному потребителю пара — аммиачно-туковой группе.

Хлорная группа с окружающими ее производствами сможет быть несколько отдалена от аммиачной, так как передача отбросного водорода электролиза на синтез аммиака не встретит сколько-нибудь серьезных препятствий даже при расстоянии в 2-3 километра; однако, ограничивающим фактором будут служить те соображения, что питание паром этой группы также будет более выгодным производить с остальных производств комбината.

Из производств электротермической группы, производство карбида кальция, как уже указывалось, должно будет сочетаться с производством ферросплавов; однако, необходимые для карбида кальция известковые печи вряд ли целесообразно располагать у Днепросплава, ибо известь должна кроме этого идти на производство хлоропродуктов, а кроме того углекислый газ известковых печей сможет применяться в будущем в производстве аммофоса; таким образом известковые печи лучше оставить при хлорном заводе с передачей извести по подвесной дороге на завод ферросплавов для карбида кальция.

Расположение химического комбината на одной площадке с металлургическим вызвала ранее опасения с точки зрения вредного влияния отбросов и выделений химических производств, однако указанное опасение не является в достаточной мере обоснованным; так, например, выделение хлоргаза на современных заводах настолько незначительно, что в практике зарубежных стран можно видеть хлорные заводы, расположенные в центре города (завод Яна Декера в Голландии). Окислы азота и сернистый газ целиком улавливаются в процессе производства. Образующаяся в электротермических производствах окись углерода

выделяется в столь незначительном количестве, по сравнению с газами доменных печей, что никакой опасности не представляет.

Отбросом производства хлорной извести является, так называемый, недопал, который может быть удален в твердом и, конечно, в безвредном виде. При производстве бертолетовой соли в качестве отброса будет хлористый кальций, который является безвредным; наконец, при производстве уксусной кислоты вместе со сточными водами удаляется гидрат окиси кальция, который никакой вредности не представляет.

Таким образом, и с этой стороны нет препятствий к расположению на одной площадке металлургического и химического комбинатов.

III. Выгоды комбинирования металлургического и химического комбинатов. Описанные выше технологические и экономические связи отдельных групп производств металлургического и химического комбинатов даст значительную выгоду при взаимном комбинировании этих производств по сравнению со случаем их раздельного существования. Количественный учет выгод комбинирования представляет, понятно, огромные трудности, особенно в настоящий момент, когда проектов еще не имеется; однако, представляется вполне возможным дать ряд грубо ориентировочных соображений, имеющих относительную ценность, что для наших целей является вполне приемлемым.

Рассмотрим сначала выгоды взаимного комбинирования металлургического и аммиачного заводов.

Здесь необходимо учесть не только выгоды, непосредственно получаемые тем или иным предприятием, но и выгоды народно-хозяйственного порядка, вытекающие из того, что в том или ином цикле возникают новые производства, дающие большой эффект в применении их продукции в других отраслях народного хозяйства. С этой точки зрения представляется интересным исследовать вопрос о том, насколько целесообразно применять коксовый газ только энергетически, как топливо в тепловых процессах металлургического завода, или же также и химически путем его обработки и извлечения водорода. Для этого можно привести следующие подсчеты. Расход газа на синтез аммиака составит 30% от общей его (газа) калорийности. В условиях металлургического завода в Запорожьи — это составит около 360.000.10⁶ калорий что эквивалентно — 51.000 тонн угля, общей стоимостью 650.000 рублей; в то же время общая ценность полученного из коксового газа водорода составит не менее 4.500 тыс. руб. (оценивая 1.000 куб. метр по 30 руб). Конечно, проводить полную параллель между этими суммами нельзя, ибо в последнюю входит и стоимость газа и стоимость его переработки; однако указанные цифры все же дают представление о тех выгодах, которые могут быть получены, при более тонком использовании коксового газа. Эти выгоды еще более будут обоснованы, если принять во внимание тот конечный эффект, который дадут удобрения, в смысле повышения урожайности с.хоз. культур. Так, например, тоже количество водорода (150 мил. куб. метр.), будучи превращено в 60.000 тонн аммиака, а затем в 160.000 тонн лейна-селитры (стоимостью в 16.500 т.р.) дадут прирост урожая сахарной свеклы на сумму 20 мил. руб., а озимой пшеницы на 25 мил. руб.

С точки зрения интересов металлургического завода возникает вопрос: как отразится изъятие водорода из коксового газа на тепловом балансе завода?

В этом отношении подсчеты Химстроя позволяют прийти к следующим выводам:

При изъятии из коксового газа водорода, вся потребность металлургических цехов и воздуходувной станции доменного цеха в топливе по-

крывается полностью и сверх того остается для прочих нужд завода 4% коксового и 6% доменного газа. Если этот остаток газа вместе с имеющимися отходами коксового орешника, мусора и шлама использовать для производства электроэнергии, то получим в среднем 19 тыс. кв. энергии вместо 25 тыс. кв., получаемых из тех же источников без изъятия водорода.

Поскольку себестоимость энергии собственной заводской станции будет не меньше 2 — 2,2 коп. за квч, а соответственная отпускная цена энергии Днепровской гидростанции для металлургического завода будет около 1,7 коп., то выгоды при пользовании металлургическим заводом энергией гидростанции будут достигать 250 — 300 тыс. руб. в год (при потреблении дополнительно около 50 мил. квч. от гидростанции); кроме этого получится экономия на капитальном строительстве собственной газовой станции.

Помимо этого, огромная экономия может быть получена при использовании химкомбинатом отбросного пара металлургического завода, получающегося за счет использования выхлопных газов воздухоудельных машин (такого пара предвидится иметь около 81.000 тонн в год), отходящего тепла мартенов (130.000 тонн) и, наконец, нагревательных печей прокатного цеха (96.000 тонн). Этот пар может отпущаться Химкомбинату по весьма низкой цене не более 1 р. 50 к. за тонну, что по сравнению со стоимостью пара из собственной тепловой станции Химкомбината (3 руб. за тонну) составит для последнего свыше 300 тыс. руб. экономии в год. Кроме того на стоимости строительства электростанции можно сэкономить 2 м. Металлургический же завод, не имеющий другого потребителя для этого пара, исчисляет свои выгоды по этой статье в сумме 450 тыс. руб.

Нельзя не упомянуть еще и о значительной экономии, которая получится в результате использования на металлургическом заводе — огарков колчедана.

При намеченном масштабе производства серной кислоты в 75 тыс. тонн будет ежегодно получаться около 60 тыс. тонн огарков, представляющих собой высокопроцентную железную руду; учитывая, что 1 тонна железной руды в Запорожье обойдется не менее 7 руб., а стоимость агломерации огарков обойдется не более 5,5 руб., — общая экономия выразится в сумме не менее 90 тыс. руб. в год.

При разрешении проблемы использования в доменном процессе кислорода, появится возможность весьма выгодного применения отбросного кислорода, получающегося в процессе добычи азота (по методу Линде).

Наконец, необходимо отметить те выгоды, которые получатся вследствие укрупнения масштаба выжиг кокса (что является также следствием комбинирования); помимо того, что мы получаем некоторое снижение стоимости кокса, при увеличении производства кокса мы значительно улучшаем тепловой баланс, и это обстоятельство, главным образом, и позволяет нам свести бездефицитно тепловой баланс металлургического завода.

Выгоды комбинирования производства карбида кальция с производством ферросплавов выражаются прежде всего в уменьшении капитальных затрат и в снижении себестоимости, как это видно из помещаемой ниже таблицы (см. сл. стр.).

Следовательно, при производстве 20.000 тонн карбида кальция мы получим экономии на строительстве 2,7 мил. руб. и при эксплуатации 280 тыс. руб. в год.

	I вариант Самостоятельный завод	II вариант Комбинирован- ный с зав. фер- росплавов
Стоимость капиталь- ных затрат	5.700.000	3.000.000
Заводская *) себе- стоимость	116 руб.	102 руб.

Завод ферросплавов и карбида кальция явится крупным производителем отбросного газа относительно высокой калорийности (около 3.000 кал.). Если учесть, что на 1 тонну сплавов получается около 700 куб. метров газа, то при производстве 100 тыс. тонн ферросплавов и 20 тыс. тонн карбида кальция можно получить около $363\,000 \times 10^3$ калорий, могущих быть использованными для обогрева известковых печей, а также как топливо в котельной Химкомбината. Потребность известковых печей Химкомбината в топливе составляет около $31\,200 \times 10^3$ калорий, дополнительная потребность Химкомбината в паре (сверх 300 тыс. тонн, которые будут даны с металлургического завода) составляет $150\,000 \times 10^3$ калорий. Таким образом, общее добавочное количество тепла, потребного для Химкомбината, составляет $180\,000 \times 10^3$ калорий, что с избытком покрывается запасом тепла отходящих газов; применение их дает ежегодно экономию (в переводе на уголь) в 300 тыс. руб. Однако, полностью использовать это тепло в течение года нельзя, так как работа завода ферросплавов и карбида предусмотрена на сезонной энергии; последнее обстоятельство заставляет с особенной настойчивостью ставить вопрос о химическом использовании отходящих газов, что сулит огромные выгоды. Так, например, если содержание CO в газе составляет 60%, то при применении метода конверсии (по формуле $\text{CO} + \text{H}_2 = \text{CO}_2 + \text{H}_2$), при производстве 120 тыс. тонн сплавов и карбида, можно получить свыше 50 мил. куб. метр. водорода и 30 мил. куб. метров углекислоты.

Если исходить из перспективных цен на водород и углекислоту, то указанная продукция может быть оценена в сумме 2 мил. руб. Все это количество водорода и углекислоты сможет быть использовано в производстве удобрений. Описываемый метод химической переработки отходящего газа создает неразрывную связь между производством ферросплавов и аммиачно-туковой группой и позволяет почти на 25% снизить себестоимость ферросплавов.

Последнее обстоятельство заставляет очень внимательно разработать соответствующий проект.

Помимо выгод, вытекающих из технологических и экономических связей отдельных производств между собой, можно еще указать на выгоды, вытекающие из общих установок по снабжению Промкомбината энергией, водой, транспорт, сооружений и т. д. Так, например, если общая стоимость транспортных сооружений (гавани, подъездные ветки и т. д.) комбината оцениваются в 34 мил. руб., то на долю металлургического комбината эти расходы в соответствии с удельным его значением в грузообороте Промкомбината ложатся в сумме 32,3 мил. руб., а на Химкомбинат—1,7 мил. руб., в то время как, при расположении Химкомбината на другой площадке, расходы его были бы неизмеримо выше и, кроме того, металлургическому комбинату пришлось бы оплатить и те 1,7 мил. руб., которые в первом случае покрываются Химкомбинатом.

*) В том и другом варианте предполагается работа на сезонной энергии.

В таком же, примерно, отношении находились бы расходы по линии энергетических и водопроводных сооружений. В последнем случае необходимо указать еще на один благоприятный вариант разрешения вопроса о водоснабжении, в случае комбинирования всех производств на одной площадке, а именно: если всю проработанную воду комбината не обращать в производстве, а заменить свежей водой, спуская отработанную воду в коллектор, то в связи с рельефом площадки (наличие падений в 60 метр. на коротком расстоянии) представляется возможным использовать силу падения большой массы воды для приведения в движение водяной турбины мощностью около 2,5 тыс. кил.

Приведенные ориентировочные подсчеты лишь по нескольким производствам дают следующие цифры экономии, получающейся вследствие комбинирования металлургического и химического комбинатов:

Выгоды комбинирования (в тыс. руб.)

Наименование статей	В части капитального строительства		В части эксплуатации	
	Для металлургических	Для химических	Для металлургических	Для химических
1. Замена части энергин собственной станции энергией гидроцентр.	2.000	—	300	—
2. Использование отбросного пара метал. завода	—	2.000	450	300
3. Карбидное производство .	—	2.700	—	280
4. Использование газов ферро- сплавов:				
энергетическое	—	—	—	300
химическое	—	—	—	2.000
5. Огарки	—	—	90	—
6. Транспорт	1.700	—	—	—
Итого	8.400		3.720	

Итак, экономия на капитальном строительстве достигает около 8,5 мил. рублей. Экономия на эксплуатации по первому варианту — 1.720 тыс. руб. (при использовании газов Днепрослава для целей обогрева) и по второму варианту 3.720 тыс. руб. (при химическом использовании отходящих газов).

Приведенные ориентировочные изменения дают представление о той огромной экономии для народного хозяйства, которую таит в себе комбинирование производств металлургической и химической промышленности на Днепрострое.